

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ПЯТЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Казань – 2013

УДК 069
ББК 79.1+79.0
Ч-52

Редакционная коллегия:

Валеева З.Р.

Научный редактор:

кандидат исторических наук *Измайлов Б.И.*

Ч-52 Пятые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции Пятые Кремлевские чтения «Военная история России: мифы, факты и память» (Казань, 21-23 ноября 2012 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 266 с.

В сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции «Военная история России: мифы, факты и память» (21-23 ноября 2012 г.), приуроченной к 200-летию Отечественной войны 1812 года.

ISBN

- © Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», 2013
- © Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013

Абдуллин Х.М.

Отечественная война 1812 г., заграничные походы 1813-1814 гг. и татарский народ

Татарский народ один самых «исторических» на территории России. Ни один другой этнос в нашей стране так не представлен в русских письменных источниках Средних веков и Нового времени. Не малая заслуга в этом принадлежит воинской доблести татарского народа. Еще во времена Золотой Орды татарские князья, мурзы и служилый люд с желанием переходили на службу к русским князьям. С этого периода можно с уверенностью говорить об участии татарских дружин во всех военных кампаниях России.

При Петре I (1689-1725) происходит переход к регулярной армии, что снизило значение служилых татар в вооруженных силах России. Более того, именным указом от 19 января 1722 г. рекрутская повинность была распространена на марийцев, мордву и татар¹. Долгие десятилетия, вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г., татары из Центральных областей и Средней Волги были единственным народом мусульманской веры, которые в качестве нижних чинов рекрутировались в регулярные войска. История нижних чинов татар в регулярной армии и во флоте изучена недостаточно, отметим лишь, что они участвовали во всех войнах Российской империи, включая Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы 1813-1814 гг.

О доблести этих воинов могут свидетельствовать факты выслуги в офицерские чины и дворянство некоторых нижних чинов, начавших службу в рассматриваемый период. Например, Ермухаметов Ахтэр Мухаметович – родился в 1782 г. в крестьянской семье, мусульманского вероисповедания. В 1805 г. был взят рекрутом в матросы, с 1832 г. – поручик, в 1841 г. служил в Казанской арестантской роте Гражданского ведомства. Род Ермухаметовых утверждён во дворянстве указом Герольдии от 28.05.1845 г.² Алеев

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. VI. № 3884. СПб., 1830. С. 483.

² Казанское дворянство 1785-1917 гг.: Генеалогический словарь / Сост.

Манагул Алеевич – родился в 1789 г., из татар Казанской губернии. В 1806 г. был взят в рекруты рядовым, с 1823 г. – прапорщик, с 1825 г. – подпоручик, в 1826 г. уволен с тем же чином, далее на гражданской службе. Род Алеевых утвержден во дворянстве указом Герольдии от 10.08.1848 г.³ Саинов Юзей Ахмерович – родился в 1791 г., из солдатских детей, мусульманского вероисповедания. В 1812 г. вступил в службу из Казанского сиротского отделения. С 1842 г. подпоручик, вышел в отставку с чином поручика. Род Саиновых утвержден во дворянстве указом Герольдии от 31.12.1851 г.⁴ Вагимов Абдулла Вагимович – родился в 1795 г., из татар Уржумского уезда Вятской губернии, мусульманского вероисповедания. В 1813 г. взят в рекруты. С 1832 г. – прапорщик, с 1847 г. – штабс-капитан, в 1848 г. уволен с тем же чином. Род Вагимовых утвержден во дворянстве указом Герольдии от 27.07.1854 г.⁵ Думается это не единственные примеры из истории рекрут-татар.

Кроме того, татары из числа податного состояния охотно записывались в ополчение городов Среднего Поволжья. Например, в состав Казанского и Вятского ополчений вошли татары мещане. Так, мещанка Нигабидуллина, отдав в ополчение старшего сына, вновь явилась в Татарскую ратушу Казани с просьбой о принятии туда же и ее младшего сына⁶. По манифесту императора Александра I от 18 июля 1812 г. о формировании народных ополчений Казанская губерния вошла в 3-й резервный округ, центром которого являлась Кострома. Прием ратников и офицеров из числа дворян начался в сентябре 1812 г. Начальником Казанского ополчения был избран генерал-майор Д.А. Булыгин, командиром пешего 6-ти батальонного полка подполковник Н.Н. Чичагов, а конного полка (3 сотни) – майор Л.С. Григорьев⁷. Именно из числа татарских наездников во многом были сформированы конные части.

Усилиями директора Казанской гимназии профессора Яковкина

Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 212.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 487.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Городчанинов Г. Казанское ополчение // Республика Татарстан. 2002. 12 сентября.

⁷ Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 324.

манифест о сборе ополчения был переведен на татарский язык, отпечатан в типографии в количестве 200 экземпляров и распространен по всей губернии⁸. Жители губернии пожертвовали на нужды ополчения 346 тысяч рублей серебром, в том числе свыше 10 тысяч рублей внесло татарское население. Отдельно жители Свияжского уезда собрали 100 пудов меди, а крестьяне Чистопольского уезда – 200 пудов шерсти⁹.

Пройдя краткий курс военных наук в ноябре 1812 г. ополченцы выступили в поход на Киев, дальше на Волынь и в 1813 г. вошли в состав Польской армии. В октябре 1813 г. казанские ратники отличились при осаде Дрездена. В бою 25 октября ратники потеряли убитыми 38 человек и ранеными 170 ополченцев. После сдачи крепости пешее ополчение было включено в состав его гарнизона, где и оставалось до конца кампании¹⁰. За отличия при осаде Дрездена полковой командир пехотного ополчения подполковник Н.Н. Чичагов получил золотую шпагу с надписью «За храбрость», а отличившиеся офицеры были награждены орденами¹¹. 22 октября 1814 г. последовал указ о расформировании Казанского ополчения. Пешие ратники вернулись в родной город только 20 февраля 1815 г. и были встречены как герои.

Конные сотни Казанского ополчения продолжили свой боевой путь. После Дрезденской осады они были включены в состав корпуса генерал-лейтенанта П.А. Толстого и были отправлены к городу Магдебургу (Пруссия) для новой осады. В январе 1814 г. казанские конники были переброшены к Гамбургу, но, не дойдя до него, были остановлены в Брауншвейге, где пробыли до мая 1814 г. Конные ополченцы вернулись в Казань только в конце мая 1815 г.¹²

Татары, проживавшие на окраинах империи, были освобождены от рекрутской повинности и их воинская служба носила иррегулярный характер.

На западных рубежах страны издревле проживали польско-

---

⁸ Апухтин В.Р. Народная военная сила. (Дворянские ополчения в Отечественной войне). М., 1912. С. 61.

⁹ Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 324.

¹⁰ Там же.

¹¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 165. Л. 13-14 об.

¹² Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 324.

литовские татары – самостоятельная этнотерриториальная общность татар. Свою историю они ведут с конца XIV в., когда на территории Великого княжества Литовского начали оседать выходцы из Золотой Орды, а позже татарских ханств. Литовские великие князья с удовольствием принимали на службу этих воинов, выделяли им обширные территории своего государства для местожительства. За право жить на выделенных землях татары несли воинскую службу. Представители их знати постепенно были признаны в шляхетских, дворянских правах. На рубеже XVI-XVII вв. польско-литовские татары утратили родной язык, однако они всегда сохраняли приверженность исламской религии и вплоть до наших дней донесли осознание себя как части татарского народа. По данным на 1993 г. их численность составляла свыше 26 000 человек¹³. В зависимости от страны проживания они говорят на белорусском, польском или литовском языках.

Территории, на которых компактно проживали польско-литовские татары, вошли в состав Российской империи в результате серии исторических разделов Польши. Как отмечает известный исследователь истории польско-литовских татар Я.Я. Гришин, в 1795 г. мусульманское население региона выслало своих представителей к генерал-губернатору Н.В. Репнину с просьбой о формировании татарского полка в российской армии. Просьба была принята с большим удовлетворением, так как уже в 1794 г. российская сторона проводила переговоры по этому вопросу с польскими офицерами татарского происхождения¹⁴. Однако смерть Екатерины II приостановила рассмотрение этого вопроса, правда, ненадолго: законодательным актом от 3 апреля 1797 г. «из татар, издавна водворившихся в Литовских провинциях, повелено сформировать конный полк под названием Пинского». Уже 9 июня того же года полк был переименован в Литовский конный татарский полк. Впрочем, за период с 1798 по 1801 год полк менял свое название пять раз. После указа от 29 марта 1801 г. он предстает перед нами уже в качестве Татарского-Литовского конного полка¹⁵. Но и он, в силу

¹³ Татарская энциклопедия: в 6 томах. Казань, 2008. Т. 4: М-П. С. 672.

¹⁴ Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995. С. 41-42.

¹⁵ Казин В.Х. Казаuchy войска: хроники гвардейских казачьих частей.

набора в полк поляков и литовцев, в результате высочайше утвержденного доклада воинской комиссии от 30 марта 1803 г., претерпевает изменения – полк был разделен на два: Татарский и Литовский¹⁶.

Первоначально Татарский конный полк был назначен в Литовскую инспекцию вместе с Александрийским, Ингерманландским и Московским конными полками. В 1799 г. вместе с этими же полками под командованием генералиссимуса А.В. Суворова Татарский полк в корпусе А.М. Римского-Корсакова совершил поход в Италию¹⁷. Первым командиром полка был назначен представитель древнего татарского рода князь полковник Якуб Мустафа Туган-мирза Барановский – сын польского полковника Мустафы Барановского. В 1796-1800 гг. – командир полка, с 1798 г. – генерал-майор, с 1800 г. – генерал-лейтенант.

В сентябре 1806 г. в Европе образовалась Четвертая антифранцузская коалиция в составе Англии, России, Пруссии, Саксонии и Швеции, началась Коалиционная война 1806-1807 гг. В этой войне в корпусе генерала Л.Л. Беннигсена принял участие и Татарский конный полк. За участие в битве при Пултуске на реке Нарве 26-27 декабря командир полка подполковник К.Б. Кнорринг получил орден Св. Георгия IV степени, пять офицеров были награждены орденами с лентами и 39 нижних чинов были удостоены знаков отличия Военного ордена¹⁸. Кроме того, в этой кампании полк принял участие в битвах при Алленштейне, Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде¹⁹.

Репринт. изд. 1912 г. М., 1992. С. 33.

¹⁶ Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Сост., автор вводной статьи и комментариев Х.М. Абдуллин. Казань, 2009. С. 22-24.

¹⁷ Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе Отечеству. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб., 2006. С. 136.

¹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹ Заграничные походы российской армии. 1813-1815 годы: Энциклопедия: В 2 т. / Отв. редакторы В.М. Безотосный, А.А. Смирнов. – М., 2011. С. 488.

В ноябре 1807 г. Польский, Татарский, Литовский и Волынский конные полки были переформированы в уланские полки с теми же названиями²⁰.

До начала Отечественной войны 1812 г. Татарский уланский полк находился в составе 2-й кавалерийской дивизии, под командованием генерал-майора графа П.П. Палена. Стоит отметить, что Наполеон также проявлял интерес к польско-литовским татарам. В созданном им Варшавском герцогстве бывший польский полковник Мустафа Ахматович приступил к сбору татарского воинского формирования в составе Наполеоновской армии. Однако, несмотря на все усилия, ему удалось собрать только один эскадрон, который в начале 1813 г. был включен в полк легкой кавалерии гвардии Наполеона. Командиром эскадрона стал бывший ротмистр польской армии Самуэль Улан. После поражения Наполеона эскадрон вернулся в Польшу и по приказу великого князя Константина его воины всемиловнейше были включены в первый и третий полки улан²¹.

Татарский уланский полк на всем протяжении Отечественной войны 1812 г. находился в авангарде 3-й резервной армии, который противостоял 75-тысячному французскому корпусу. Татарские уланы отличились 13 июля при занятии Брест-Литовска, 15 июля в битве под Кобрином, 23 июля в захвате Белостока, 31 июля в сражении при селе Городечне и 8 сентября недалеко от реки Стырь, 3 ноября полк был в деле под Кайдановым, 4 ноября при занятии Минска²². За отличия в этих кампаниях командир полка полковник К.Б. Кнорринг получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и был произведен в генерал-майоры, 7 офицеров удостоены орденов, 8-ми офицерам объявлено монаршее благоволение, 2 юнкера из охотников²³ при снятии постов неприятеля произведены в корнеты, 18 унтер-офицеров и нижних чинов удостоились знаков отличия Военного ордена²⁴. В течение Отечественной войны 1812 г. полк

---

²⁰ Казин В.Х. Казацьки войска: хроніки гвардейских казачьих частей. Репринт. изд. 1912 г. М., 1992. С. 33.

²¹ Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995. С. 43-46

²² Заграничные походы российской армии... С. 488.

²³ Охотниками тогда называли разведчиков

²⁴ Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Указ. соч. С. 142-143.

потерял убитыми одного офицера и свыше 170 нижних чинов, пропавшими без вести – 80 нижних чинов²⁵.

В конце 1812 г. при реорганизации кавалерии полк был переформирован в 7-ми эскадронный состав. В начале Заграничных походов русской армии Татарский уланский полк был переведен опять-таки в авангард, на этот раз правой колонны русских войск под командованием генерал-адъютанта Ф.Ф. Винцингероде. Здесь полк отличился в битвах под Калишом 1 февраля и под Бауценом 9 мая 1813 г. Однако наиболее запоминающимся сражением в истории полка явилось участие в славной Кульмской битве, в которую полк вступил 17 августа и целый день провел в боях. За ночь к полку подошло подкрепление, и на рассвете 18 августа он вновь ринулся в бой. В этот день в течение трех часов уланы пять раз атаковали неприятеля. За победу в Кульмской битве полку были пожалованы Георгиевские серебряные трубы, 9 офицеров удостоены орденов, 11 офицеров награждены следующими чинами, 7 унтер-офицеров и нижних чинов произведены в корнеты, а 17 нижних чинов удостоились знаков отличия Военного ордена. Однако эта победа татарским уланам досталась путем слишком больших потерь – до половины личного состава выбыло из строя. В результате до завершения Заграничных походов полк провел в резерве.²⁶

На юго-востоке страны татары были стабильно представлены в составе Оренбургского, Уральского и Сибирского казачьих войск. Однако на этой беспокойной российской окраине существовали и отдельные национальные иррегулярные полки и войска. В частности такими военными формированиями являлись Тептярские казачьи полки.

Тептяри – особое этносословное образование, окончательно оформившееся в XVIII в., припущенники на башкирских землях. По переписи 1926 г. тептярями себя указали 27 000 человек. Родным языком они называли татарский²⁷. Предки многих татар на востоке Татарстана и в Башкортостане принадлежали когда-то именно к

---

²⁵ Заграничные походы российской армии... С.488.

²⁶ Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Указ. соч. С. 145-151.

²⁷ Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань, 2005. С.64.; Малая советская энциклопедия. – Т. 8. М., 1930. С. 753.

этому военно-служилому сословию.

Тептяри впервые были определены в казачье сословие 18 апреля 1790 г., когда из них и бобылей²⁸ Уфимской и Вятской губерний был образован казачий полк по примеру Донских казачьих полков²⁹. 23 июля 1791 г. он получил название Уфимского казачьего, а в 1798 г. был разделен на два: 1-й и 2-й Тептярские полки³⁰. При этом как рядовых, так и офицеров полагалось набирать из тептярей, но для общего командования в полку необходимо было иметь русского шефа-офицера. Причиной создания двух полков явилась необходимость замены Оренбургского драгунского полка, который нес несвойственную ему пограничную службу. Таким образом, перед тептярскими полками ставились задачи участия в боевых походах и несения пограничной службы³¹.

Как и полагается казачьему войску, его содержание ложилось на плечи рядовых тептярей и бобылей. В то же время тептяри и бобыли данного региона были освобождены от рекрутской повинности. Полки приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г.

1-й Тептярский конный полк (шеф полка майор Н.А. Тимиров) в феврале 1812 г. вошел в состав корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута. 13 июня 1812 г. впервые вступил в перестрелку с французскими войсками на реке Неман. В целом летние месяцы полк провел в арьергардных боях в составе различных отрядов 1-й Западной армии. 26 августа две сотни полка приняли участие в Бородинском сражении. Далее полк был направлен в Юхновский уезд Калужской губернии для охраны территории от вражеских фуражиров и мародеров³². С 11 по 22 сентября находился в

---

²⁸ Бобыли – бедное, иногда бездворовое, феодально-зависимое население в Русском государстве XV–XVIII вв. Несли сокращенные феодальные повинности. С введением подушной подати приравнены к государственным крестьянам (См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 149).

²⁹ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIII. № 16856. СПб., 1830. С. 126.

³⁰ Казин В.Х. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. Репринт. изд. 1912 г. М., 1992. С. 235.

³¹ Рахимов Р.Н. Доблестные сыны Урала в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 67.

³² Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков 1790-1845 гг. Уфа,

партизанском отряде подполковника Д.В. Давыдова, в составе которого действовал против неприятеля в окрестностях Вязьмы и на Новой Смоленской дороге, между Гжатском и Дорогобужем³³. В боях за Вязьму отличился есаул 1-го Тептярского полка Сагит Халитов, награжденный орденом Св. Анны III степени³⁴. Герой Отечественной войны Д.В. Давыдов в своих «Военных записках» приводит один курьезный случай связанный с тептярями: «За два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду тептярского казачьего полка, состоявшую из шестидесяти казаков [приняв] сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка»³⁵.

До декабря 1812 г. полк участвовал в боевых действиях в составе корпуса генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева. Например, в бою при взятии Рославля воины полка уничтожили около 70-ти и взяли в плен 90 неприятельских воинов. За умелое управление полком в этих боях командира полка Тимирова представили к ордену Св. Владимира IV степени с бантом. Также за храбрость в боях прапорщик полка Манасыпов и зауряд-хорунжий Ибрагимов были представлены к орденам Св. Анны III степени (Ибрагимов также к чину хорунжего)³⁶. Далее следуя в авангарде ополченческого корпуса 15 и 16 октября полк участвовал в боях при селах Семиново и Ступино, 4-го ноября занял город Мстиславль, а 12 ноября прибыл в Могилев³⁷.

С началом Заграничных походов полк состоял в казачьем отряде корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. Вот короткий послужной список полка в этом отряде: 27 января – участвовал во взятии Варшавы, 20 апреля – в бою при Гросс-Гёршене, 8-9 мая – в сражении при Бауцене и 10 мая в бою под Рейхенбахом. 8 июля

2008. С. 217-218.

³³ Заграничные походы российской армии... С. 496.

³⁴ Бекмаханова Н., Кобландин К. Французской кавалерии лучше бы не сходиться со степняками // Татарский мир. 2002. №3. С.5.

³⁵ Цит. по: Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008. С. 362.

³⁶ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008. С. 363.

³⁷ Заграничные походы российской армии... С. 496.

передан в казачий отряд генерал-майора П.М. Грекова в 8-ю Силезскую армию Г.Л. Блюхера. 14-15 августа участвовал в сражении при Гольдберге и Кацбахе. 11 сентября перешел в Богемскую армию К.Ф. Шварценберга. Здесь 16 сентября участвовал в бою у Альтенбурга, 22 сентября в бою при Хемнице. С октября 1813 г. в Польской армии Л.Л. Беннигсена, с которой 4-7 октября участвовал в знаменитом Лейпцигском сражении, с 10-19 октября в партизанских действиях при Веймаре, Эрфурте, Готе, Фульде и Ганау. 12 декабря перешел в отряд генерал-майора А.Ф. Щербатова, с которым 20 декабря переправился через Рейн и вступил на территорию Франции. С января 1814 г. состоял в отряде генерал-майора А.Н. Сеславина. Участвовал в сражениях при Бриенн-ле-Шато 17 января и Ла-Ротьере 20 января, в феврале в боевых действиях под Орлеаном и набегах на Бургундский канал. Наконец, в марте 1814 г.: 9-го числа в сражении при Арси-сюр-Об, 13-го числа в сражении при Фер-Шампенуазе, 18-го числа во взятии Парижа и 23-го числа в штурме Мелёна. В июне 1814 г. полк вернулся на Родину³⁸.

2-й Тептярский конный полк (шеф полка подполковник Струков 2-й) выступил из Оренбургской губернии к армии 8 сентября 1812 г. С декабря 1812 г. по март 1813 г. полк состоял в гарнизоне города Полоцк. С марта по 21 декабря 1813 г. участвовал в осаде и взятии крепости Данциг³⁹. За отличия в действиях при осаде Данцига знаками отличия Военного ордена были награждены пятидесятники Идрис Мрясов, Ахмеди Салихов и Зейдула Абсалихов, а также десятник Абдулвагап Абасманов⁴⁰. С января по март 1814 г. находился в боевых действиях во Франции в отряде генерал-майора С.Е. Грекова (Силезская армия). 18 марта участвовал во взятии Парижа. Тогда же в марте полк выступил обратно в Оренбургскую губернию⁴¹.

Другими более привилегированными военно-служилыми

---

³⁸ Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков 1790-1845 гг. – Уфа, 2008. С. 217-219.

³⁹ Там же. С. 219-220.

⁴⁰ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008. С. 362.

⁴¹ Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков 1790-1845 гг. Уфа, 2008. С. 220.

сословиями в этом регионе были башкиры-вотчинники и мещеряки (татары-мишари). Последние – потомки тех самых служилых татар поселенных когда-то в легендарной Мещере для охраны границ государства, а в XVIII в. переселившиеся в беспокойную Оренбургскую губернию и продолжившие дело своих отцов и дедов по охране границ.

В качестве организованного войска башкиры и мещеряки Приуралья были оформлены лишь при Павле I (1796-1801), который в 1798 г. подписал именной указ, данный генералу от инфантерии барону Игельstromу и содержащий «Ордер Башкирским и Мещерякским кантонным начальникам». По нему земли проживания башкир и татар-мишарей Оренбургской губернии делились на особые военно-административные районы – кантоны: 5 мещерякских и 12 башкирских⁴².

Главная задача Башкирского и Мещерякского войск (примерно до 1814 г. Мещерякское войско формально было отдельным военным формированием, позже Башкиро-мещерякское войско), как и у Тептярских казачьих полков, заключалась в содержании кордонов, то есть охране границ между империей и казахскими землями. Как и все казаки, башкиры и татары-мишари войскового сословия сами содержали свои военные формирования, получая от казны жалование по рублю ассигнациями в месяц только во время непосредственного несения службы. Кроме того, по мере необходимости из Башкирского и Мещерякского войска составлялись пятисотенные полки на правах казачьих, которые при выступлении к месту службы переходили на государственное содержание.

Особо деятельность войска проявилась во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813-1814 гг. В связи с приготовлениями к войне в 1811 г. от войска было сформировано в том числе два Мещерякских полка⁴³. Штат каждого полка состоял из 530 человек. При этом 500 человек были рядовыми, а остальные 30 человек составляли: начальник полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 10 пятидесятников, квартирмейстер, писарь и мулла⁴⁴.

⁴² ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXV. № 18477. СПб., 1830. С. 191.

⁴³ Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 53.

⁴⁴ Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года.

1-й Мещерякский полк был отправлен из Оренбурга в поход в сентябре 1812 г. 17-20 октября он прибыл к Нижнему Новгороду. Полк одним из первых вошел в разоренную и сожженную Москву, на всем протяжении войны оставался там и нес гарнизонную службу до 1814 г.⁴⁵

2-й Мещерякский полк выступил в поход из Оренбурга осенью 1812 г. В 17-20-х числах ноября полк подошел к Нижнему Новгороду, поступил под начальство командующего 3-м округом ополчения генерала П.А. Толстого. В феврале 1813 г. полки под его командованием в составе резервной армии проследовали в герцогство Варшавское⁴⁶. В составе отряда Костромского и Пензенского ополчения под командованием генерала И.К. Розена 2-й Мещерякский полк принял участие в осаде крепости Глогау, которая капитулировала лишь 29 марта 1814 г. Среди представленных к награде за осаду крепости был указан командир 2-го Мещерякского полка майор Бутлер, представленный к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом, и полковой командир того же полка Ещеряков, пожалованный в чиновники 14-го класса⁴⁷.

2-й Мещерякский полк был среди тех частей, которые действовали на подступах к городу Париж, казаки полка были награждены медалью «За взятие Парижа 19 марта 1814». В 1836-1837 гг. были еще живы 22 ветерана 2-го Мещерякского полка награжденные серебряными медалями за взятие столицы Франции⁴⁸.

Уфа, 1964. С. 56.

⁴⁵ Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Указ. соч. С. 174.

⁴⁶ Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 53-54.

⁴⁷ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара. Челябинск, 2008. С. 351.

⁴⁸ Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798-1865). Уфа, 2005. С. 83.

Амерханова Э.И.

Участие «служилого города» в событиях Смутного времени

Изучение роли «служилого города» в преодолении общенационального кризиса начала XVII в. на основе анализа двух служилых корпораций – в Свияжске и Казани является давно назревшей задачей в исторической науке. Ее решение позволяет определить глубинные процессы в развитии российского общества, которые и привели к восстановлению национальной независимости в 1612-1619 гг. Вследствие этого, не случайно, что тема поднята в год 400-летия подвига Второго ополчения.

Для региона Среднего Поволжья изучение данной темы усугубляется тем, что ученые уже давно сталкиваются с проблемой отсутствия достаточного количества источников из-за исчезновения в результате пожара архива Приказа Казанского дворца в 1702 г. и многочисленных пожаров в местных архивах.

Тем самым, в поле зрения из-за скудости источниковой основы попадают скорее особенные черты служилых корпораций, общие же их характеристики и эволюцию московских служилых чинов в эти годы позволяет выявить общегосударственный контекст событий.

Участие служилых городов как саморегулирующихся сословных сообществ, с присущими им выборностью и коллективным восприятием норм было одним из основных условий сохранения всей феодальной сословной структуры и проведения правительственной политики. В начале XVII в. в условиях неоднократной смены верховной власти была утрачена не только часть европейской территории страны, но и произошла потеря многих давних ориентиров в функционировании административно-приказной системы.

Событиями, вызвавшими к жизни первый из таких нетрадиционных путей развития служилого сословия, стали народные движения, выдвинувшие самозванцев. Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, «царь Петр» (Илейка Горчаков), И.М. Заруцкий каждый по своему повлияли на ход дальнейшей Смуты. В Среднем Поволжье действия Лжедмитрия I вызвали лишь отдаленный отклик

в результате последовательно сосланных в Свияжск возможных политических оппонентов новой власти: в июне 1605 г. сюда были сосланы Сабуровы (родные первой жены сына Ивана Грозного Ивана Ивановича) и Никита Годунов¹. Уровень недовольства местных служилых людей неотвратимо должен был упрочиться, что московскую власть в этот период серьезно не беспокоило. Однако, нарастание противоречий не замедлило привести к очень серьезным последствиям и в Свияжске и в крае в целом.

Так, в конце апреля 1606 г. правительство Лжедмитрия I получило сведения, что между Казанью и Астраханью объединилось около четырех тысяч казаков, разбойничавших по Волге и утверждавших, «что с ними находится молодой государь по имени царь Петр, являвшийся истинным сыном (как они пустили слух) императора Федора Иоанновича, [...] родившимся около 1588 г. и тайно подмененным ...»².

Приход восставших казаков с самозванцем «царевичем Петром» был вряд ли случайным, свою роль в этом сыграла обороноспособность крепости и, вероятно, известное восставшим недовольство свияжен правительственной политикой. Все это обеспечило самозванцу оставление города без потерь и усиление его силами другого войска - предводителя нового восстания Ив. Болотникова. Отношение казанского служилого города к этим событиям выглядит по меньшей мере недальновидным (если и вовсе не является попустительством), так как перехватить небольшой отряд самозванца большой гарнизон Казани был вполне способен.

Усилившееся с помощью «провороненного» в Среднем Поволжье И. Горчакова войско И. Болотникова 22 октября 1606 г. остановилось под Москвой в селе Коломенском, откуда стали распространяться по разным городам грамоты с призывом целовать

---

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1916. Кн. 3. С. 201-202. (Далее – ЧОИДР); Бычков А.Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. № 4. С. 469.

² Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 169.

всем крест законному государю Димитрию. Самозванец в этот момент выступал скорее в качестве своеобразной идеи, чем реальным человеком, так как на тот момент известных кому-либо претендентов под именем Дмитрия еще не отмечалось. На том этапе достаточно было использование уже известной схемы «самозванец» для воплощения своих политических целей и собирания сил для их достижения.

Эта ожидаемая реакция проявилась в отношениях казанцев и связан к этим призывам, когда подметные грамоты достигли Среднего Поволжья, что произошло достаточно быстро. Уже 25 октября 1606 г. появилась грамота Московского правительства, в которой Казань обвинялась в измене: «писали к нам муромцы, что Шацкой и Темников и Казань и Елатыма и Алатырь своровали, нам изменили»³. Однако, в историографии этот факт не признается доказанным на основании только одного документа, и до сих пор факт измены Казани еще в 1606 г. не подтвержден другими источниками.

В это же время - не позднее 25 ноября 1606 г. - вторым воеводой в Казань прибыл Богдан Бельский⁴, получивший боярство из рук Лжедмитрия I, и отправленный сюда, по мнению ряда историков⁵, в ссылку. Назначение его в Казань могло быть обусловлено и знанием местной ситуации – в 1603/04 г. в Свияжске воеводой был его дядя кн. Дмитрий Григорьевич Бельский «Аксак». Некоторые историки считают, что приезд Бельского с грамотами от Василия Шуйского способствовал возврату верности Казани, что было отражено в Новом летописце так: «Немногие же грады стоя в твердости: Казань и Великий Новгород...»⁶. Причем, обращает на себя внимание то, что

---

³ Цит. по: Липаков Е.В. Дворянство Казанского уезда в конце XVI первой половине XVII в.: Формирование. Состав. Служба: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. Т. 1. С. 152.

⁴ Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: Хронологический перечень документов. Казань, 1980. № 327. С. 55.

⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве ХVIХХVII веков. М., 1898. С. 288; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале ХVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 55.

⁶ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею [Текст]. Т. 14, половина 1: I.

Казань при перечислении указана в первую очередь.

Назначение в 1607 г. в качестве главного воеводы В.П. Морозова⁷, занявшего эту высокую должность впервые в карьере, отражает не совсем традиционный способ проведения правительственной политики. Отношения между воеводами были явно неоднозначны: «старший» по положению Морозов был намного моложе и неопытнее Бельского, в свое время доверенного приближенного Ивана Грозного. Тем самым происходило разрушение древних основ местнической иерархии, что способствовало нарастанию напряжения и внутри подведомственного этим воеводам служилого города Казани. И, в первую очередь, это выразилось в том, что из-за последующих событий вокруг Москвы правительство Шуйского не занималось сменой воевод в Казани, что было беспрецедентным явлением на протяжении более полутора веков существования воеводской системы управления в Среднем Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.

Другая схема взаимоотношений московского правительства и местной служилой корпорации была реализована в Свияжске. 25 ноября 1606 г. была составлена грамота царя Василия Ивановича в Свияжск с призывом начать активные боевые действия против восставших крестьян в Свияжском уезде. В ней говорилось, что необходимо обнаруживать очаги восстания служилым людям, при этом перечислялись их сословные категории в следующем порядке: «свияжские дворяне и дети боярские и свияжские (то есть уездные – Э.А.) служилые князья и мурзы и татары». Кроме предотвращения разрастания бунтов в городе и уезде, на служилый город Свияжска распространялись важные обязанности по поимке курмышского зачинщика «воровства» Андрюшки Борисова сына Каказова, приводившего восставших к присяге очередному царю Дмитрию. Свияженам «велели на Курмыш послать из Свияжского дворян, и детей боярских и стрельцов и татар или каких людей пригоже ... да

Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. II. Новый летописец. СПб., 1910. С. 84. (Далее – ПСРЛ. Т. 14)

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 145/I. С. 167-168. (Далее – ААЭ).

тех воров переимав к нам привести...»⁸.

Возможность нежелательного исхода событий предусматривалась создателями грамоты: «А будет курмышане... не послушают, и вы б тотчас из свияжских жильцов выбрали сына боярского добра, а с ним детей боярских 50 человек да литовских людей 20 человек да с ним же сотника, да 100 человек стрельцов... А к тому в прибавку велели есмя послать из Чебоксар с Тимофеем Есиповым 10 человек детей боярских да сотника, да 100 человек стрельцов, да с ним же сотник Семен Болтин да 100 человек стрельцов, да из Цивильского сотник да 100 ж человек стрельцов... И смотря по тамошнему делу и наказ бы есте против сей нашей грамоты Тимофею Есипову и кого из Свияжска вновь выберете вы воеводы...»⁹.

Традиционная роль служилого города, подробно прописанная в этом документе, в обычном порядке не была реализована - в Свияжке все же вспыхнуло восстание, что могло быть вызвано ослаблением гарнизона из-за отсылки его части в Курмыш.

Конкретные даты выявить не представляется возможным, но уже 22 декабря того же 1606 г. появляется новый способ влияния на восставших: в Свияжск прибыла грамота казанского выходца патриарха Гермогена митрополиту казанскому и свияжскому Ефрему о помиловании царем «свияжен, целовавшим крест царевичу Дмитрию Углицкому». Таким образом, завершение восстания было обеспечено жесткой позицией церкви. Из текста документа видно, что в восстании участвовали и дворяне и дети боярские. Интересно, что заканчивается грамота требованием «оберегать от тое смуты накрепко Казань и смотреть бы еси и над попы накрепко, чтобы в них воровства не было...»¹⁰. В следующий раз этот способ влияния церковной власти на паству был востребован в годы польско-шведской интервенции, когда патриарх Гермоген рассылал грамоты для организации противостояния в 1610-1612 гг.

В других городах Поволжья народные движения продолжались, хотя в Свияжке и Казани свидетельством периода затишья является

---

⁸ Восстание И. Болотникова: документы и материалы. М., 1959. С. 192-196.

⁹ Там же.

¹⁰ ААЭ. Т. 2. № 61. С. 138-139.

указание 1611 г., что только последние три года не собирався ясак и «кабаки заперты были по многое время и таможенных пошлин взять было не с чего»¹¹, т.е. в 1606 и 1607 гг. сборы были регулярными.

В 1608 г. в Свяжск были присланы уже три воеводы: Юрий Петрович Ушатай, думный дворянин Василий Борисович Сукин, Василий Семенович Плещеев¹², что, несомненно, было вызвано обострением ситуации с распространением народного движения в Нижнем Поволжье, которое быстро распространилось вверх по Волге. Начавшись в Астрахани, оно потребовало отправки правительственной армии под командованием Ф.И. Шереметева, которому не удалось, несмотря на длительную осаду Астрахани, захватить главного мятежника - воеводу кн. И.Д. Хворостинина, отправленного туда в почетную ссылку В. Шуйским. Стоит напомнить, что сосланные в Свяжск Сабуровы и Годунов, в свое время также усилили недовольство в среде горожан.

В войске Ф.И. Шереметева под Астраханью были и казанцы, и свияжцы, что показывает военное значение этих служилых городов в общероссийском масштабе.

Летом 1608 г. Ф.И. Шереметев тщился подавить восстание, то отступая к Царицыну, то снова приступая к Астрахани, каждый раз не добиваясь успеха. Но распространение народных выступлений в Среднем и Верхнем Поволжье, вынудило правительство Шуйского отозвать армию для борьбы против восставших. В 1608 г. размах движения стал таким большим, что в декабре начинается осада Нижнего Новгорода¹³. К этому времени с конца августа (т.е. почти всю осень) Шереметев продвигался к Казани и достиг ее в первой половине ноября. Сразу же состоялось несколько сражений с восставшими, но они не изменили расклад сил. Однако, сражение 1 января 1609 г. под Свяжском было решающим для освобождения волжского пути от восставших.

При этом среди восставших называются «государевы люди многих воровских людей свияжских, и чебоксарских, и кокшайских, и алатарских, татар и мордву и черемису», которых «побили наголову

---

¹¹ ААЭ. Т. 2. № 188. С. 319.

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841-1842. Т. 2. № 142/1. С. 163-165. (Далее – АИ).

¹³ АИ. Т. 2. № 113. С. 141-143.

ж, и топтали их и кололи, что свиней, и трупу их положили на семи верстах», вероятно по дороге из Свияжска¹⁴. Далее народное движение распространялось в других регионах – севернее и северо-восточнее, где силы восставших сконцентрировались и готовились нанести удар по Свияжску весной 1609 г. Казанские воеводы сообщали так: «собрався воруы с Олаторя и с Курмыша, и из Ядрина и из Арзамаса, и из Темникова, и из Касимова»¹⁵. Среди участников этих отрядов называются «многие люди тех городов дети боярские и стрельцы, и мордва, и бортники, и горная чюваша и черемиса». Во главе отрядов восставших стояли 7 человек, из которых четыре могут быть отнесены к представителям служилого города Казани. Это князь Брюшейко Яникеев, князь Иванко Смиленев, дети боярские Якушко Глядкоу, Васька Ртищев¹⁶. Причем два последних, вероятно, имели личные причины для участия в восстании: еще один представитель рода Глядковых - Ивашко, в 1600 г. в Казани по грамоте из Приказа Казанского дворца был заключен в тюрьму за непослушание и небрежную службу¹⁷. Яков Гляков затем присоединился к Лжедмитрию II в Тушине, а в конце смуты вместе с Заруцким и Мариной Мнишек оказался в Астрахани, где их отряд был разбит верными правительству казанцами, что более подробно будет рассмотрено ниже. Ошеломляющим свидетельством трансформации служилого статуса казанца является дальнейшая судьба Глядкова, осмелившегося взять на себя полномочия представителя московской власти. В этом качестве он проводил переговоры с шахом Аббасом, во время которых Глядкова принимали наравне с царскими послами. В конечном счете, он не только остался жив благодаря заступничеству персидского шаха Аббаса, но и продолжил службу в составе казанского служилого города!¹⁸

Другой предводитель восстания - Ртищев был напрямую связан

---

¹⁴ АИ. Т. 2. № 145/II. С. 168; ААЭ. Т. 2. № 100. С. 198. Использовалась скорее всего путевая верста в 1088 км. – 7616 км. – примерное расстояние от Свияжска до ближайшего сейчас населенного пункта по древней Московской дороге.

¹⁵ ААЭ. Т. 2. № 114/II. С. 217.

¹⁶ Там же.

¹⁷ КФУ НБЛ ОРРК. Ед.хр. 594/3.

¹⁸ См.: Липаков. Указ. соч. С. 174.

со Свяжском: в 1605 г. арзамасское выморочное поместье Ивана Ртищева было отдано свияжскому жильцу Михаилу Чюркину¹⁹, что возможно вызвало недовольство рода Ртищевых, и могло привести к присоединению их к антиправительственным действиям.

10 марта 1609 г. эти войска восставших, во главе которых были четыре казанца, встретились не с Шереметьевским, как это часто утверждается, а с проправительственным казанским войском, во главе которого были Осип Зюзин и Андрей Хохлов. Место битвы – у Бурундуков в месте слияния р. Бирли со Свягой было не случайным, позже в этих местах также были бои, например в ходе народного движения под предводительством Степана Разина²⁰. Казанцы нанесли восставшим тяжелое поражение, причем у последних были даже «знамена и набаты», что говорит об организации войска по образцу правительственных. Свяжск избежал захвата, но попытки взятия этой хорошо защищенной крепости восставшие не оставляли. Значительно позже приступ был совершен, в условиях, когда большая армия покинула регион.

Это произошло осенью 1609 г., когда армия Шереметева ушла для соединения с войском кн. М.В. Скопина-Шуйского рядом с Москвой в Александровой слободе. В Среднем Поволжье начался новый этап восстания, охватившего территории правобережной части Волги от р. Суры до р. Свяги, (т.е. и Свяжский уезд) и почти все марийское левобережье. Целью вновь был захват мощной крепости.

В конце 1609 г. или начале 1610 г. Свяжск был практически в осаде восставших. Об этом красноречиво сказано в одной из позднейших челобитных Свяжского Богородицкого монастыря, поданных царю в 1616 г.: «воеводы... и дворяне, и дети боярские, и татарове, и всякие служилые и земские люди от дворовых людей сидели в Свяжском в осаде»²¹. К концу января 1610 г. опасность в отношении Свяжска миновала, о чем свидетельствует согласие казанских воевод отправить ратных людей в Пермь, в ответ на

¹⁹ ЧОИДР. М., 1916. № 190. С. 257-258.

²⁰ КФУ НБЛ ОРРК. Ед.хр. 4236. Необходимо отметить желательность проведения археологической экспедиции в эти места, для выявления предметов, свидетельствующих о проведении там нескольких достаточно масштабных сражений.

²¹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1179/5.

просьбу воеводы этого города.

В это же самое время обострились противоречия в Казани на фоне политического кризиса периода Семибоярщины и польского захвата Москвы осенью 1610 г. 9 января 1611 г. были убиты второй казанский воевода Б. Бельский и несколько казанских дворян «по выбору»: «Воевода и Богдан Яковлевич Бельской нача им говорити и правити, чтоб вору креста не целовати, а целовати б кресть кто будет государь на Московском государстве. Дьяк же Никанор Шульгин, умысля в теми ворами, поволе Богдана убити. Они и Богдана ... скинули с башни и убили до смерти»²².

В результате Казань присягнула Лжедмитрию II, тем самым доказав нежелание признавать власть поляков. Какую роль в этих событиях сыграл Морозов, остается неясным, но в материалах дела 1627 г. он признавался, что «бывал» Бельского²³. Присяга Лжедмитрию II утратила значение в момент ее принятия, так как он был к тому времени уже мертв с октября 1610 г.

После убийства Бельского поддержка первого ополчения проходила в Казани только на основе инициативы части казанцев. Так, в июне значительная часть казанского гарнизона под командованием первого воеводы Морозова отправилась под Москву, и в городе главным лицом остался дьяк Никанор Шульгин. «Казанская рать» под командованием В.П. Морозова вышла в поход и прибыла в стоящее под Москвой ополчение только в июле 1611 г.²⁴ Но и здесь произошло столкновение воинских людей из-за противоречий между разнородными социальными группами, составлявшими Первое ополчение. Убийство одного из командующих и организаторов ополчения П.П. Ляпунова привело к развалу этого наспех сколоченного объединения, что не помешало казанской рати остаться под Москвой вплоть до соединения со вторым ополчением. Вероятно, возвращение в Казань могло быть не безопасным, если вспомнить о судьбе Бельского.

Именно в результате действий второго ополчения Москва была освобождена от поляков и был избран на царство Михаил Федорович Романов. В Казани события вокруг Москвы рассматривались по

²² ПСРЛ. М., 1985. Т. 14. С. 105.

²³ Цит. по: Липаков Е.В. Указ. соч. С. 154.

²⁴ АИ. Т. 2. № 329. С. 395-397.

своему, о чем свидетельствует уникальный документ из фонда отдела рукописей и редких книг: в июне 1612 г. казанский подьячий Путила Одинцов отправил челобитье о повышении жалованья в Ярославль, где собрался Совет всей земли во главе с Дмитрием Пожарским. В ответ на просьбу Пожарский отправил приговор, в котором обращение к Шульгину и его окружению прописано не иначе, как к «господам». Это вызывает особенный интерес, так как фактически это можно считать приравнением статусов командующего войском и руководителя приказной администрации Казани. Таким образом, можно считать, что Шульгин, вероятно, уже тогда своей пассивностью в поддержке ополчения продемонстрировал обособленность если не Казани, то свою собственную - от всей чиновной иерархии московского государства²⁵.

На том этапе разрушение устоявшихся социальных взаимосвязей грозило катастрофическими последствиями вплоть до развала страны. Это хорошо осознавалось «Советом всей земли» в августе 1612 г., когда при обсуждении обращения указывалось: «покаместа московскому государству польские люди были сильны, потому что за грех государство московское были в розни – северские города были особе, а Казанское и Астароханское царства и понизовные города были особе ж...»²⁶.

В отличие от казанцев свияжские отряды во главе со свияжским головой Иваном Чиркиным принесли присягу новоизбранному на царство Михаилу Федоровичу уже 1 марта 1613 г. в Переяславле Рязанском: «и князей, и мурз, и татар к шертованию привели...»²⁷.

Именно в этот момент Шульги проявил свою позицию, так как хорошо известен факт отказа Н. Шульгина давать присягу новому царю Михаилу Федоровичу. В отличие от Свияжских служилых людей на тот момент единственный казанский глава дьяк Никанор

---

²⁵ Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.): Тексты и комментарии / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. С. 62-63.

²⁶ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 287.

²⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. № 2. Стб. 1047-1048. (Далее – ДР)

Шульгин отказался принести присягу, находясь на пути из Казани в Арзамас. Он попытался вернуться в Казань, но его не допустили даже до Казани: «казанцы же... встретиша Никанора в Свяжском и отказаша ему, [заявив], что «в Казань тебе ехать не по што»²⁸. В конце марта 1613 г. именно в Свяжске Шульгин был арестован. А в апреле, направляя в Казань недавно вернувшегося с воеводства в Свяжске Ю.П. Ушатого, правительство требовало от него разобраться в ситуации: «Никанора Шульгина казанские люди в Свяжску отдали за пристава. А в какове деле ево дали, того Андрей Обрасцов и Игнатей Дичков не сказали, а сказали тово не ведают. А к государю о том ис Казани и из Свяжска не писывали. И воеводе князю Юрию Петровичю и дьком распросити казанцов: в какове деле Никанор Шульгин дан за пристава. А распрося подлинно отписати к государю..., чтоб про то государю было ведомо»²⁹.

Дальнейшее участие служилых городов Казани и Свяжска связано с авантюрой Заруцкого и М. Мнишек в Нижнем Поволжье. О его попытке отделить Астрахань и передать ее в руки шаха Аббаса до сих пор в исторической науке нет полноценного исследования, хотя участие казанцев и в самой аванюре и в прекращении ее влияния на персидско-русские отношения было очень значимым. Так, казанский отряд под командованием Н. Одоевского был направлен в марте 1614 г. под Астрахань³⁰, навстречу ему двигался из Терека отряд казанца Василия Хохлова. После разгрома войска Заруцкого его самого и Марину Мнишек с «воренком» в среднем течении Яика захватили казанские стрелецкие отряды под командованием Гордея Пальчикова и Севастьяна Онучина, за что получили очень щедрое вознаграждение.

Значение служилых городов Казани и Свяжска как наиболее мощных воинских формирований на территории Среднего Поволжья в годы Смуты выразилось как в участии в многочисленных восстаниях, так и в проправительственных действиях. На каждом этапе событий Смуты находились и сторонники и противники общегосударственной политики, но в конечном счете перед угрозой

²⁸ ДР. Т. 1 (Приложение). № 36. Стб. 1121-1124.

²⁹ Димитриев В.Д. Царские указы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 62-63.

³⁰ Цит. по: Липаков Е.В. Указ. соч. С. 170-171.

распада страны служилые люди Среднего Поволжья сделали патриотический выбор.

Бендерский И.И.

**Историческая репрезентация Бородинского сражения
на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстого:
к постановке проблемы**

В названиях научных конференций все чаще стали фигурировать слова «память», «мифы» и «факты» в единой связке. Характер взаимосвязи этих понятий методологически еще вовсе не прояснен в отечественной гуманитаристике, но сама практика таких сопряжений доказывает: научное сообщество стремится к тому, чтобы анализировать наше культурно-историческое наследие в фактической и смысловой целостности.

После М.М. Бахтина¹ об этих двух планах изучения культуры (фактическом и ценностно-смысловом) мало кто писал в отечественной науке. Между тем именно ясное понимание особенностей ценностно-смысловых предметов познания («вещей, чреватых смыслом») позволяет обогатить понимание истории и культуры, избавить его от наивных «фактографических» трактовок.

Историческая репрезентация Бородинского сражения на страницах «Войны и мира» как раз и представляется примером того, как конкретное историческое событие (то есть вполне конкретный факт), разворачивает богатейшую смысловую перспективу, которую невозможно замкнуть ни в рамках конкретной эпохи, ни в рамках конкретной личности.

Сугубо фактический взгляд заставлял нас дробить ту смысловую целостность, которая органически присуща памяти об историческом событии. Так, историки изучали «факт самой битвы», литературоведы – «факт описания битвы» на страницах романа². А

---

¹ См., напр.: Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361–373; *Его же*. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 328–335.

² Даже специальные полнокровные исследования, посвященные проблемам исторической репрезентации, имеют, как правило, ту же предметную зауженность: проблемы исторической репрезентации

ведь «изучение факта» – это прежде всего исследование носителей смысла о факте (для историка такой носитель – исторический источник, для литературоведа – литературный памятник). Сам же по себе смысл, его существование в сменяющихся друг друга контекстах времени оставался как бы за бортом научного исследования.

Применительно к описанию Бородинского сражения на страницах «Войны и мира» мы можем уверенно сказать, что именно отыскания материальных знаний в первую очередь занимало и продолжает занимать исследователей. Даже спустя 140 лет исследователи продолжают отыскивать исторические неточности в тексте «Войны и мира» (список таких действительно велик), а также выявлять те источники, которыми пользовался Толстой для построения собственной репрезентации сражения³.

Проблема, которая в гораздо меньшей степени интересовала исследователей, – это проблема понимания сути события. Действительно ли «научные» описания сражения глубже и достовернее позволяют понять событие, произошедшее у села Бородино 26 августа 1812 г. (по старому стилю), нежели толстовский текст? Могут ли историки заявлять, что им удалось полнее и достовернее, нежели Льву Толстому, раскрыть смысловое богатство источников, рассказавших о сражении?

Как это ни странно, но столь очевидная и естественная постановка вопроса глубоко чужда нашей историографической

рассматриваются как один из аспектов литературоведения. См. напр.: Сорочан А.Ю. *Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2008.*

³ В последние годы в плане выявления источников описания Бородинского сражения в «Войне и мире» любопытные работы написаны И.К. Грызловой. См., напр.: Грызлова И.К. *Французские источники романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник, 2001 год. Материалы XXVII Международных Толстовских чтений. Тула, 2002; Ее же. Воспоминания маршала Мармона, герцога Рагузского, о наполеоновских походах как один из источников романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого в Ясной Поляне). // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения (Бородино, 9–11 сентября 2002 г.). М., 2003. С. 364–375.*

традиции. Требуется поистине толстовская непосредственность мысли, что попросту задаться такой проблематикой.

Позитивистские предписания «объективной научности» до сих пор заставляют отечественных ученых неукоснительно «разводить» дискурсы: тексты историков и писателей в сознании большинства ученых принципиально несопоставимы.

Историки резервируют для себя «факты» и их якобы неизбежный исследовательский продукт, декларируемый как историческая истина, писателю же оставляют некий суррогат исторического опыта – набор «субъективных», не совсем понятных, переживаний...

Именно такое вынесение Толстого за скобки характеризует в целом отношение современной историографии Бородинского сражения к наследию Льва Толстого. Практически любое упоминание имени Льва Николаевича в современной специальной исследовательской литературе связано, при всем внешнем к нему почтении, со стремлением отодвинуть писателя от предмета исследования, очистить сознание читателя от «художественного сора», якобы мешающего правильному пониманию сражения.

Здесь необходимо сделать принципиальное замечание: современные отечественные историки действительно имеют превосходство над предшественниками и в науке, и в беллетристике (как отечественными, так и зарубежными). За последние два десятилетия трудами достаточно небольшой группы исследователей была создана новая, доселе невиданная по степени источниковедческой проработанности, научная репрезентация сражения. В сфере «фактических знаний» о нем скачок действительно совершен титанический. Обновленные представления о битве стали теперь доступны в трудах В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, А.И. Попова и других исследователей.

Вместе с тем процесс историко-научного исследования не может жить только в рамках конструирования и корректировки фактических представлений. Ведь историк не свободен хотя бы даже от чисто «изобразительных» задач, особенно когда речь идет о таком историческом факте, как грандиозное сражение прошлого. При этом отечественный историк, прямо скажем, не привык рефлексировать над своей изобразительной миссией рассказчика. Повествовательные функции историка робко прятались за несокрушимыми идеалами

научности.

И все же именно в последние годы проблема взаимодействия описаний Бородинского сражения в историографии и на страницах великой книги Толстого как бы вновь обретает актуальность. Здесь необходимо выделить два принципиальных момента.

Во-первых, сам исследовательский интерес историков в последние годы сместился к проблематике «военной антропологии», изучающей «человека воюющего» во всей совокупности его жизненных проявлений. Такое движение неизбежно толкает современную науку навстречу Льву Толстому, который сделал проблему бытового поведения человека в истории (и, естественно, на войне) одной из центральных в «Войне и мире». Более того, свой исследовательский интерес к человеку сам Толстой с исчерпывающей прямотой обосновал в небезызвестной статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»⁴. В этом плане не будет преувеличением сказать, что отечественная историография лишь в последние десятилетия «доросла» до того предмета, который был в фокусе внимания Льва Толстого почти 150 лет назад.

Во-вторых, потребность вновь обратиться к Толстому объясняется и отмеченной необходимостью «перерассказать» на новом уровне материальных знаний историю Бородинского сражения во всем изобразительном богатстве темы. Именно эта необходимость «пересказывать» уже рассказанное ранее толкает исследователей в то пространство значений и смыслов (в тот же повествовательный план), которое развернуто на страницах великой книги.

Описание битвы, представленное на страницах «Войны и мира», поражает разносторонней и насыщенной семантикой. Здесь мы встречаем как военно-исторический анализ (вспомним хотя бы размышления о позиции армий перед сражением и даже схему, которую Толстой посчитал необходимым включить в художественное произведение), так и замечания историографического плана (Толстой разворачивает критику «общепринятых описаний» сражения). Эти сюжеты органично сплетаются с военно-антропологическими зарисовками, описанием психологического состояния людей в

---

⁴ Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Русский архив. 1868. № 3. С. 519.

сражении. Наконец, писатель напрямую анализирует источники – взять хотя бы его разбор «диспозиции» Наполеона перед сражением.

Таким образом, практически все повествовательные рубрики, в которых работали и продолжают работать историки при описании битвы, были развернуты в художественном произведении. А т.н. «военная антропология» и вовсе была предвосхищена Львом Толстым более чем за столетие до того, как этим всерьез занялась историческая наука. Описание им Бородинского сражения по самой своей повествовательной структуре неотделимо от историографии сражения.

Конечно, при всей многоаспектной емкости толстовского текста, художественная целостность описания сражения – на сегодняшний день предмет исключительно литературоведческих исследований. Историк сражения толстовский текст в утилитарно-исследовательском ключе может быть интересен прежде всего в демонтированном, разобранным на отдельные рубрики и смысловые ряды плане. Именно по такому пути «демонтажа» я пошел, когда сопоставил описания Бородинского сражения в некоторых знаковых для отечественной историографии текстах с его описанием на страницах «Войны и мира». Представлю лишь несколько характерных примеров, позволяющих классифицировать типы взаимодействия исторического повествования с художественным.

Во-первых, конечно же, уместно говорить о непосредственной рецепции толстовского изображения в историко-научное повествование. Наиболее характерным примером из произведений историков прошлых поколений здесь будут тексты Е.В. Тарле⁵. Повествование советского исследователя местами практически цитирует толстовский текст, перенимает толстовскую образную систему, тональность, воспроизводит иронию писателя, особенно когда Тарле требовалось акцентировать ценностно-смысловые моменты.

Второй тип взаимодействия я условно назвал «семантическим соответствием» научного и толстовского повествования. Параллелизм между историком и писателем фиксируется при

---

⁵ См., напр.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Соч. в XII томах. Т. VII. М., 1957.

сравнительном анализе семантики образа Кутузова в работах современной исследовательницы Л.Л. Ивченко⁶ и в тексте «Войны и мира». Следует подчеркнуть, что речь уже вовсе не идет о сознательной рецепции толстовского наследия. Лидия Леонидовна при каждой возможности упорно отрицает Толстого, однако, сама того не замечая, повторяет шаг за шагом практически толстовскую семантику, обеспечивая толстовские выводы и оценки научным обоснованием.

Наконец, третий тип взаимодействия научного повествования с художественным я назвал бы «зеркальным конфликтом». При сопоставлении работ современного историка В. Н. Земцова⁷ с «Войной и миром» мы видим, как историк шаг за шагом выворачивает толстовские оценки наизнанку. В данном случае анализу подверглась семантика образа Наполеона. То, что было высмеяно Львом Толстым как «наполеоновская легенда», историком вновь принимается за чистую монету. Земцов, специалист по Великой армии Наполеона, видимо, настолько вжился в источники, что попросту воспроизводит французское видение событий.

Лев Толстой, как и историки, строил свое повествование на источниках. Хоть Лев Николаевич и не работал с источниками по правилам ученых-историков, но порой был критичнее к ним по внутренней сути. Писатель всегда учитывал психологические условия составления свидетельств о битве, самим строем своей мысли убедительно обосновывал доверие к одним кодам повествования (живая устная речь, субъективное переживание человека) и недоверие к другим (официальная документация).

Историческое письмо Толстого, его техника изображения исторических событий удивительно диалогичны. Читая «Войну и

---

⁶ Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008; *Ее же*. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009. С. 197–198.

⁷ См.: Земцов В.Н. Наполеон в Бородинском сражении (Опыт микроисторического исследования) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.). Можайск, 2000. С. 56–84; *Его же*. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2001.

мир», историк всегда узнает знакомые семантические ряды, коды повествований источников, которым Толстой предоставляет право голоса порой более широко и разнопланово, нежели это делают историки. Но ценностно-смысловой выбор писателя всегда объяснен. Толстой оценивает голоса источников с точки зрения подлинности или неподлинности чувств их создателей. Он может при этом ошибаться в отдельных своих интеллектуальных конструкциях, но не ошибается в чувствах. Источник, раскрывающий свою эмоционально-ценностную сторону, в свою очередь, практически всегда попадает в повествовательный тон «Войны и мира».

Классическое подтверждение этого мы находим при сопоставлении с текстом Толстого воспоминаний участников сражения – Вяземского, Норова, Митаревского, Андреева и многих других. В их частных свидетельствах зафиксированы не стереотипные версии или беллетризованные рассказы, а непосредственные переживания. Эти психологические свидетельства образуют тот корпус исторических источников, который убедительно доказывает достоверность «военно-антропологической» тематики романа. Причем вне зависимости от того, к какой именно части этого единого корпуса источников был доступ у Толстого.

Толстовский текст представляется на данный момент лучшей генерализацией многочисленных частных, наполненных личными переживаниями, свидетельств о битве. То есть та самая «художественная удача» Толстого – вещь, для многих современных историков вытесненная в потустороннюю «ненаучность», – подчас оказывается успехом именно познавательным, успехом в деле познания и понимания исторического события.

В конечном итоге память о Бородинском сражении не может пребывать расщепленной на «источники», «историографию», «художественную литературу» и пр. Любая классификация хороша лишь до тех пор, пока она не разрушает целостности. В данном случае историки даже не владеют термином, который объединил бы совокупную память о Бородинском сражении. А наследие Льва Толстого занимает в совокупной памяти о Бородине одну из ключевых позиций. Толстой сумел вобрать и синтезировать в одном тексте многообразные семантические ряды памяти о сражении, наделить их собственным вполне актуальным смыслом.

Лев Николаевич подарил нам два уникальных инструмента обретения смысла исторических событий. Во-первых, это поразительная техника «непредвзятого» (будто бы не знающего традиции) взгляда – то, что Виктор Шкловский назвал «остранением». Во-вторых, это здоровая нравственная позиция, которая одна только и может служить фундаментом для построения каких бы то ни было дальнейших ценностно-смысловых конструкций.

История как жанр, как специфическая форма организации памяти взывает к рассказу... Нашу историческую память можно уподобить своего рода грандиозному духовному музею, существующему в сознании людей. В нем, как и в настоящем музее, каждый зал, каждая экспозиция подразумевает рассказ, возможную экскурсию.

Когда в лабиринтах нашего «духовного музея памяти» мы приходим в зал Бородинского сражения, то по-прежнему как к незаменимому экскурсоводу обращаемся ко Льву Толстому – к одному из лучших рассказчиков, способных наполнить нашу память искомым смыслом.

**Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны
1812 г. в учебных заведениях Казани.**

Официальный характер празднования того или иного юбилея, организованное на высшем, государственном уровне, всегда преследует конкретные цели, диктуемые, в свою очередь, конкретными обстоятельствами, сложившейся на данный момент той или иной ситуации в стране. Празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия Дома Романовых на российском престоле выпадало на непростую ситуацию: страна пережила позор поражения в русско-японской войне; всплеск народного возмущения, выразившийся в революционных событиях 1905-1907 гг.; растущее недовольство царской властью во всех слоях общества. Юбилеи, в этой ситуации, оказались вполне удобным поводом и для того, чтобы отвлечь внимание народа от текущих проблем, и для того, чтобы пробудить в людях чувство патриотизма, вернуть доверие к династии. И в этой связи подрастающее поколение, в первую очередь учащиеся городских гимназий, становилось важным объектом внимания властей. К тому же, если университеты, несмотря на все репрессивные меры, предпринимаемые по отношению к ним, никак не могли служить опорой и поддержкой идеологического курса, заключённого в триаде «самодержавие, православие, народность», то гимназии пока ещё не выходили из подчинения своему начальству.

Подготовка к юбилеям началась задолго до официально назначенных сроков их проведения. К делу были подключены министерство внутренних дел и министерство народного просвещения. Соответствующие указания этим ведомствам были представлены в высочайше утверждённом 9 декабря 1910 г. так называемом Особом журнале Совета министров. Ведомства должны были представить свои предложения о порядке и формах проведения празднеств. На основании этого журнала 13 марта, а затем 27 марта 1911 г. в учебные округа были отправлены циркуляры, копии были разосланы во все учебные заведения: «Его Превосходительство г. Министр Народного Просвещения, признавая, что празднование

означенного события (100-летия Отечественной войны – Ю.Б.) должно оказать чрезвычайно благотворное влияние на подрастающее поколение, способствуя укреплению и развитию в нём любви и преданности к родине, находит весьма целесообразным и полезным привлечь к участию в означенном праздновании учебные заведения ведомства Министерства Народного Просвещения». Начальникам учебных округов предписывалось, в связи с этим, «разработать способ, какой по местным условиям будет признан наиболее целесообразным. А также разработать предположения о том, в каких формах и размерах могло бы выразиться означенное участие», т.е. представить смету возможных расходов на организацию и проведение праздника¹.

Со своей стороны министерство обещало отпечатать для выпускников гимназий, оканчивающих курс обучения именно в 1912 г., особой формы аттестаты и свидетельства, украшенные рисунками на тему юбилейных событий; заказать для особо отличившихся учащихся юбилейные медали; подготовить методические пособия по организации торжественных мероприятий.

30 апреля 1911 г. в актовом зале Первой казанской Императорской мужской гимназии собрались руководители казанских гимназий, народных училищ и школ. Они были ознакомлены со всеми документами, разработанными министерством народного просвещения, и получили указания для дальнейших действий по реализации полученных предписаний. Было указано, в частности, что событие должно быть отмечено в каждом отдельном учебном заведении вне зависимости от того, будет или не будет это заведение приглашено для участия в общегородских мероприятиях. Центральным событием праздника должен быть торжественный акт, который предполагалось провести в городском театре. Не возбранялось использовать городской театр для проведения собственного праздника и гимназиям, если у них будет для этого достаточно средств и возможностей. Были даны конкретные и обстоятельные указания, как составить программу проведения праздника, что в неё включить, рекомендовались как литературные произведения, так и музыкальные, и театральные. Подчёркивалось

---

¹ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973. Л. 1.

при этом, что «как музыкальная, так и драматическая часть театральных представлений должны быть объединены на это время (имелось ввиду, что проведение праздников может происходить в течение всего юбилейного года – Ю.Б.) одной, именно патриотической идеей...». Для театральных представлений, «живых картин» предлагалось использовать фрагменты романа Л.Н. Толстого «Война и мир», «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского и др. произведения. Устроители совещания ссылались при этом на успешный опыт проведения подобных мероприятий патриотического характера в других городах, в частности, в Ревеле².

Несмотря, однако, на достаточно длительные сроки, предоставленные для подготовки праздничных мероприятий, министерство не успевало вовремя разработать все необходимые инструкции, и приходилось вдогонку одним циркулярам посылать другие со всевозможными уточнениями. 12 декабря был разослан циркуляр о том, что открывать торжества следует с божественной литургии в храмах и крестного хода, после которых необходимо провести душеспасительные беседы и популярные чтения из произведений патриотического характера. Рассылались списки музыкальных и литературных произведений, которые можно было использовать при проведении торжественных актов. Разработано было методическое пособие по устройству вечеров и представлений, посвящённых событиям 1812 г., выпущена была хрестоматия, содержащая стихотворения и отрывки из прозаических произведений, тематически объединённых этими событиями.

16 января 1912 г. был направлен новый циркуляр под грифом «весьма спешно», где вновь был прописан подробный порядок проведения торжественных мероприятий и указан день празднования – 26 августа 1912 г. «По окончании богослужения устраивается в здании самого учебного заведения, а если оно тесно, то в ином подходящем помещении торжественный акт», на котором должен выступить с речью начальник учебного заведения. «Если позволит время и будут изысканы средства, то указанная речь иллюстрируется световыми картинками (кинематограф или волшебный фонарь). В программу акта могут быть включены чтения литературных

---

² НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973. Лл. 11, 11об., 12.

произведений, посвящённых эпохе 1812 года. Кроме того, желательно включение в программу хоровых и музыкальных пьес, а также театральных представлений патриотического содержания. В конце акта производится раздача учащимся книг, брошюр, памятных листков, художественных картин, относящихся к войне 1812 года, и изображений Императора Александра Благословенного и его сподвижников. В заключение акта исполняется оркестром и хором... народный гимн... Если в данной местности будет устроен парад войскам, то на таковом желательно присутствие учащихся... Те учебные заведения, в коих организованы потешные роты или классы военного строя и гимнастики, могут командировать таковые роты и классы для участия в самом параде войск»³.

Лучшие учащиеся гимназий командировались в Москву для участия в общероссийских торжествах. Списки составлялись в канцелярии Попечителя учебного округа и утверждались затем сами Попечителем после рассмотрения представленных каждой гимназией кандидатов. От Первой Императорской гимназии избраны были четверо: ученики 8-го класса Богданов Тихон и Худяков Михаил, ученик 7-го класса Христианович Александр и ученик 6-го класса Нечкин Борис. Специальным предписанием определена была форма, в которой они должны были присутствовать на празднике (куртка и брюки из небелёного холста, небелёная фуражка, козырёк чёрный). 23 июля они были отправлены в Москву в составе казанской делегации. Для учащихся, не попавших в список официальной делегации, была устроена экскурсия по историческим местам Москвы с посещением Бородина, Троице-Сергиевой лавры и Костромы с 17 по 22 июня 1912 г.⁴ И поскольку, как следовало из циркуляра от 16 января 1912 г., в Казани был военный гарнизон, то, следовательно, устраивался парад на Арском поле, в котором принимали участие и гимназисты⁵. 25 августа, как сообщил «Казанский телеграф», в гимназической Воздвиженской церкви была проведена торжественная литургия и Всенощное бдение, утром 26-го состоялся торжественный акт и концерт учащихся, вечером того же дня – литературные чтения и туманные картины. Празднования,

³ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973.

⁴ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973, 7975.

⁵ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973. Л. 50.

однако, этим не завершились. 21 октября, 2 ноября и 2 декабря учащиеся гимназий были приглашены на спектакли, подготовленные любительским кружком, в зал Офицерского собрания на Воскресенской улице: по пьесе А.И. Бахметьева «1812-й год», «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Недоросль» Д.И. Фонвизина. 11 ноября в актовом зале Первой Императорской гимназии была открыта выставка, посвящённая событиям 1812 г. и участию в них казанцев, подготовленная учащимися гимназии. Наконец, в феврале 1913 г. делегаты от Первой гимназии, участвовавшие в торжествах в Москве – Богданов, Худяков, Христианович и Нечкин, – были награждены памятными бронзовыми медалями на Владимирской ленте⁶.

Мероприятиями были охвачены все без исключения учебные заведения города. Естественно, что проводились они по-разному в зависимости от статуса учебного заведения, его финансовых возможностей, социального положения и авторитета его руководителя. Однако, в общем итоге цели своей они достигали, в подготовку и проведение мероприятий вовлечены были практически все учащиеся, а с ними вместе и их родители. Внимание общества, так или иначе, усилиями министерства народного просвещения, было привлечено к важному событию отечественной истории.

---

⁶ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 7973. Л. 84.

Причины Отечественной войны 1812 г. на страницах романа «Война и мир» Л.Н. Толстого

Система взаимоотношений исторической реальности и ее художественного воплощения в романе «Война и мир» не раз становилась предметом исследования и критики ученых – историков, литературоведов, философов. Вскоре после выхода в свет произведения Толстого появились первые статьи с обвинениями автора в искажении исторических фактов¹. Отрицательные отзывы о романе явились отражением тех споров, которые разгорелись о нем в самых разных слоях общества. П.К. Щебальский писал в 1869 г. о том, что воззрения Толстого «вызвали многочисленные протесты: протестовали люди Двенадцатого года, оскорблённые тем, что автор как будто унижает славу Отечественной войны, протестовали военные, находящие, что автор слишком мало знаком с военными науками, чтобы критиковать Наполеона и Кутузова, — словом, протестов посыпалось множество»². Незнание Толстым военной стратегии для П.К. Щебальского не имело большого значения, а вот

---

¹ Так, участник войны П.А. Вяземский в своих «Воспоминаниях о 1812 году» («Русский архив», 1869 г.) оценил книгу «Война и мир» как «протест против 1812 года...». Участник Бородинского сражения А. С. Норов, признав художественные достоинства и правдивость изображения Бородинской битвы, подверг критике толстовскую трактовку истории в целом (Норов А.С. Война и мир с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника // Военный сборник. 1869. № 11). Резкие оценки в адрес «Войны и мира» высказали П. Деменков (Деменков П.С. «Заметки ветерана 1812 года о «Войне и мире» гр. Л.Н. Толстого»), публицист и историк П. К. Щебальский (Щебальский П. К. Нигилизм в истории // Русский вестник. 1869. № 4) и др. К. Леонтьев, увидевший в описании Толстым чувств героев романа «поэзию правды», отметил их сомнительность «со стороны верности эпохе» (Леонтьев К.Н.О романах гр. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Критический этюд. М., 1911).

² Щебальский П.К. Нигилизм в истории // Русский вестник. 1869. № 4. С. 857.

что касалось «славы Двенадцатого года», «отрицания Наполеона, и Кутузова, исторических деятелей и человеческих масс, личного произвола и значения исторических событий», — все это автором статьи было расценено как внесение в историю «полнейшего нигилизма»³.

Количество работ, посвященных великой «Илиаде русских» (Р. Роллан), вышедших за 145 лет, исчисляется тысячами единиц. Наряду с восторженными откликами (Д. Голсуорси, Т. Драйзер, А. Моруа, Р. Роллан, И.С. Тургенев, Г. Флобер, А. Франс, Э. Хемингуэй и др.) можно отыскать и такие, в которых с математической скрупулезностью подсчитывается число допущенных Толстым исторических ошибок и неточностей. Вместе с тем нельзя не согласиться с А. Зверевым и В. Тунимановым в том, что и сегодня «Война и мир», «подразумевающая выраженное Толстым понимание истории, остается непрочитанной книгой»⁴. К числу наименее изученных проблем романа принадлежит и описание автором причин войны 1812 г.

Напомним, что сам Л.Н. Толстой назвал «Войну и мир» «книгой о прошедшем» (15, 241). Известно также, что в черновых вариантах он сразу отметил главное отличие своего произведения от исторических романов предшественников: «Историки <...> писали историю прекрасных чувств и слов разных генералов, а не историю событий <...> Я старался писать историю народа». В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» (1868) он дал обоснование своего «разногласия в описании исторических событий с рассказами историков», которое носило неизбежный характер. «Историк и художник, — разъяснял Толстой, — описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различных предмета» (16, 9). По мнению писателя, историк изображает известного деятеля, а художник «старается только понять и показать не известного деятеля, а человека» (16, 10).

В тексте своего романа он указал и на естественную разницу взглядов на войну 1812 г. ее современников и «потомков, созерцающих во всем объеме громадность свершившегося события и

---

³ Там же.

⁴ Зверев А., Туниманов В. Лев Толстой. М., 2007. С. 255.

вникающих в его простой и страшный смысл» (11, 4). Высота поставленной задачи и стремление постичь смысл происходивших 50 лет назад исторических событий сами по себе предполагали не столько описание фактов, сколько художественное осмысление целостности событий и современную интерпретацию той «славной для России эпохи», к которой принадлежали родители и более далекие предки автора.

Однажды Толстой признался, что в молодости чувствовал в себе «инстинкт 1812 года»⁵. Это не было случайностью. Многие представители его рода служили отечеству, в том числе – на военном поприще. В детстве он слышал рассказы о походах, в которых принимал участие его отец Николай Ильич Толстой, – участник Отечественной войны 1812 г., отличившийся в битве под Лейпцигом. Отправившись на военную службу в год начала военных действий в возрасте 18-ти лет, он стал свидетелем «истребления человеческого рода», увидел «все то, что война имеет ужасное», увидел «места, верст на десять засеянные телами» (из письма родителям, 1813 г.⁶). Честно исполнив свой долг, он вышел, тем не менее, из этой кампании с чувством отвращения к войне.

Память об этих событиях жила в семейных преданиях и влияла на воспитание детей. В семье хранился «Журнал воспитания Николеньки»⁷, старшего брата писателя, который вела Мария Николаевна Толстая (урожд. Волконская), мать Льва Николаевича. В дневнике она отмечала, что мечтает в сыне «воспитать патриота», так, чтобы он «стал храбр, как должен быть сын отца, который доблестно служил отечеству». Николай Николаевич пошел по стопам отца, став офицером, участником Кавказской войны.

В данном контексте стоит напомнить о том, что сам Толстой в качестве офицера русской армии участвовал в двух войнах. Вместе с братом в 1851 г. он отправится на Кавказ, а в 1855 г. примет участие в Крымской войне, получит орден Св. Анны 4-ой степени, медаль на георгиевской ленте «За защиту Севастополя» и медаль «В память

---

⁵ Первая завершённая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство, М., 1983. Т. 94. С. 10, 64 (прим. 3) (далее – Литнаследство с указанием страницы).

⁶ ОР ГМТ.

⁷ Хранится в ОР ГМТ.

войны 1853-1856 гг.». Он заплачет, когда увидит французские флаги на наших бастионах. История его собственного недавнего прошлого будет художественно осмыслена им в рассказах «Набег» и «Рубка леса», повестях «Казачи» и «Хаджи Мурат». А первые «Севастопольские рассказы» будут писаться прямо там, на севастопольских бастионах.

Генетическая память, собственный жизненный опыт, из которого, как и его отец, он вынес неприятие войны, и художественный гений помогли ему в 60-е гг. создать великую книгу о победе России в войне 1812 г.

Исследователи не раз отмечали особенность художественно-исторической прозы Толстого, описывающего исторические события через внутренний мир своих героев. А.Ю. Сорочан⁸, обращаясь к анализу форм репрезентации истории в русской прозе XIX в., справедливо полагает, что «объективная» фактография никогда не интересовала Толстого, что описание им «прошлого основано не на перечне фактов, а на учете «малых величин» жизни», что для него «определяющим становится описание душевной жизни героя в прошлом», и именно из этих «мельчайших событий и складывается» автором «единственно верная история»⁹, превращаемая им в широкое художественное полотно.

Воссоздавая на страницах романа картины героической эпохи, Толстой не обошел своим вниманием причины войны 1812 г., ворвавшейся в жизнь и изменившей судьбы его героев, этих «малых величин», так важных для истории.

К художественному изображению событий Отечественной войны Толстой подошел весной 1866 г. К этому времени половина произведения была уже написана и опубликована. В письме своему другу А.А. Фету, мнением которого очень дорожил, Лев Николаевич выразил просьбу откровенно высказать впечатление от уже

---

⁸ Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тверь, 2008. Под репрезентацией понимается «представление одного в другом и посредством другого». Это значение позволяет рассматривать «вторичные проявления» – художественные тексты, в которых фиксируется не самый объект (история), а представление о нем автора.

⁹ Там же.

напечатанных частей. Далее он сообщал: « <...> я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия <...> так люблю свое писание, особенно будущее – 1812 год, которым я теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу <...>» (61, 138-139).

Сравнительный анализ первой завершенной редакции и окончательного текста романа, обращение к толстовской статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» демонстрируют особое отношение автора романа к сюжету начала войны, включая описание ее причин. Наша задача состоит не в том, чтобы определить степень соответствия этого описания объективным причинам, признанным учеными, а в том, чтобы понять некоторые важные особенности развития толстовской историко-философской и художественной мысли.

События начального периода Отечественной войны, до занятия Наполеоном Смоленска, описаны в шестой части первой редакции романа. Комментаторы рукописей «Войны и мира» в Полном собрании сочинений указывают на то, что авторские рассуждения о фатализме и роли личности в истории «по содержанию, а также частично и текстуально совпадают с началом третьего тома в его окончательной редакции» (16, 84). Однако с этим утверждением вряд ли можно согласиться, так как при внешней схожести текстов между ними имеются существенные отличия.

В первой завершенной редакции романа повествование о 1812 г. начато с рассуждений автора об истоках исторических событий, однако прямой вопрос о причинах войны в тексте пока отсутствует. Мы не найдем здесь и характеристики войны как социального явления, что появится позднее. Обращает на себя внимание следующий факт: в данном отрывке историко-философское рассуждение об истоках войн подчинено размышлениям о том малом значении, которое имеют великие люди в исторических событиях¹⁰.

Автор стремится найти объяснение тому, что порождает историческую коллизию, при которой миллионы людей убивают друг друга. Он убежден, что события, приводящие к «войне, крови, к тому, что противно самому человечеству»¹¹, не могли иметь причиной

---

¹⁰ В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Толстой напишет «так называемые великие люди».

¹¹ Первая завершенная редакция романа «Война и мир» // Литературное

волю одного человека, подобно тому как «один человек не сможет подкопать гору». Допуская существование «зоологического человеческого закона, подобного зоологическому закону пчел, заставляющего их убивать друг друга», автор не может принять ситуацию, при которой один человек велит убивать друг друга миллионам. Для него это «не имеет никакого смысла, потому что непонятно и невозможно»¹².

Стоит заметить, что Толстому были хорошо известны официальные версии причин войны. Он изучил немалое количество материалов об этой эпохе. До сих пор в яснополянской библиотеке хранятся книги о периоде наполеоновских войн с его маргиналиями – отчеркиваниями, подчеркиваниями, загнутыми уголками. Среди них – произведения русского военного историка, генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского, современника и участника Отечественной войны, автора первой официальной истории войны 1812 года, опубликованной в 1839 году и впоследствии неоднократно переиздававшейся. Три тома «Описания Отечественной войны в 1812 г.» были приобретены Толстым в московском книжном магазине в самом начале работы над романом, документальным свидетельством чего является счет от 15 августа 1863 г. из магазина, выписанный на имя Толстого (ОР ГМТ). К сожалению, эти тома не сохранились в яснополянской библиотеке писателя, однако в ней имеются другие произведения историка, хранящие пометы автора «Войны и мира».

В контексте данной статьи представляет интерес и трехтомный труд «История Отечественной войны в 1812 г. По достоверным источникам» (СПб., 1859-1869), созданный по Высочайшему повелению официальным военным историком, участником войны, профессором Военной академии генерал-майором (с 1863 г. — генерал-лейтенант) М. И. Богдановичем. В главе II первого тома, посвященной причинам войны 1812 г., на странице 25, где историк описывает сцену передачи князем Куракиным французскому министру ноты протеста против захвата Наполеоном герцогства Ольденбургского, имеется загнутый уголок – характерная толстовская помета. Вероятно, остальные причины войны,

---

наследство, М., 1983. Т. 94. С. 579 (далее – Литнаследство с указанием страницы).

¹² Там же. С. 577.

изложенные историком, были Толстому уже хорошо знакомы по труду Михайловского-Данилевского.

В «Описании Отечественной войны в 1812 году», которое создавалось автором как «бессмертный памятник Благословенному», «гимн во славу лучезарного светила» – Александра I, А.И. Михайловский-Данилевский впервые в российской историографии обозначил положения, послужившие «предлогом» к нашествию Наполеона на Россию: страсть Наполеона к завоеваниям, его замыслы о всесветном обладании, разномыслие Александра и Наполеона из-за континентальной системы (блокады торговли с Англией), захват Наполеоном земель герцога Ольденбургского, находившегося под покровительством России (герцог приходился дядей Александру) и даже оскорбленное самолюбие Наполеона, которому так и не удалось породниться с русским двором.

Однако, по мнению Толстого, ни одна из этих причин не могла быть причиной великого бедствия. Логика размышлений приводит писателя к открытию «закона совпадения бесчисленного количества причин»¹³, совокупность которых и привела к тому, что «неизбежно должно было совершиться». Только «бесчисленное количество совпадающих обстоятельств, из которых каждое могло быть названо причиной, вело к тому, что должно было быть»¹⁴. Здесь мы имеем дело уже с другим законом – законом предопределения, который наиболее выпукло выступил, по мнению писателя, именно в 1812 году. «Фатализм в истории» кажется автору столь разумным, сколь «неразумен в отдельном человеке»¹⁵. То, что Наполеон вступил в Россию, по мнению Толстого, было так же неизбежно, как падает с ветки созревшее яблоко.

В окончательном варианте романа текст приобретает большую композиционную целостность, но, главное, в нем происходят важные смысловые трансформации. В отношении самого факта войны в окончательном тексте романа Толстой высказывает более определенную позицию. Часть первая третьего тома сразу начинается с описания начала войны. Толстой сообщает: «<...>12 июня силы Западной Европы перешли границу России, и началась война, то есть

¹³ Литнаследство. С. 578.

¹⁴ Там же. С. 579.

¹⁵ Там же. С. 598.

свершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» (11, 3). Таким образом, характеристика войны приобретает афористичность и эпический характер¹⁶. Далее Толстой, усиливая характеристику, перечисляет целый ряд злодеяний, связанных с войной и совершаемых миллионами людей друг против друга: обманы, измены, воровство, подделки и выпуск фальшивых ассигнаций, грабежи, убийства <...> и на которые они не смотрели как на преступления (там же).

Естественной после этих слов была прямая постановка вопроса: «Что произвело это необычайное событие? Какие были причины его?» (11, 3). Внося в текст элемент полемики, автор перечисляет объяснения историков с ироническим комментарием «историки с наивной уверенностью говорят...». Среди них – «обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатов и т.п.» (там же). Автор называет ряд других причин, какими их видели остальные участники исторического процесса – Наполеон, герцог Ольденбургский, купцы, старые солдаты...

Однако его никак не могло удовлетворить это «бесчисленное количество причин», не имевших разумного объяснения того, «почему миллионы людей-христиан убивали и мучили друг друга». Толстой стремится именно с нравственной точки зрения осмыслить и оценить причины войны – этой самой страшной формы убийства, и не может найти разумного объяснения. «Всякая отдельно взятая или целый ряд причин» представляются ему одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события. Война вновь характеризуется им как форма убийства, и для него не имели никакой связи перечисленные обстоятельства с «самим фактом убийства и насилия». «Почему, – вопрошает автор, – вследствие того, что герцог обижен, тысячи людей с другого края Европы убивали и разоряли людей Смоленской и Московской губерний и были убиваемы ими?» (11, 4).

Совершенно справедливо он полагает, что только совокупность

---

¹⁶ Эпический характер этой характеристики был подмечен еще Э.Е. Зайденшнур.

причин могла привести к трагедии: «Стало быть, причины эти все – миллиарды причин – совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, следовательно, ничего не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были миллионы людей, отречься от своих человеческих чувств и своего разума, идти на Восток с Запада и убивать себе подобных <...>» (11, 5).

К вопросу о причинах исторических событий Толстой возвращается в главе XXVIII т. 3, подводя итог ранее высказанному: «На вопрос о том, что составляет причину исторических событий, представляется ответ <...>, заключающийся в том, что ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях» (11, 221)¹⁷.

Таким образом, сравнение первой редакции и окончательного текста романа демонстрирует неизменность взглядов писателя на причины войны с Наполеоном, объясняемых им фатумом – фатальным совпадением многочисленных причин, их совокупности. Вместе с тем обращает на себя и существенное отличие двух текстов. Так, в первой редакции рассуждение об истоках войны в философско-художественном построении романа подчиняется размышлениям автора о роли великих людей в исторических событиях. В окончательном тексте в художественном осмыслении этой темы усиливается этический аспект, более того, он выносится на первый план, война характеризуется как «зло, убийство и насилие».

Со временем этот аспект в творчестве великого писателя будет только усиливаться. Через призму нравственности он будет рассматривать все социальные явления, в которых участвует человек, включая войны и революции. Нравственность станет для Толстого конституирующим фактором и главным критерием происходящих

---

¹⁷ Обратим внимание на то, что поздний Толстой, продолжая в своем художественном творчестве и публицистике разрабатывать проблему свободы и необходимости, расширит границы свободы человека, способного делать свободный выбор между добром и злом и тем самым обладающего влиянием на ход истории и преобразование мира. Для него это будет означать главное – «самим сделаться лучше». «Улучшая себя, мы тем самым улучшаем нравственное состояние мира», – напишет Л.Н. Толстой в книге «Путь жизни», своеобразного завещания писателя будущим поколениям.

событий. Главным же мерилom нравственности людей, участвующих в них, станет их отношение к насилию.

Показателен в этом смысле эпизод, в котором накануне Бородинского сражения князь Андрей в беседе с Пьером произносит обвинительный акт войне, к чему он пришел через духовные поиски, страдания и собственный Аустерлиц. Теперь война для него, это – «любимая забава праздных и легкомысленных людей <...>. Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство, измена, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь <...>» (11, 211).

Напомним, что в толстовском дискурсе отсутствуют термины войны справедливой и несправедливой. Для любимых Толстым героев, как и для их создателя, любая война – «страшное дело». Однако, понимая, что война есть зло и в тоже время страшная необходимость, они принимают участие в этом страшном, но необходимом деле во имя спасения мира и «спасения отечества».

Сегодня, когда мир захлестнула волна насилия, особенно важно помнить, что Толстой написал книгу не только о войне и подвиге народов России. «Война и мир» – великая книга о необходимости единения всех людей на земле, способного противостоять злу и насилию. Эта мысль замечательно выражена любимым героем Толстого Пьером Безуховым: «<...> все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать то же самое. Ведь как просто» (12, 293-294).

**Отражение событий Отечественной войны 1812 г. в
экспозиции музея-усадьбы Н.А. Дуровой**

В городе Елабуга с 1831 по 1866 г. проживала героиня Отечественной войны 1812 г., участница Бородинского сражения, прославленная кавалерист-девица и талантливая писательница XIX в. Надежда Андреевна Дурова. Сохранился мемориальный дом первой половины XIX в., в котором прошли последние годы жизни Н.А. Дуровой.

После реставрации дома и создания экспозиции в 1993 г. был открыт Музей-усадьба Н.А. Дуровой, входящий в состав Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Единственный в России музей, посвященный жизни и деятельности женщины-воина и писательницы Н.А. Дуровой неизменно вызывает большой интерес, как в России, так и за ее пределами. А с установкой конной скульптуры кавалерист-девицы (автор – московский скульптор Ф.Ф. Лях) и надгробного памятника на могиле Н.А. Дуровой на Троицком кладбище, а позже благоустройством прилегающей к нему Троицкой площади в Елабуге сформировался целый мемориальный комплекс Н.А. Дуровой.

Дом у Надежды Андреевны был двухэтажным и достаточно небольшим – такими были застроены окраины Елабуги в середине XIX в. Первый этаж, выполненный из камня, сохранился с тех далёких времён практически без изменений, а вот второй – деревянный – пришлось перестроить. От старого сруба сохранились три венца и лаги перекрытия. Здание является памятником истории и культуры федерального значения. Сохранилась четвертая часть усадьбы, которая восстановлена по типу XIX в. Сейчас в музее представлена вторая экспозиция. Уютные залы рассказывают о жизни женщины загадочной и неординарной.

Личность Дуровой всегда вызывала неподдельный интерес. Судьба её столь необыкновенна и исключительна, таинственна и загадочна, что до сих пор существует много толков и вопросов. Но

наиболее полную информацию, безусловно, можно получить в нашем музее. Вниманию посетителей представлены многочисленные архивные документы, письма героини, воспоминания современников, исследования историков, психологов, литераторов, семейные архивы потомков Надежды Андреевны, портреты, фотографии – результат многолетней научно-исследовательской и поисковой работы сотрудников музея-заповедника. Следует отметить, что на начальном этапе работы по созданию музея не было никакой личной коллекции героини, хотя это является главным необходимым фактором при создании музея, и лишь кропотливая деятельность научных работников музея-усадыбы позволила получить такой высокий результат.

Каждый из пяти залов музея знакомит с эпохой, средой и окружением феноменальной женщины.

Зал «Военной службы» является кульминационным в экспозиции, ведь феноменальность героини заключается уже в самом факте ее службы в рядах Русской армии. Н.А. Дурова была на военной службе 10 лет. Она – участница грандиозных наполеоновских сражений в Европе, Бородинского сражения, других событий Отечественной войны 1812 г. В ее биографии есть факт, что она была принята и признана самим императором Александром I; служила ординарцем в штабе главнокомандующего М.И. Кутузова. Выйдя в отставку в чине штабс-ротмистра, Дурова вошла в историю России как первая женщина-офицер русской армии, кавалер Знака отличия Военного ордена Георгиевского креста.

Музей относится к разряду современных музеев, и многие экспонаты являются копиями или муляжами. Расшитый золотыми галунами гусарский мундир выполнен специально для нашего музея специалистами по реконструкции военных костюмов по образцам Государственного исторического музея (Москва) и по размерам Надежды Дуровой. Знамена Малороссийского гренадерского и Виленского пехотного полков и штандарты кавалерийских полков были выполнены усилиями творческой группы «МОДО» из Набережных Челнов, образцы оружия – карабин и штуцер – муляжи, изготовленные реставраторами Национального музея Республики Татарстан. Пистолет образца 1807 г. и пики – новодел. Сабля гусарская образца 1807 г. – также новодел, выполненный в Москве.

Кстати, эта сабля уже участвовала в битвах-реконструкциях не только в России, но и за границей: в Италии, Франции, Австрии, побывав в руках такой же героической женщины, нашей современницы А.И. Бегуновой. Между двумя этими женщинами есть символическая связь: Алла Бегунова – лауреат Международной литературной премии Союза писателей РФ имени Валентина Пикуля, автор целого ряда исторических романов и книги «Надежда Дурова», основанной на документах и архивных источниках. Ее любовь к героине началась еще с юности, когда была прочитана книга «Записки кавалерист-девицы». Позже, будучи студенткой и журналисткой, Алла создала военно-исторический клуб «Улан» при сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, участвовала в движении военно-исторической реконструкции, в реконструированных сражениях на Бородинском поле, Аустерлице, Ватерлоо. Многие предметы ее обмундирования находятся сейчас в нашем музее: к примеру, офицерская шинель, гусарский ментик и бальная жилетка, кивер, гусарские сапоги. Под ее руководством в Елабуге трижды проводились военно-исторические реконструкции эпизодов наполеоновских сражений и бала эпохи Александра I.

Есть в экспозиции Военного зала и подлинные предметы. Это пистолет образца 1851 г., ружья, кираса, дунст и картечь, привезенные с Бородинского поля. Эти раритеты оживляют музейную экспозицию, как и восковая фигура Надежды Дуровой в мундире поручика Литовского уланского полка. Общему вниманию представлены красноречивые цитаты великих людей о роли событий 1812 г. – это слова главнокомандующих двух воюющих армий – Наполеона Бонапарта и Михаила Кутузова, находящиеся в экспозиции. Они позволяют оценить, насколько грандиозным и трагическим были события, происходившие на Бородинском поле: «Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех» (Наполеон); «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата,

жертвовавшего с бодростью жизнью за своё Отечество» (М.И. Кутузов).

Цветная копия фрагмента с картины Ф. Рубо «Бородинское сражение» позволяет нашим современникам представить масштабы этого сражения, в котором «Смешались в кучу кони, люди...»¹. Не случайно подобраны портреты и бюсты военачальников: Н.Н. Раевский, П.И. Багратион, А.П. Тормасов и М.А. Милорадович, М.Б. Барклай де Толли, П.П. Коновницын в той или иной степени принимали участие в судьбе нашей героини. В 1810 г. Н.А. Дурова, «ставшая» корнетом Александровым, служила ординарцем киевского генерал-губернатора Милорадовича². Н.Н.Раевский командовал пехотным корпусом, защищавшим курганную высоту между селами Бородино и Семеновское, где стоял Литовский уланский полк. В пятом эскадроне именно этого полка служил упомянутый выше поручик Александров. П.И. Багратион во время Бородинского сражения командовал 2-ой Западной армией, в составе которой был Литовский уланский полк. Наконец, генерал-лейтенант М.Б. Барклай де Толли занимал пост военного министра с 1810 г. К нему Александров, бывший на тот момент корнетом Мариупольского гусарского полка, многократно обращался с прошениями о переводе в Литовский уланский полк, о выделении денежных средств на мундир³ и о вспомоществовании престарелому отцу⁴. Что касается генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, то он командовал арьергардом у Колоцкого монастыря и деревни Шевардино. В составе арьергарда находился Литовский уланский полк. Поручик Александров был также ординарцем у Коновницына⁵.

По архивным документам (РГВИА, фонды 26, 29) удалось восстановить факты военной службы Н.А. Дуровой. Копии некоторых из них находятся в витринах: формулярный список

---

¹ Лермонтов М.Ю. Стихотворения, поэмы драма. Серия «Закладка», М., 2004. С. 25.

² Бегунова А.И. Надежда Дурова. М., 2011. С. 398

³ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 483. Л. 946-947; Ф. 29 Оп. 1/153в. Д. 110. Л. 152об.; Д. 107. Л. 336.

⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 154. Св. 94. Д. 751. Л. 91-92об.

⁵ Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 168-169

«товарища» конно-польского полка Соколова⁶, формулярный список поручика Литовского уланского полка Александрова⁷, рапорт генерала от инфантерии графа Буксгевдена⁸, рапорт генерал-майора Коховского⁹, письма самой Н.Дуровой в военную канцелярию. Учитывая военные заслуги перед Отечеством, при выходе в отставку император издал Указ о назначении штабс-ротмистру Александрову военной пенсии.¹⁰

Следующим важным и героическим шагом в жизни Надежды Дуровой стало издание мемуаров, в основу которых легли дневниковые записи военных лет. «Записки кавалерист-девицы» ценны тем, что являются описанием исторических событий с точки зрения живого свидетеля, непосредственного участника этих событий, выражают ее собственную оценку и отношение. Вот небольшая выдержка из повествования: «24-го августа. Ветер не унялся! На рассвете грозно загрохотала вестовая пушка. Гул ее несся, катился и переливался по всему пространству, занятому войском нашим. Еще не совсем замолк гул пушечного выстрела, как все уже было на ногах! Через четверть часа все пришло в движение, все готовится к бою! Французы идут к нам густыми колоннами. Все поле почернело, закрывшись несметным их множеством.

26-го. Адский день! Я едва не оглохла от дикого неумолкнуго рева обеих артиллерий. Ружейные пули, которые свистали, визжали, шикали и, как град осыпали нас, не обращали на себя ничего внимания; даже и тех, кого ранили, и они не слышали их: до них ли было нам!.. Эскадрон наш ходил несколько раз в атаку...»¹¹.

В литературной деятельности она также опередила многих соотечественниц: стала единственной женщиной-автором в пушкинском журнале «Современник», вошла в сборник А.Смирдина «Сто русских литераторов», а в повести «Год жизни в Петербурге» описала свои встречи с А.С. Пушкиным. «И что за язык, что за слог у

⁶ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 364. Л. 530-531.

⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2659. Л. 41об.-42.

⁸ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 364. Л. 529

⁹ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 354. Л. 342-343об.

¹⁰ РГВИА. Ф. 395. Оп. 77. Д. 130

¹¹ Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 171.

Девуцы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей своё прозаическое перо...»¹², – писал В.Г. Белинский. Свой талант замечательной сочинительницы она обнародовала в возрасте 53-х лет, удивив неординарными сюжетами, красивым стилем, простотой и искренностью изложения.

О жизни Дуровой в нашем городе рассказывает экспозиция зала «Жизнь в Елабуге»: старинные фотографии улиц; резной шкаф – «креденца», коллекция посуды и предметов эпохи, книги. Интерьер дополняют этажерка, кресло-качалка и столик для рукоделия, вышивка бисером, но рядом – курительная трубка чубук, в те времена – символ принадлежности к сильному полу. Чубук и наперсток на столике для рукоделия являются мемориальными предметами, они переданы в музей потомками кавалерист-девуцы. В экспозицию включены статуэтка Наполеона и книги о войне 1812 г. Несомненно, она, как и все ее современники, была равнодушна к личности Наполеона и читала книги о наполеоновской эпохе.

Экспозиция военного зала занимает особенное место в организации деятельности по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Музеем ведется большая работа со школьниками города Елабуги по проектам «Музейная педагогика», «Сказкотерапия». В этом зале проводятся музейные занятия со школьниками на темы: «Славные сыны Отечества», «О доблестях, о подвигах, о славе», «Военно-патриотические музеи мира», «Есть у солдата шинель», «И синие уланы, и красные драгуны, малиново-золотые гусарские ряды», «И шум оружия, и сеча...», «Шаги в глубину веков» и игры-викторины «Счастливый случай», «Колесо истории». Использование принципа интерактивности позволяет ребятам примерить мундир, кирасу и кивер, подержать в руках пушечные ядра, постучать в барабан, собрать из фрагментов картину «Бородинское сражение».

Клуб «Офицерская доблесть» работает при Музее-усадьбе Н.А. Дуровой с 2003 г. Сначала курсанты Школы милиции, а сейчас воспитанники Елабужского суворовского военного училища и кадетских классов – будущие офицеры, ежемесячно посещают занятия клуба и на примере жизни и деятельности Н. Дуровой

---

¹² Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. III.

воспитывают в себе самые необходимые для офицера качества: мужество, отвагу, патриотизм, любовь к Отечеству. Темы клубных занятий: «Женщины-воительницы», «Ты помнишь, солдат...», «День Защитника Отечества», «Я поведу тебя в музей», «Этот День Победы», «В этом городе мы с тобой живём». В этом юбилейном году курсанты Елабужского суворовского училища, члены нашего клуба, стали участниками военно-патриотического маршрута «Дорогами воинской славы», организованного для воспитанников суворовских военных и кадетских училищ, и проехали по памятным местам России и Белоруссии. В тематической викторине, посвященной Отечественной войне 1812 г., они, пройдя специальную подготовку в музее, заняли первое место среди подобных учебных заведений.

На базе нашего музея мы организуем и тематические уроки по истории и литературе, проводим различные конкурсы и викторины для любознательных, литературные вечера и встречи с интересными людьми. Ежегодно на территории усадьбы проходят музейные проекты «Масленица», «Русский солдат умом и силой богат». Каждый из них интересен и полезен по-своему. Не на примере ли героической личности кавалерист-девицы воспитывать патриотизм у подрастающего поколения, бережное отношение к историческому наследию, а значит растить любознательную и неравнодушную к окружающим людям и родному городу молодежь?

Благодаря деятельности Елабужского государственного музея-заповедника по освещению и популяризации жизни и деятельности Н.А. Дуровой, ее героических поступков, литературного наследия, за последние годы вырос интерес к личности кавалерист-девицы, музею, городу. Ежегодно Музей-усадьбу Н.А. Дуровой посещают более 30 000 человек.

Кавалер Золотой шпаги М.Н. Мусин-Пушкин

Михаил-Николаевич Мусин-Пушкин (25 ноября 1795 – 20 июня 1862) – дворянин, казанский помещик, участник отечественной войны 1812 г. и заграничных походов более известен как попечитель Казанского учебного округа (1827-1845), попечитель Петербургского учебного округа (1845-1856), председатель Петербургского цензурного комитета, сенатор. О том, какую роль сыграли в его судьбе события 1812 г., известно мало, о них можно судить по доступным исследователю формулярным (послужным) спискам, хранящимся в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Других источников: дневников, писем, воспоминаний, так или иначе освещающих события тех лет, пока обнаружить не удалось. Можно предположить, что М.Н. Мусин-Пушкин не имел привычки вести дневники, не писал мемуары – в противном случае это стало бы известно, т.к. многие годы он возглавлял Петербургский цензурный комитет, был знаком со многими литераторами, а потому информация о том, что он писал воспоминания, стала бы известна литературному кругу. И, тем не менее, его путь к военной доблести, как условию успешной карьеры, безусловно, представляет интерес.

Родители Михаила Николаевича - камергер двора Екатерины II Николай Михайлович Мусин-Пушкин (1762 - 26 февраля 1830)¹. В конце XVIII в. придворная должность камергера так же, как и воинская должность генерал-майора, соответствовала IV классу Табели о рангах: чину действительного тайного советника. Камергер

---

¹ Дата смерти Н.М. Мусина-Пушкина в Родословной книге П.Д. Долгорукого указана неверно - 1812 г. См.: Российская родословная книга / Сост. П.Д. Долгоруков. СПб., 1856. Т. 3. Ср.: Никанор. Казанский некрополь. Казанцы, умершие с 1794-1894 гг. Казань, 1895; ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 217 Н.Я.Агафонов. Казанский летописец. Л. 491; О его смерти 26 февраля 1830 г.: Некролог Николая Михайловича Мусина-Пушкина // Прибавления к «Казанскому вестнику». 1830. № 10. С. 77-78.

Николай Михайлович Мусин-Пушкин особыми талантами не отличался, не был отмечен и особым расположением императрицы Екатерины I и хрониками государственной, светской жизни не был отмечен. Известно, что за ним числилась небольшая деревня Оликово в Суздальском уезде Владимирской губернии, где проживало немногим более 100 душ податных крепостных крестьян². Он относился к числу мелкопоместных дворян, которые, занимая важные посты, довольствовались жалованием и скромными доходами с деревень и были вынуждены искать возможности улучшить свое материальное положение, например, вступив в брак с богатой невестой.

По совету близких друзей он стал подыскивать себе богатую невесту в провинции, в одной из черноземных губерний. На одном из светских раутов он познакомился с казанскими помещиками сиятельными князьями Болховскими. Вскоре ему представили их дочь - княжну Авдотью (Евдокию) Болховскую (1771 - 5 января 1843)³. За невестой отдавали крупное имение - село Бездна Гусихинской волости Спасского уезда Казанской губернии. А с ним - почти 600 крепостных мужиков, исправно плативших подати и отбывавших барщину. Ко всему прочему княжна наследовала (выселок) Якова Николаевича Болховского - Болховка, находившийся в девяти верстах от села Бездна, который в свое время основал его путем переселения крестьян на целинные черноземные земли, купленных им у князя Дадьяне.

Женитьба на Авдотье Сергеевне помимо богатого крепостного хозяйства позволила камергеру расширить круг родственников именитыми казанскими семьями, состоявшими в родстве с

---

² НА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 2479 А «Формулярный список о службе и достоинстве тайного советника, попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина за 1841 г.» Л.1.

³ Князья Болховские - старинный дворянский род. По предположению П.Д. Долгорукова они были единственными удельными князьями, которые не принадлежали к племени святого Владимира (см.: Российская родословная книга / Сост. П.Д. Долгоруков. Т. 3. С. 10-12; Некролог Авдотьи Сергеевны Мусиной-Пушкиной // Прибавления к «Казанским губернским ведомостям». Казань. 1843. № 2. С. 8).

Болховскими: Великопольскими, Моисеевыми⁴, Молоствовыми. А село Бездна получило нового хозяина – с 1791 г. им числился камергер Н.М. Мусин-Пушкин⁵, а после смерти дети: сын Михаил (25 ноября 1795 – 20 июня 1862) и дочь – Анна (6 декабря 1802 - 14 марта 1831)⁶.

Воспитанию детей Николай Михайлович Мусин-Пушкин уделял пристальное внимание. Когда мальчик подрос и настало время определиться: отдать его в Казанскую гимназию, в частный пансион или нанять гувернера. На семейном совете было решено, что к Михаилу будет приставлен наставник-гувернер. В Казанской губернии учительствовали преимущественно воспитатели из немцев, а не французов, как в столицах. Это одно из объяснений тому, почему к Мише Мусину-Пушкину был нанят наставником саксонец Иоанн Михаил Томас или Иван Григорьевич, как его любезно стали называть сначала в семье, потом в Казани⁷.

Детям камергера Томас сумел дать азы латыни, греческого, немецкого и французского языков, познания в области истории по изданной в 1799 г. в Петербурге «Всемирной истории. В трех частях», географию и статистику – по немецким учебным изданиям. Помимо И.Г. Томаса⁸ с Михаилом и Анной занимался профессор

---

⁴ Родная сестра Евдокии Сергеевны - Мария Сергеевна была замужем за Е. Великопольским, вторично - за А. Моисеевым (см.: Агафонов Н.Я. Из казанской истории. Казань, [б. г.]. С.38).

⁵ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 943 Акты на земельные владения Болховских и Мусиных-Пушкиных в Поволжье в 1723, 1761, 1818 и 1831 и др. гг. Л. 4.

⁶ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 217. Л. 491.

⁷ Иоанн Михаил Томас - родился в 1770 г. в Кобурге (верхняя Саксония), окончил там гимназический курс. Дальнейшее образование он получил в университетах городов Галле и Йенна, удостоившись звания кандидата теологии. С 1792 г. практиковал в качестве домашнего наставника. Провел около десяти лет в Франконии, Швейцарии, затем в Дерпте, где был выбран в пасторы и конректоры училища. Доходы с этой должности были недостаточны для содержания семьи (жены и сына), поэтому он решил искать более высокооплачиваемое место гувернера.

⁸ Около 1809 г. Томас оставил Мусиных-Пушкиных, перешел к помещику Спасского уезда А.Ф. Моисееву для обучения его пасынка – И.Е. Великопольского и родной дочери Варвары, они приходились

математики Казанского университета Франц Ксаверий Броннер, он имел обыкновение давать уроки у себя на дому⁹. Возможно, именно на дому у Броннера состоялась первая встреча Михаила Мусина-Пушкина и студента Казанского университета Николая Лобачевского, которому профессор также у себя на дому давал дополнительные уроки по математике, а позже рекомендовал его академику Н. Фуссу как «лучшего воспитанника», «научные наклонности которого заслуживают исключительного одобрения»¹⁰.

Занятия с Томасом, но особенно с Броннером значительно расширили кругозор Михаила Мусина-Пушкина и познания в области математики, физики, химии, минералогии, а также в общественных науках. Михаил Мусин-Пушкин вместе с троюродным братом Владимиром Молоствовым принял решение готовиться к сдаче экзамена «на чин»¹¹.

С мая по октябрь 1810 г. мальчики исправно посещали университетские курсы, чтобы ознакомиться с требованиями нововведенного испытания для чиновников и перед Рождеством успешно выдержали испытания. По счастливой ли случайности или стечению обстоятельств в означенную комиссию входил тогда уже

племянниками Авдотьи Сергеевны Мусиной-Пушкиной. Вскоре по примеру И. Краузе, И. Бюрно, И. Лейтер - немецких профессоров, перешедших на службу в Казанский университет, Томас выхлопотал у попечителя С.Я. Румовского место профессора кафедры «всеобщей истории, географии и статистики». К письму была приложена небольшая рукопись «диссертации» на десяти листках. 19 декабря 1810 г. Томас был назначен ординарным профессором этой кафедры. См.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819). Казань, 1891. Т.2. С. 582-583; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 377 (1810). Л. 31-32; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч.1. С. 175-176, 177.

⁹ См.: Нагевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758-185...). Казань, 1902. С. СХLI; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. С. 175.

¹⁰ Нагевский Д.И. Указ. соч. С. 415; Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792-1856). М.: Наука. 1992. С. 21-22.

¹¹ Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молостровых (вторая половина XVIII-1861 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. С. 167-190.

профессор Казанского университета И.Г. Томас. Воспитанник не подвел своего наставника. Его ответы были четкими и большей частью верными. Не проучившись ни дня в Казанской гимназии, ни года – в университете, Мусин-Пушкин получил аттестат Казанского университета. Перед ним открывались широкие перспективы успешной чиновной службы.

В возрасте 17 лет Михаил Мусин-Пушкин твердо решил стать офицером, покинул отчий дом. Отец одобрил его выбор, более того помог, используя свои столичные связи, способствовал, как свидетельствует послужной список зачислению сына и племянника жены Владимира Порфирьевича Молоствовова в колонновожатые Свиты Его Императорского Величества квартирмейстерской части¹². Еще до сдачи экзамена чин - 13 марта 1810 г. Михаил Мусин-Пушкин был зачислен в колонновожатые Свиты Его Императорского Величества квартирмейстерской части.¹³

29 сентября 1810 г. М.Н. Мусин-Пушкин был произведен в подпоручики (XIII класс по Табели о рангах), вместе с отцом и кузеном прибыл в Санкт-Петербург и приступил к действительной воинской службе.

Хотя квартирмейстерская часть Свиты Его Императорского Величества считалась элитным воинским подразделением, отношение к ней было пренебрежительным: ее офицеры и солдаты не участвовали в боевых операциях¹⁴. Для молодого, дышащего здоровьем и амбициями юноши, эта часть была, скорее всего, своеобразным плацдармом, который дает возможность получить офицерское звание и продолжить карьеру в действующей армии. Благодаря покровительству друзей отца Михаил прослужил в качестве колонновожатого чуть больше двух месяцев, затем был произведен в обер-офицерский чин подпоручика. Без промедления отец стал ходатайствовать о его переводе в гвардейский полк. Ему удалось осуществить задуманное и 17 февраля 1811 г. Михаил Мусин-Пушкин стал прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка.

---

¹² Лодыженский И.Н. Родословная Молоствых. СПб., 1910. С. 16.

¹³ НА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 2.

¹⁴ Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания и титулы. Л., 1977. С. 63.

Назначение в Семеновский полк было большой наградой для любого дворянина. Не всем влиятельным лицам удавалось устроить родственников или знакомых в полк, шефом которого был сам государь Александр I, считавший себя его офицером и всячески баловавший своих сослуживцев: 1812 г. М.И. Кутузов сообщал одному из родственников, что с большим трудом добился включения своего протеже в списки полка¹⁵.

Служба в гвардейском полку была престижной, сулила немалую выгоду. Сюда, как правило, зачисляли представителей знаменитых дворянских фамилий, да и чинопроизводство имело преимущества по сравнению с военной службой в обычных воинских подразделениях, особенно в сравнении с гражданской службой. Кроме того, гвардейские офицеры были на виду и слуху монаршей фамилии, могли искать и заслужить высочайшее покровительство. Весь XVIII в. отмечен активным участием гвардейцев в политической жизни. Многие из офицеров, участники дворцовых переворотов, добились высокого положения при дворе. Но не такую судьбу прочил своему сыну камергер Николай Мусин-Пушкин, он был свидетелем не только взлетов, но и падений фаворитов Екатерины II. Поэтому, оставляя сына в Санкт-Петербурге, просил его быть верным присяге в столь сложное для России время. В этом он видел залог благополучия и успеха своего наследника.

9 марта 1812 г. лейб-гвардии Семеновский полк под руководством полковника К.А. Криднера, выступил из Петербурга к западной границе¹⁶. Накануне вторжения Наполеона в пределы Российской империи, 2 июня 1812 г., Михаил Мусин-Пушкин был произведен в гвардии-подпоручики, вскоре после начала боевых действий был определен в Главный штаб 1-й армии к генералу А.П. Ермолову, где прослужил почти год. Выполняя поручения начальников Главного штаба 1-й армии, гвардии-подпоручик Мусин-Пушкин принял участие в ряде сражений, тогда как Семеновский полк, в котором он начинал служить, не принимал участия в боях вплоть до сражения под Бородино¹⁷.

---

¹⁵ Лапин В.В. Семеновская история: 16-18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 52.

¹⁶ Там же С. 22.

¹⁷ Там же. С. 25.

2 августа 1812 г. «за отличие» в боях у Смоленска и Заболотье М.Н. Мусин-Пушкин был представлен к повышению по службе, получил чин гвардии-поручика (XII класс по Табели о рангах). Первым орденом – орденом св. Владимира 4-й степени с бантом был награжден «за отличие» в сражении при отступлении русских войск к Калуге (6 ноября 1812 г.). Отличился в боях при отступлении французских войск за Березину. Находясь на штабной должности, «пулям не кланялся», постоянно просил вернуть его в Семеновский полк. Тем не менее, и в заграничные походы он вступил адъютантом. Вернуться в Семеновский полк удалось в марте 1813 г. – накануне ожесточенных боев в Саксонии и Пруссии. В составе легендарного полка он принял участие в генеральном сражении при Лютцене и Бауцене (8 и 9 мая 1813 г. – так отмечено в послужном списке). Тогда русская армия встретилась с новой французской армией, которую сумел собрать Наполеон Бонапарт после изгнания из России. В битве при Бауцене по свидетельству историков союзники располагали 65 тыс. единиц русских и 28 тыс. единиц прусских войск при 610 орудиях. Наполеон имел значительный перевес в силах - 143 тыс., однако был слабее в кавалерии (12 тыс. единиц) и особенно в артиллерии (350 орудий). Битва была ожесточенной. Для союзников занятие позиций при Бауцене означало дальнейшее успешное наступление на Дрезден и Лейпциг. За два дня сражения русские потеряли 6400 солдат, пруссаки – 5600, французы – в полтора раза больше – 18-20 тысяч¹⁸. Мусин-Пушкин сумел отличиться и среди прочих героев был награжден сначала орденом св. Анны 4 степени, а в июне 1813 г. был удостоен наградным холодным оружием - Золотой шпагой с надписью на эфесе - «За храбрость».

Золотая шпага вручалась за подвиги на поле боя. Считается, что она была учреждена указом Г.А. Потемкина от 29 июня 1788 г.¹⁹, хотя прецеденты награждения холодным золотым оружием имели место и ранее. Павел I отменил награждение золотым оружием. При Александре I этот вид награждения был восстановлен, и с 28 сентября 1807 г. офицеры, награжденные Золотыми шпагами и

¹⁸ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. 248, 251, 275.

¹⁹ Дуров В. Оружие - в награду // Советский музей. 1989. №5(109). С. 60-63.

саблями (сабли вручались офицерам кавалерии) стали причисляться к кавалерам российских орденов, их имена стали вноситься в списки кавалеров российских орденов всех наименований, которые помещались в ежегодно издававшихся «Придворных календарях»²⁰. Благодаря подобному учету было известно точное число героев кавалеров Золотой шпаги, их имена и обстоятельства вручения. Впоследствии исследователи обобщали эти данные в специальных справочных изданиях. 241 офицер был удостоен этой награды в Отечественной войне, 685 – в заграничных походах²¹. Эта награда фактически являлась государственным орденом, имела три степени:

- золотое оружие «За храбрость» с алмазами (бриллиантами), которое достаивались военачальники;
- золотое оружие «За храбрость» - им жаловались офицеры;
- Аннинское оружие – низшая, третья степень ордена Св. Анны (с 1815 – четвертая степень).

М.Н. Мусин-Пушкин был удостоен именно Золотой шпаги второй степени. В составе Семеновского полка он продолжил участие в батальных на территории Богемии, Саксонии, в частности, в битве при проходе через Гильгюбель и Голенберг. В Саксонии - под Кульмом, в течение трех дней: с 16 по 18 августа 1813 г., он принял участие в окружении и уничтожении неприятельского корпуса²². При Кульме вновь «за проявленную смелость» в числе других офицеров был вновь награжден орденом св. Анны 2-й степени (21 февраля 1814 г.). 30 мая 1814 г. прусский король отметил заслуги гвардии прапорщика Мусина-Пушкина железным крестом²³. Тогда, в Пруссии, командование отметило великолепные знания Михаила Мусина-Пушкина немецкого языка. В офицерах, подобных Мусину-Пушкину, высшее командование испытывало нужду - он был откомандирован в штаб армии в качестве адъютанта генерал-адъютанта А.Д. Балашова с одновременным производством в штабс-

---

²⁰ Горшман А. Русские и иностранные ордена и медали в 1812-1815 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М., 1996. [Т.] VII. С. 283-284.

²¹ Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788-1913. М., 2007. 544 с.

²² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 4-5.

²³ Там же. Л. 3.

капитаны (30 августа 1813)²⁴.

Для М.Н. Мусина-Пушкина пребывание за границей не ограничилось участием в сражениях. В 1813 г. по Высочайшему повелению он был определен в качестве сопровождающего дипломатической миссии в Англию, Швейцарию, через год – в Италию и Францию. Молодой офицер имел возможность ближе познакомиться с европейским образом жизни, сравнить свои впечатления с теми, которые слышал от военачальников. Он служил адъютантом у А.Д. Балашова (с 30 августа 1813 по 8 июня 1815; с 5 сентября 1815 по 25 июля 1816), А.Х. Бенкендорфа (с 9 июня 1815 по 5 сентября 1815), А.И. Чернышева. В битве при Бремене 20 января 1815 г. «был замечен» А.Д. Балашовым как смелый и умный офицер. В его отваге удостоверился и генерал-майор А.Х. Бенкендорф, некогда начинавший свою военную карьеру в Семеновском полку. В 1813-1814 гг. молодой удачливый генерал Бенкендорф получил в свое распоряжение летучий отряд, его имя постоянно мелькало в сводках из района боевых действий в связи с победами, дерзкими рейдами, захваченными пленными, знаменами, пушками и другими трофеями. Пройти школу Бенкендорфа было весьма полезно. Бенкендорфу весьма достойно отрекомендовал качества Михаила Мусина-Пушкина генерал А.И. Чернышев: в отряде под его командованием Мусин-Пушкин находился при занятии города Шален (19 июня 1815 г.). По приказу главнокомандующего русской армии генерал-фельдмаршал М.Б. Барклая-де-Толли Михаил Мусин-Пушкин был вторично награжден орденом св. Анны 2-й степени (13 августа 1815)²⁵.

Балашов, Бенкендорф, Чернышев входили в состав приближенных ко двору, пользовались доверием и расположением Александра I и его семьи, и могли рекомендовать образованного, смелого капитана Мусина-Пушкина в спутники великим князьям Николаю и Михаилу во время их путешествия по беспокойной Европе²⁶. Александр I, определив младших братьев в дипломатическую миссию, преследовал две цели: ввести их в

²⁴ Там же. Л. 3-4.

²⁵ Там же. Л. 4, 7.

²⁶ Лакруа П. История жизни и царствования Николая I, императора всероссийского / пер. с франц. М., 1877-1878. Т.1. С. 104.

международную политическую жизнь и пополнить их знания о государственном и общественном устройстве Европы. Кто знает, вероятно, тогда состоялось первое знакомство Михаила Мусина-Пушкина и будущего императора Николая I?

Михаил Мусин-Пушкин возвратился из заграничных походов в качестве адъютанта генерал-адъютанта А.Д. Балашова, через год – 25 июля 1816 г. был произведен в гвардии-капитаны. Формулярный список молодого офицера не содержит записей о служебных взысканиях. Нет здесь и негативных отзывов его начальников. Очевидно, Мусин-Пушкин был одним из тех, кто чтит петровский кодекс дворянской чести. В 1816 г. он – капитан Семеновского полка, через год – 11 мая 1817 г., произведен в полковники (что соответствует рангу коллежского советника VI класса по Табели о рангах) с одновременным определением командиром в армейский 19-й Егерский полк, расквартированный в Санкт-Петербурге. В его ведении, как командира пехотного полка, находилось более тысячи человек. Помимо руководства полком как боевой единицей ему приходилось решать немало вопросов финансирования и экономии полкового хозяйства (вооружения, набора рекрутов, устройства госпиталя, денежной казны, размещения по квартирам, обмундирования и т.д.), вопросы кадровых перемещений.²⁷

Служа в Санкт-Петербурге, Михаил Мусин-Пушкин был наслышан о настроениях фрондирующего офицерства по отношению к Александру I. Будучи человеком осторожным, он ни в какие оппозиционные кружки не вступал, старался держаться подальше от политики в отличие от своего кузена В.П. Молостова, считая, что сие может стоить ему карьеры.²⁸ К тому же он был более озабочен

---

²⁷ Пехотный полк состоял из восьми рот, каждая насчитывала 144 человека. См.: О званиях и должностях полковых чинов от солдата даже до полковника // Устав воинский о должностях генерал-фельдмаршалов и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно / 5-е изд. СПб., 1780. С. 135-143.

²⁸ Владимир Молостов – адъютант принца Евгения Виртембергского, племянника императрицы Марьи Федоровны. В декабре 1825 г. стал очевидцем восстания декабристов. Во время следствия советовал императору простить декабристов, выдворить за пределы России и

своей карьерой, нежели политическими интригами. Его послужной список - тому свидетельство. 8 марта 1819 г. полковник М.Н. Мусин-Пушкин стал бригадным командиром, к тому времени за ним утвердилась репутация усердного служаки. За командование бригадою ему было объявлено Высочайшее благоволение (8 июня 1820)²⁹. Казалось, генеральские эполеты не за горами. Однако, спустя два года, неожиданно для многих 10 января 1821 г. в чине полковника, бригадного командира, он оставил военную службу, с правом ношения мундира.

Обстоятельства складывались так, что Михаил Мусин-Пушкин был вынужден прервать военную карьеру и спешно выехать в Казань. Поговаривали, что местная красавица, грузинская княжна Александра Семеновна Баратаева, дочь покойного С.М. Баратаева³⁰, вскружила голову молодому полковнику. Он был покорен ее красотой и сразу же влюбился³¹.

Князья Баратаевы были весьма уважаемым семейством³². Отец избранницы Мусина-Пушкина - князь Семен Михайлович Баратаев (1745-1798) - генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия 3-й степени, в последние годы царствования Екатерины Великой (с 1789 г. по 1796 г.), возглавлял едва оправившуюся после Пугачевского бунта

продолжить преобразования, задуманные Александром I. См.: Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование: В 2 т.- СПб., 1903. Т.1. С. 333.

²⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 4.

³⁰ Петербургский некрополь / Сост. В. Сайтов. СПб., 1912. Т.3. С. 187-188.

³¹ О ней писали Ф.Ф. Вигель, А.А. Малышев Ш. См.: Вигель Ф.Ф. Воспоминания. М., 1864. Ч.2. С. 34; Малышев А.А. В старые годы (Из воспоминаний казанского старожилы) // Камско-Волжский край. 1896. № 8.

³² Князья Баратаевы – род грузинского происхождения. Родоначальник - князь Мельхиседек Баратов. Его сын Мелихиседек Мельхиседескович был камергером грузинского царя Вахтанга Леоновича. Вместе с ним в 1724 г. выехал в Россию, поступил на государственную службу и с тех пор стал именоваться Михаилом Михайловичем Баратаевым. У него было четверо сыновей. Третий из них - Семен Михайлович, тесть М.Н. Мусина-Пушкина. Примечательно, что судьба всех сыновей связана с Восточным регионом Российской империи. См.: Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга / 2-е изд-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 34-35.

Казанскую губернию. По мнению ряда исследователей «княжеский род Баратаевых занимал первое место в аристократической казанской среде»³³. Замужество своей дочери за М.Н. Мусиным-Пушкиным - наследником богатого помещика и камергера, героем отечественной войны и заграничных походов, сумевшем сделать достойную военную карьеру в Санкт-Петербурге, князя Баратаевы рассматривали как удачную партию.

Возвращение отставного полковника Михаила Мусина-Пушкина в Казанскую губернию не означал, что служебная карьера окончена: напротив, в 1821 г. ему исполнилось двадцать шесть лет - он вполне мог возобновить военную карьеру, начать гражданскую службу. Тем более в его послужном списке и придворных календарях имелись отметки о его военной доблести, отменных исполнительских данных. В январе 1826 г. кавалер Золотой шпаги Мусин-Пушкин умело использовал свою положительную репутацию при назначении на должность попечителя Казанского учебного округа после смещения «обскуранта», «мистика» М.Л. Магницкого³⁴.

---

³³ Гарзавина А. В. «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Казань, 1987. С. 11.

³⁴ Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин - попечитель Казанского учебного округа: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 92-104; *Ее же* М.Н. Мусин-Пушкин - попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVII--XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы межд. науч. конференции, 23-25 июля 2009. СПб., 2009. С. 88-106.

Тема Отечественной войны 1812 г. на примере отдельных книг Н.И. Толстого в яснополянской библиотеке Л.Н. Толстого

Художественное наследие Л.Н. Толстого неразрывно с историей страны. 100 лет назад Софья Андреевна Толстая обращалась в письме к царю: «Наступает 12-й год. Никто лучше, живее и сердечнее не послужил этой славной годовщине, описав ее в «Войне и мире» с чувством патриотизма и любовью к царю и русскому народу»¹. Большое историческое событие обрело вторую реальность на страницах романа, отразившего Отечественную войну в искусстве слова. В вариантах предисловия к «Войне и миру» Толстой заметил: «Пишу о том времени, которое еще цепью живых воспоминаний связано с нашим...».

Семейные предания много значили для Толстого. На склоне лет он вспоминал о том, что воспитывался в духе «молодчества охоты и войны»². Детство и отрочество Льва Николаевича были овеяны воспоминаниями об Отечественной войне, к которой у него было свое, кровное отношение сына русского офицера Н.И. Толстого, принимавшего участие в заграничных походах против Наполеона (1813-1814)³. Когда Толстой был еще мальчиком, он с волнением и восторгом слушал рассказы отца о войне 1812 г., о пожаре Москвы, а впечатления жизни, окружавшей его, копились в душе и памяти... «Помню, как он раз заставил меня прочесть ему полубившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина «К морю» и Наполеону... Его поразил, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи, и он, прослушав меня, как-то значительно

---

¹ Цит. по: Комарова Т.В. Ангел Ясной Поляны // Памятники Отечества. 1992. № 28. С. 92. (Письмо от 18 ноября 1911 г.).

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828-1928) / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.-Л., 1928-1964. Т. 57. С. 18.

³ См.: Свидетельство, выданное московским комендантом Вережкиным Толстому Николаю Ильичу об увольнении его от должности смотрительского помощника. РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 1-2. (Приложение в конце статьи).

переглянулся с бывшим тут Языковым. Я понял, что он что-то хорошее видит в этом моем чтении, и был очень счастлив этим»⁴. Стихотворение Пушкина «Наполеон» запомнилось Толстому на всю жизнь ощущением радости на душе за любовь, за одобрительное отношение отца, почувствовавшем одаренность в своем младшем сыне. Н.И. Толстой вряд ли мог тогда представить, что пройдут годы, и образ Наполеона, созданный его сыном в «Войне и мире», станет таким же хрестоматийным, как пушкинский. Жалко только, что Николаю Ильичу не суждено было в этот период испытать чувство гордости за сына. «Мы все должны любить свое отечество, потому что здесь мы получили жизнь, впервые увидели свет, здесь получили первый материнский поцелуй и здесь протекли первые годы нашего детства. Отечество всегда найдет горячих защитников, готовых для его спасения, защищая его, отдать свою жизнь. Эта любовь к отечеству не может никогда угаснуть в наших сердцах»⁵. Приведенные выше строки из сочинения «Любовь к отечеству» были написаны юным Львом Толстым в Ясной Поляне, вскоре после смерти отца, которого он потерял в возрасте 9 лет. «Я очень любил отца, но не знал еще, как сильна была эта любовь моя любовь к нему, до тех пор, пока он не умер»⁶.

Все, что мы, так или иначе, знаем о Николае Ильиче Толстом (1794-1837), мы знаем от его сына. В «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой приводит краткие биографические данные и основные запомнившиеся душевные качества отца. Переданные с большой теплотой, они проливают свет на личность Н.И. Толстого, которого Лев Николаевич ставил на первое место «по моему чувству к нему»⁷ среди лиц, окружавших его с детства. Несомненно, что Николай Ильич давал общее направление воспитанию своих сыновей в патриотическом духе и был примером независимости и достоинства. «...Отец никогда ни перед кем не унижался, не изменял своего бойкого, веселого и часто насмешливого тона. И это чувство собственного достоинства, которое я видел в нем, увеличивало мою

---

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828-1928) / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.-Л., 1928-1964. Т. 34. С. 357.

⁵ Цит. по: Толстой И.В. Свет Ясной Поляны [Текст]. Тула, 2010. С. 151.

⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 34. С. 358.

⁷ Там же. С. 355.

любовь, мое восхищение перед ним»⁸. «Отец [Льва Николаевича] был веселый, остроумный человек и любил образование», отмечала С.А. Толстая⁹.

Сохранилось письмо Николая Ильича сестрам из действующей армии, из польского местечка Добжица от 15 февраля 1813 года, свидетельствующее, что даже в трудных походных условиях, он не может обходиться без чтения. «Кроме шуток, мои дорогие друзья, я не прочел и двух страниц с тех пор, как с вами расстался. Вы, может быть, мне не поверите, что войдя в один польский дом, весьма благоустроенный и покинутый его хозяевами при нашем приближении, я был доволен, отыскав в нем модный журнал за 1807 год, и менее чем в полчаса буквально проглотил четыре выпуска, несмотря на все имеющиеся там глупости»¹⁰.

Николай Ильич имел все качества молодого человека хорошего тона: интересовался поэзией, музыкой, живописью, танцевал мазурку и вальс... В Ясной Поляне процветало «альбомное искусство». Сохранились рисунки с интерпретацией библейских сюжетов, выполненные отцом писателя. В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой пишет: «Дома отец, кроме занятия хозяйством и нами, детьми, еще много читал. Он собирал библиотеку, состоявшую, по тому времени, в французских классиках, исторических и естественно-исторических сочинениях – Бюффон, Кювье. Тетушки говорили мне, что отец поставил себе за правило не покупать новых книг, пока не прочтет прежних. Но, хотя он и много читал, трудно верить, чтобы он одолел все эти *Histoires des croisades et des papes* [Истории крестовых походов и пап], которые он приобрел в библиотеку»¹¹. Это было замечательное и строгое правило: не

---

⁸ Там же. С. 357.

⁹ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 42.

¹⁰ Письма Н.И. Толстого к родителям из армии 1812-1813 / Публ., подг. текста, коммент. и пер. с фр. Н.И. Азаровой // Странник. 1991. № 1. О переписке Н.И. Толстого – с родителями из действующей армии в 1813 г и женой см. подробно: Письма Н.И. Толстого к жене // Яснополянский сборник. 1988: статьи, материалы, публикации / публ. Н.И. Азаровой. Тула, 1988. С. 170-177.

¹¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 34. С. 356.

расширять домашнюю библиотеку сверх собственного познания. Николай Ильич не хотел, чтобы она превратилась в декорацию. В повести «Детство» мы находим упоминание об этих книгах, которые «чинно упирались в стену». Старинные книги запоминались на всю жизнь и в какой-то мере, обладая магическим свойством, предопределяли интересы и пристрастия Л.Н.Толстого.

Яснополянская библиотека, насчитывающая в настоящее время более 23000 мемориальных предметов, состоит в подавляющем большинстве из изданий, приобретенных Л. Н. Толстым или присланных ему в дар, но здесь же, сохраняется и книжное собрание количеством 500 - 600 томов, которое Лев Николаевич получил в наследство вместе со всей усадьбой. Оно собрано в основном его дедом по материнской линии, матерью (книги XVII - XVIII вв.) и отцом (книги конца XVIII - первой трети XIX вв.). В 1822 г., после женитьбы на Марии Николаевне Волконской, когда Николаем Ильичом был достроен большой дом в Ясной Поляне, он перевез в него и свою избранную библиотеку.

«Наибольший процент оставшихся после Н. И. Толстого книг — исторического содержания, - пишет Н.Н. Гусев; из них очень многие — в нескольких, даже во многих томах. Здесь мы находим книги по истории древнего мира: «Записки о галльской войне» Цезаря, «Историю двенадцати Цезарей» Светония, а также «Римскую историю» Нибура, 13 томов «Истории упадка и падения Римской империи» Гиббона и о том же книгу Сисмонди. Далее, в библиотеке находятся книги по истории средних веков, в том числе 6 томов «Истории крестовых походов» Мишо и 16 томов «Истории итальянских республик в средние века» Сисмонди. ***Много книг по общей истории Франции*** (курсив мой – О.Г.), Англии, Швейцарии, Испании, Америки, Индии».

Известные Л.Н. Толстому исторические работы о времени Наполеоновских войн были очень разными по уровню, идеологии, характеру материала, научному направлению. Среди них были особенные старинные экземпляры, сопричастные с большим миром прошлого его отца, для которого время Наполеона – это часть биографии, дорогие воспоминания о друзьях, павших в сражениях, о минувших походах, начальниках и сослуживцах... Любитель книг, Н.И. Толстой, даже из Парижа, где некоторое время находился в

плону, сумел привезти в Россию несколько десятков заинтересовавших его изданий¹².

Судьба собрания основной части старой библиотеки связана с книгами, принадлежавшими еще деду Л.Н. Толстого Н.С. Волконскому¹³. Однако, владельческие особенности экземпляров, дата их издания, а главное, сверка изначальной владельческой топографии книг, о которых пойдет речь, с такими источниками, как публикации Н.Н. Гусева¹⁴, С.Л. Толстого¹⁵, В.Ф. Булгакова¹⁶, О.П. Христианович¹⁷, рукописный каталог книг гр. Марии Николаевны Толстой¹⁸, карточный каталог, составленный А.М. Новиковым, Т.Л.

---

¹² См. Бурнашева Н.И. Книга о книгах Льва Толстого // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 376-379; Толстой Николай Ильич // Лев Толстой и его современники: энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бурнашевой. М., 2008. С. 425.

¹³ Судьба собрания основной части старой библиотеки (около 260 книг, 170 названий на иностранных языках), в том числе, на ее принадлежность Н.С. Волконскому, подробно освещена в работах В.Ф. Булгакова, С.Л. Толстого, А.Е. Грузинского, Н.Н. Гусева, Э.Г. Бабаева, Г.В. Алексеевой, А.Н. Полосиной и др.

¹⁴ Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. Приложение № 21. С. 630.

¹⁵ Толстой С.Л. Мать и дед Л.Н. Толстого: очерки жизни, дневники, записи и письма: по неизданным материалам. М., 1928. С. 34, 35.

¹⁶ Булгаков В.Ф. Отчет по описанию библиотеки Л.Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне // Толстовский ежегодник 1913 года / издание Общества Толстовского музея в С.-Петербурге и Толстовского Общества в Москве, 1913. С. 67; Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1964. С. 161.

¹⁷ Христианович О.П. Библиотека Л.Н. Толстого / Публ. А.Н. Полосиной // Яснополянский сборник-2002: статьи, материалы, публикации. Тула, 2003. С. 282-283, 286.

¹⁸ Текст «Каталога книг», занимающего особое место в истории библиотеки Л.Н. Толстого, опубликован в подлиннике в публикации: Полосина А.Н. Собрание книг 18 века в библиотеке Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник-2000: статьи, материалы, публикации. Тула, 2000. С. 288-307. Рукописный каталог книг гр. Марии Николаевны Толстой составлен не ранее 1811 и не позднее 1830 г. Хронологический охват: 1755-1805 гг.] См. также: Заборова Р.Б. Архив М.Н. Толстой // Яснополянский сборник: статьи и материалы. 1910-1960. Тула, 1960. С. 166-184.

Толстой, С.А. Толстой, рукописный каталог яснополянской библиотеки С.А. Толстой, с наибольшей степенью вероятности позволяют дополнить нам сведения по владельческой принадлежности старинных отдельных изданий на русском языке Н.И. Толстому, предпочитавшего книги исторического содержания. Среди них мы отмечаем издания, отвечающие заявленной теме и перечисленные в списке книг, которыми пользовался Л.Н. Толстой во время писания «Войны и мира»¹⁹.

Начнем с книги, которая представлена на выставке «Война и мир: Ясная Поляна — Казань (по следам великой книги)»²⁰.

Разоблачению лживости Наполеона и развенчанию легенды, которую он целенаправленно создавал о себе, посвящен памфлет под названием *«Письменное наставление своему историографу, как он должен писать его историю»* (с подзаголовком «Найдено на дороге во время путешествия Наполеона из Лейпцига в Париж»), изданный в Москве, в Университетской типографии в 1814 году, иждивением Университетского книгопродавца Александра Ширяева.

Наполеон действительно «всегда был озабочен тем, чтобы направить работу историографов», хотел придать блеск и величие истории своих кампаний, она должна была стать памятником во славу его. В данном памфлете Наполеон поучает придворного историографа, каким образом тот должен стараться придать всей его жизни и деяниям черты благородства и героизма, обнаруживая при этом непомерное тщеславие. Он повелевает историку отметить его день рождения «каким-нибудь воздушным явлением»: «Вы должны, г. Историограф, начать историю с первого дня моего рождения. Сей достопамятный день необходимо нужно заметить каким-нибудь воздушным явлением, и вывести род мой от которого-нибудь из Цесарей, а всего лучше от Августа, и сослаться в справедливости

---

¹⁹ Список книг, которыми пользовался Л.Н. Толстой во время писания «Войны и мира», опубликован Э.Е. Зайденшнур: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 16. С. 141-145).

²⁰ В рамках празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» в сотрудничестве с ГМПЗ «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» на период с 16.11.2012 – 17.02.2013 г. был подготовлен выставочный проект «Война и мир: Ясная Поляна – Казань (по следам великой книги)».

выводимого на какую-нибудь старинную рукопись, нечаянно отысканную в развалинах Геркулана, или в Венецианских архивах, а всего лучше в Ватиканской Библиотеке...». Историографу предстояло преувеличивать подвиги и победы, стараться придать всей его жизни и деяниям черты благородства и героизма, замалчивать поражения, неудачи и темные страницы биографии. К примеру, поход в Россию, по словам Наполеона, «не так-то любопытен в моей истории», но при этом историограф должен приписать французам победы в «небольших ошибках, как-то: при Бородине, Тарутине, Малом Ярославце, Вязме, Красном и проч. и проч.». В «психологическом романе» для Л.Н. Толстого наиболее важным было «одурманивание [Наполеона] величием»²¹. В памфлете²² следы чтения напротив текста: «Но поскольку народы, с которыми я сражаюсь для доставления им моего просвещения, еще слепотствуют и не видят благодетельных моих намерений, то и должно объясняться с ними языком вразумительным». Наиболее выразительные и запоминающиеся черты образа Наполеона - отражение безумной гордости, самомнение человека, привыкшего повелевать, не признающего ни божеских, ни человеческих законов, вся жизнь и деятельность которого представляет собой череду преступлений, совершенных с целью удовлетворения ненасытного властолюбия и других порочных страстей, созвучны с оценкой Л.Н. Толстого: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды»²³.

Знакома была Л.Н. Толстому так называемая исповедь, где при разговоре с аббатом Мори Наполеон сообщал подробные сведения о всех своих военных и политических подвигах: *Сарразен. Исповедь Наполеона Бонапарта аббату Мори ...*²⁴ (СПб., 1813). Несмотря на несколько ироничную форму изложения, издание не утратило главного своего достоинства – исторической истины. Эта книга –

²¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 48. С. 61.

²² Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 2, М-Я. М., 1975. С. 100. [№ 2369].

²³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 12. С. 165.

²⁴ Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 2, М-Я. М., 1975. С. 192-193. [№ 2729].

одна из многочисленных загадок яснополянской библиотеки; на титульном листе внизу прочитывается запись коричневыми чернилами, возможно: [«К. Александръ Шаховской»]²⁵; на с. 45 – чернильные пометки, где речь идет о Генерале Моро: «Его умеренность и великая слава в военных делах ручались мне за спокойное царствование и привязанность войск». История бытования данной книги еще до конца не изучена и дает надежду на расширение круга знакомых отца писателя, его родственников и дружеских отношений.

Большой изобразительной силы Толстой достиг в передаче живого зрительного образа Наполеона. Известно высказывание автора «Войны и мира» о Наполеоне, как о «ничтожнейшем орудии истории, - который никогда и нигде, даже в изгнании, не выказал человеческого достоинства». Это заключение Толстого имело под собой реальную основу. В списке книг, которыми пользовался Л.Н. Толстой во время писания «Войны и мира», отражены *«Записки одного путешественника, : или любопытное собрание известий, касающихся до жизни, занятий и жилища Бонапарте на острове Св. Елены, с описанием сего острова, также известия о главных жителях оного»* (М., 1820). В каталоге²⁶ отражены пометы в тексте в виде загнутых, а затем расправленных, возможно, Толстым, уголков страниц.

Интересно, что данное издание увидело свет в 1820 г., еще при жизни Бонапарта. Автор «Записок ... » отмечает: «В тесном кругу, в коем заключены деяния и мысли великих людей, любопытно открывать черты их характера и узнавать дела жизни домашней. Для нас весьма удобно усматривать оное, когда они сближены с нами по состоянию. Впрочем, это укрывается от взоров наших, когда они бывают владыками земли; но в жизни узнической они принимают на себя вид оригинальности, которая нас удивляет. Если история должна замечать деяния великих людей, могущество их гения в связи оных с государствами и Государями, то моралист не должен пренебрегать

---

²⁵ Александр Александрович Шаховской (1777-1846) - поэт, драматург, театральный деятель, педагог, переводчик, автор комедий, водевилей, комических опер, трагедий, романтических драм.

²⁶ Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 1, А-Л. М., 1972. С. 302. [№ 1199].

замечания: о их характере в малозначащих домашних их происшествиях и ссорах, это любопытнее всего в Бонапарте, <...> в таком человеке, который имел тон самовластный, гордый и тяжелый в распрах своих с соседними Королями». Материалом для портретных зарисовок Наполеона Толстому в этом издании послужила глава «Бонапарте», где идет речь о внешности Наполеона: «Более всего удивила меня чрезвычайная толстота его головы. – Голова его была окутана красным мадрасом. Он прохаживался, посвистывая. – Кажется, что его всегдашняя привычка иметь руки в карманах своих пантолонов; и он тогда только переменяет свое положение, когда станет нюхать табак, что делает очень часто». Следы чтения видны в главе «Стол Бонапарте», где автор приводит реестр припасов и знакомит читателей с тем, что ест на отдаленном острове человек, с высоты величия и славы низвергнутый в тесный круг домашней жизни, в заточении; в главе «Брюзжание» отмечена привычка, при глубокой задумчивости, сидеть, подперши голову руками, напевать какую-нибудь песню и ударять стаканом о стол, вплоть до разбивания его на тысячу частей. Тонкий психолог, Л.Н. Толстой подчеркивал в «Войне и мире» (Т.3, ч.1, гл. 6): «... Только то, что происходило в его [Наполеона] душе, имело интерес для него. Все, что вне его, не имело для него значения, потому что все в мире, как ему казалось, зависело только от его воли». 15 января 1890 г. Толстой писал А.И. Эртелю: «<...> Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка»²⁷. Определившееся в молодости отрицательное отношение к Наполеону осталось у Толстого неизменным навсегда, и он, по собственному его выражению, дорожил этим взглядом. «Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, которые представляет это лицо»²⁸.

К Отечественной войне 1812 г. Л.Н. Толстому довелось обратиться за полтора года до начала работы над романом, ведя урок истории в Яснополянской школе. Рассказ о военных событиях был

²⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 16. С. 4-5.

²⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 16. С. 33.

доведен до времени вступления русских войск в Париж, - то был художественный рассказ Льва Николаевича, проникнутый глубоким патриотизмом автора, имел у детей феноменальный успех. Для подготовки к такому уроку в библиотеке Л.Н. Толстого был бесценный письменный источник – *мемуары Александра Григорьевича Краснокутского «Взгляд русского офицера на Париж»* (СПб., 1819). Осмелимся предположить, что эта книга для отца писателя - внутренний диалог с автором, который, так же, как и Н.И. Толстой, был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813-1814 гг. В каталоге яснополянской библиотеки²⁹ наличие помет в данном издании не отражено, но они отчетливо проступают на бумаге верже с водяными знаками в виде отчеркиваний разрезным ножом или ногтем. Сопоставительный анализ помет с биографией отца писателя, с большой долей вероятности позволяет предположить прочтение, характеризующее личность Н.И. Толстого, у которого тоже был свой взгляд на Париж, взгляд русского офицера, освобожденного из плена³⁰ при взятии города русскими войсками в марте 1814 г. Привлекает внимание выделенный текст в мемуарах: «Мне желательно доказать соотечественникам, что Русская земля изобилует пред прочими всеми небесными дарами, и особенно торжествует чистосердечным благоговением к Богу, верностью к Государю и ненарушимою

---

²⁹ Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 1, А-Л. М., 1972. С. 385. [№ 1582].

³⁰ Хорошо известен факт, что история плена Василия Алексеевича Перовского была использована при описания плена Пьера Безухова в «Войне и мире», но не исключено, что, скорее всего, семейные воспоминания натолкнули Л.Н. Толстого на сам факт пленения. Приведем мнение С.А. Берса из его «Воспоминаний о гр. Л.Н. Толстом»: «Родители Льва Николаевича жили преимущественно в Ясной Поляне и семейная жизнь их протекала счастливо и безмятежно, как рассказывал мне мой дед, Александр Михайлович Исленьев, друг и сосед отца Льва Николаевича. Отец его, граф Николай Ильич Толстой, служил в Павлоградском гусарском полку, ... был в плену у французов. В произведении «Война и мир» он описан под именем графа Николая Ильича Ростова, но плен его послужил темой для описания плена Пьера Безухова (с. 4-5). Текст воспроизведен по рукописи, хранящейся в мемориальной библиотеке Л.Н. Толстого; опубл.: Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом. Смоленск, 1893.

приверженностью к Отечеству. Добрые правила дружелюбия и усердное хлебосольство Россиян славятся во всех пределах света!».

В главе «Вступление российских войск в Париж» отмечены такие важные для яснополянских читателей моменты, как: «Великолепнейший вход наших войск в Париж озарялся чистейшим сиянием солнца, - изображения правоты Россиян! Оный сопровождаем был бесчисленным стечением народа», «Многие отважные Французенки с неотступностью выпрашивали себе лошадей, - взлетали на оных и мчались в след за Государем!»; «Чистота оружия, амуниции, одежды и порядок в рядах, поражали всех до безумия»; «Никто не мог верить, чтобы сия самая чудесная армия из пределов Российских, сражаясь на каждом шагу, проходя по трупам дерзких врагов форсированными маршами, промчалась орлиным полетом чрез все пространство от Москвы до Парижа, без всякого изнурения! ... Можно сказать, что Природа сама была участницею в наших победах ... На зачинающего Бог!»; «Великодушие – премудрость Царей; мщение – качество низких душ!». Любопытно, что часть помет можно атрибутировать по интересам читающих, например, Н.И. Толстой, интересовался архитектурой, и его увлечение отразилось в пометах на тех страницах, где описывается великолепие зданий, пространство площадей, блистательные памятники, строение моста, храма и т.д.³¹

Есть пометы в мемуарах, где описывается библиотека Дома инвалидов и Королевская библиотека с анализом ее драгоценнейшего собрания, инвалидный дом или военная больница для изувеченных о захоронениях во Французском пантеоне Руссо и Вольтера, чьи тома украшали домашнюю библиотеку в Ясной Поляне³².

---

³¹ В 1836 г. в Никольском-Вяземском, в родовой усадьбе графов Толстых, во исполнение обета данного на войне 1812 г., если останется жив, граф Николай Ильич Толстой с помощью прихожан построил каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. [О зачислении Н.И. Толстого в Кремлевскую экспедицию Дворцового управления Москвы, учебе в архитектурной школе Экспедиции Кремлевского строения см. подробно: Крашенинников А.Ф. Ранние годы Николая Ильича Толстого // Яснополянский сборник-2000: статьи, материалы, публикации. Тула, 2000. С. 372-377].

³² Посетив в 1857 г. гробницу Наполеона в Доме инвалидов, где после

В книге А.Г. Краснокутского «Взгляд русского офицера на Париж» ясно проявился «стиль» Александровской эпохи - одновременно романтически приподнятый и сентиментальный, тот дух времени, который помог Толстому окрасить повествование своего романа в соответствующие тона и придать речи персонажей характерный пафос.

Еще в одной книге, *«Подарок товарищам, или переписка русских солдат в 1812 году»*, изданная русским инвалидом, *Иваном Скобелевым* (СПб., 1833), загнуты многочисленные уголки страниц³³, - и это неслучайно: чтение этих мемуаров давало Л.Н. Толстому ключ к осмыслению и верному пониманию сухих исторических источников и настроения общества. Книга изрядно зачитана, на ее форзаце мы различаем надпись выцветшими чернилами: «прочитал» или «прочитай».

Автор книги Иван Скобелев, командуя Рязанским пехотным полком, поставил победную точку 18 марта 1814 г. на высотах Монмартра в Париже.

В письмах, а именно такую форму изложения выбрал автор, заключается обозрение бессмертной компании 1812 г., написанное языком простым, понятным, народным, полного чувства и сердечного красноречия. Почти все письма со следами заломов углов, где отмечены яркие характеристики Суворова: «Суворов! Драгоценный подарок от Христа! Он был светлая, солдатская звезда! Всю бы землю съел, которая покрывает Суворова, лишь бы ожил и вспорхнул орел наш поднебесный!»; Кутузова: «Уж подлинно русская, богатырская головушка — дай ему Бог доброе здоровье!»; Бородинского сражения: «Пришло, брат, время, что и князя, и графы, и великие генералы, и простые солдаты одну думу думают и за одно дело умирают; ... у нас под Бородиным такая была потеха, что лес пел и вода говорила!». В содержании книги следы чтения видим в обращении матери к сыну с родительским напутствием и

смерти в 1821 г. по завещанию будет похоронен Наполеон, Толстой записал в Дневнике: «Обоготворение злодея ужасно» (См.: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 47. С. 118).

³³ Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 2, М-Я. М., 1975. С. 108. [№ 2394].

благословением (письмо № 7), на страницах, воспроизводящих состояние Москвы во время оставления города (письмо № 8): «Московские жители, теперь только догадавшиеся, что войска защищать их не будут, увидя беду неминуемую, кто во что горазд и кто в чем попало пустились, родные, куда глаза глядят. Насмотрелись, брат, мы на разные чудеса, видели такой сумбур, что и во сне не пригрезится. Здесь бары попали на простую телегу, запряженную в одну лошадь; ей неведомо – а господа и погоняют и пособляют! Там полупьяные лакеи, ввалясь в карету, на лихом шестерике несутся, что пыль столбом! Там – и родными и чужими оставленная бедная барыня, выходя из Москвы с кучею детей, в суматохе как-то потеряла маленького сына, кричит, рвет на себе волосы, но кто увидит или услышит бедную? А там – деревенский мужик (дворник), уложив чинnehонько в мешочек малолетнюю осиротевшую свою барышню, забытую и нежными нянюшками и жирными мамушками, спасая кровь покойных господ, до гробовой доски остается им верным. Но всего не расскажешь: у тебя сердце русское, так оно и без того догадается, что истинному христианину идет на ум, когда общая беда призывает его к услуге вовремя» ...

Характерно, что «Подарок товарищам, или переписка русских солдат в 1812 году» удостоилась внимания Императора Николая I. Выразив автору свою высочайшую признательность, он повелел приобрести достаточное количество экземпляров для снабжения ими всех военно-учебных заведений и батальонов военных кантонистов. А все вырученные с её продажи средства были переданы И.Н. Скобелевым в помощь изувеченным воинам.

Среди редких книг первой половины XIX в., имеющих в библиотеке Л.Н. Толстого, отметим издание «Избранные черты и анекдоты государя Императора Александра I, избавителя и миротворца Европы» (М., 1826)³⁴. В тексте – пометы в виде загнутых углов там, где идет речь о встрече духовенством, дворянством и народом в Туле гроба Государя Александра I: «При вступлении шествия в город жители оказали беспримерное благоговение:

---

³⁴ Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т.1. Книги на русском языке. Ч. 1, А-Л. М., 1972. С. 319. [№ 1282]; Список книг, которыми пользовался Л.Н. Толстой во время писания «Войны и мира» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 16. С. 142).

несмотря на неизчислимое множество народа, теснившегося по улицам, в окнах, на кровлях и заборах, везде сохранялось глубокое молчание. – 29 [января] Шествие выступило из Тулы в том же порядке: жители везли колесницу, и усердие их было столь велико, что они не хотели допустить мастеровых оружейного завода везти оную чрез заводскую землю; для удовлетворения желания сих последних привязан был к колеснице пятый шнур. Благоговение жителей Тулы к памяти в Бозе почившего Государя ознаменовалось человеколюбивыми действиями: Тульское Дворянство положило, кроме общего поминовения, в продолжение шести недель совершать панихиды и чинить милостыню, а мещанство простило значительные недоимки, состоявшие на малолетних или отцах обремененных многочисленным семейством». Видеть балдахин, установленный над гробом Александра I в Успенском соборе Тульского кремля, мог любой до начала 1870-х гг., когда предмет был снят за ветхостью, в том числе и Л.Н. Толстой, проявлявший интерес к личности Александра I. Траурная процессия двигалась по старой Екатерининской дороге около каменных ворот яснополянской усадьбы по старой Екатерининской дороге. Известно, что Мария Николаевна Толстая «видела, как провозили тело Александра I», а три недели спустя после этого события, когда «она должна была преодолеть зимой протяженный парк, подняться по крутой высокой лестнице в открытую ветрам беседку и какое-то время там ждать на морозе, <...> 17 (29) февраля в Ясной Поляне родился ее второй сын Сергей»³⁵. Книга вышла через год после смерти Императора и, возможно, родители Л.Н. Толстого получили книгу в домашнюю библиотеку уже летом 1826 г.

Целью моего сообщения было поделиться удивительной энергетикой этих изданий и показать, что в уникальной яснополянской мемориальной библиотеке каждую книгу эпохи наполеоновских войн можно воспринимать как незримое общение Л.Н. Толстого с отцом и матерью. Библиотека Ясной Поляны была живым организмом при многих поколениях Волконских, Толстых,

---

³⁵ Цит. по: Произведения неустановленных авторов. Соперники самих себя. Советы молодым девушкам. Переводы М.Н. Волконской (Толстой) / Под ред. В.И. Толстого. Ясная Поляна, 2010. С. 144.

* Орфография документа сохранена

Горчаковых, она продолжает жить, являясь носителем родовой памяти, которая сохраняется не только в крови, но и в таком хранителе информации, как родовая библиотека.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Свидетельство, выданное московским комендантом Веревкиным Толстому Николаю Ильичу об увольнении его от должности смотрительского помощника.

По указу его величества государя Императора Александра Павловича, самодержавца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего Подполковник граф Николай Ильин сын Толстой 3-й, который как значится из формулярного его списка: 28 лет имеет орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, из дворян, крестьян не имеет; в службу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА вступил из Губернских секретарей корнетом 812-го июня 11-го в 3-й украинский Казачий регулярный полк, из коего переведен в Иркутский Гусарский полк 812-го августа 18-го, произведен за отличие поручиком 813-го апреля 7-го. В том же полку, Штабс Ротмистром 813-го октября 1-го, переведен за отличие же в Кавалергардской полк тем же чином 814-го августа 8-го, из оного переведен в Гусарский Принца Оранскаго Полк майором 817-го декабря 11-го, уволен по болезни в отставку с награждением подполковника 819-го марта 14-го; в Московское военно-сиротское отделение Смотрительским помощником 821-го декабря 15-го; в Походах был 1813 года апреля со 2-го в Княжестве Варшавском, Селезии и Саксонии, оттуда при отступлении армии до города Люцына; с 21-го апреля в Арьергардных делах 26-го и 27-го чисел при удержании неприятеля под городом Дрездиным и при переправе через реку Эльбу за оказанное в сих делах отличие награжден чином поручика мая 8-го и 9-го чисел в Генеральном сражении пригороде Бауцыне и приступлении к крепости Швейднец в сражении же и перестрелках находился, по окончании перемирия был при преследовании до города Теплиц, августа 14-го при сильной рекогносировке и города Дрездена, оттоль до крепости Кенигштейна

и при блокаде оной, за оказанное в сих делах отличие награжден Орденом Св. Владимира 4 степени с бантом, октября 2-го 4-го 6-го и 7го числа в Генеральном сражении под городом Лейбцыгом, за отличие в оном награжден чином Штабсь Ротмистра, оттоль в преследовании неприятеля до города Ерфурта и при блокаде онаго до 17-го числа октября, от онаго в походе до города Гетингена, оттуда отправлен был Генералом от Кавалерии Графом Витгенштейном курьером с нужными депешами к военному министру в город Санкт-Петербург и возвращаясь обратно к армии захвачен был неприятелем при местечке Сент-Оби в плен, из коего по взятии города Парижа освобожден – по-русски, по-французски, по-немецки, читать, писать умеет, математику, географию знает, в штрафах не был; находился в отпуску 1817 – го ноября с 30-го на четыре месяца и на срок явился; женат на Марье Николаевне, урожденной Княжны Волконской; состоял в Комплекте при отделении Смотрительским помощником налицо, к повышению чина аттестовался достойным, а прошлого 1824 года в 8-й день генваря за № 1-г по приказу по отделениям военных кантонистов от должности Смотрительскаго помощника по прошению по домашним обстоятельствам уволен; во свидетельство чего сей за подписанием моим и с приложением казенной комендантской печати дан в Москве генваря 29 дня 1825 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ

моего от армии Генерал-майор
Московский Коммендант и Кавалер Веревкин.

Лев Толстой и чувство патриотизма

Лев Толстой – один из величайших гениев в истории человечества и все обстоятельстве его жизни, его творчество, взгляды, поведение, в том числе отношение к патриотизму, весьма поучительны. В 23 года Толстой пошел добровольцем в армию и не потому, что бежал от карточных долгов, как говорится в недавнем телевизионном фильме «Война и мир Льва Толстого». В то время убежать от долгов в армию было невозможно, разве что желая быть убитым в бою. Но и без армии что мешает покончить жизнь самоубийством? Толстой стремился не к смерти, а к осмысленному существованию и думал обрести его на военной службе. Но он не прятался за спины других. Участвуя в войне на Кавказе, Толстой дважды представлялся к награде Георгиевским солдатским крестом, но по разным причинам не получал его.

После начала Крымской войны он написал прошение о переводе на русско-турецкий фронт, затем «из Кишинева... я просился в Крым... больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня» (Толстой – брату Сергею. 3 июля 1855)¹. Лев Николаевич защищал Севастополь, воюя на самом опасном четвертом бастионе. Когда его спрашивали в письмах, не будет ли сдан город, он отвечал, что этого ни в коем случае не может быть.

Толстой восхищался героизмом русских солдат. «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо: «здорово, ребята!» говорил: «нужно умирать, ребята, умрете?» и войска кричали: «умрем, Ваше Превосходительство. Ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уж 22000 исполнили это обещание... Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они

---

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828-1928) / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.-Л., 1928-1964. Т. 59. С. 321.

простояли 30 дней под бомбами... я благодарю Бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время... Только наше войско может стоять и побеждать (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях» (Толстой – брату Сергею. 20 ноября 1854 г)². Лев Николаевич выступил с инициативой издания во время обороны Севастополя патриотического журнала и написал для него статью «Как умирают русские солдаты». Деньги на издание ему прислали, продав по его просьбе яснополянский дом, но Николай I не разрешил журнал.

В «Севастопольских рассказах» Толстой пишет о высокой побудительной причине, которая одна заставляет русских людей сражаться. «И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, - любовь к родине»³. Патриотизм молодого Толстого не подлежит сомнению. Им наполнены ранние произведения и то же самое характерно для него в зрелые годы.

Опыт участия в Крымской войне помог Толстому в описании Отечественной войны 1812 г. В «Войне и мире» он неоднократно дает высокую оценку действиям русского народа и развивает те патриотические идеи, которыми были проникнуты «Севастопольские рассказы». «... победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным... Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия, и гибель Наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника»⁴.

В «Войне и мире» Лев Николаевич выводит формулу, которой определяется сила войска: масса (количество сражающихся), помноженная на дух, «т.е. большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасности всех людей, составляющих войско»⁵. Для того, чтобы духовная энергия смогла сломить противника, надо не

---

² Там же. С. 281-282.

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 4. С. 26.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 11. С. 263.

⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 12. С. 122.

только, чтобы она имела большую величину у каждого участника сражения, но чтобы она у всех воинов действовала в одном направлении. Этот единый вектор русских людей в войну 1812 года определялся желанием спасти Россию, что в свою очередь проистекало из любви к родине, т.е. патриотизма. Пьер Безухов, пишет Толстой, «понял ту скрытую (latente), как говорится в физике, теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти»⁶. Патриотизмом были проникнуты не только солдаты и не столько элита тогдашнего общества (как показал Лев Николаевич на примере светских салонов), а прежде всего широкие народные слои, поднявшие «дубину народной войны», которая «гвоздила французов»⁷. «Войну и мир» вполне можно назвать патриотической книгой. Более того, пожалуй, никто до Толстого в отечественной и мировой литературе так ярко и объемно не показал значения народного патриотизма во всемирной истории.

Но в конце 70-х гг. с Толстым произошло то, что назвали «духовным кризисом», «переломом», «переворотом», «перерождением», а сам Толстой назвал своим «духовным рождением». Попытавшись жить в соответствии с буквально понятым им учением Христа, Толстой изменил свои взгляды на многие вещи, в том числе на патриотизм. Исходя из того, что христианская любовь должна быть всеобщей и беспристрастной, Толстой начал критиковать патриотизм как любовь особенную. Критике патриотизма он специально посвятил три статьи.

В первой, «Христианство и патриотизм», написанной в 1893-94 гг., Толстой излагает христианскую (как он ее понимает) точку зрения на патриотизм. Основная ее идея в том, что христианин не может быть патриотом, «... христианство не только запрещает всякое убийство, но требует благотворения всем людям, считая всех братьями без различия народностей»⁸. Любовь к своему или какому-нибудь другому народу потенциально опасна по отношению ко всем народам. По-видимому, Толстой считает теперь, что любовь к своей

⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 11. С. 208.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 12. С. 120, 121.

⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 50.

родине противоречит благотворению всем людям, которое, стало быть требует, чтобы люди не любили свою родину, свой народ, а любили все человечество в целом.

Чувство патриотизма, по Толстому, «есть, в самом точном определении своем, не что иное, как предпочтение своего государства или народа, всякому другому государству и народу»⁹. В самом точном и буквальном определении патриотизм (от греч. «patris» – отечество) есть любовь к родине. В словаре Даля мы читаем: «Патриотизм – любовь к отчизне». В других словарях то же самое. Означает ли эта любовь предпочтение своего государства или народа? Мы помним, что в советское время патриотизм сочетался с интернационализмом, и доказывалось, что любви ко всем народам он никак не противоречит. Перейдем от народа к отдельному человеку. Любовь к своему ребенку есть ли предпочтение его другим детям? И возможно ли существование общества без такой отдельной любви? По философу А. Уайтхеду, попытка воплотить подобные взгляды в жизнь привела бы к немедленной гибели цивилизации.

Чувство патриотизма, продолжает Толстой, «очень глупое и очень безнравственное; глупое потому, что если каждое государство будет считать себя лучше всех других, то очевидно, что все они будут неправы, и безнравственно потому, что оно неизбежно влечет всякого человека, испытывающего его, к тому, чтобы приобрести выгоды для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам»¹⁰. То, что считалось ранее Толстым нравственным (см. цитату о нравственной победе под Бородиным), теперь объявляется безнравственным. Почему тогда по аналогии не объявить безнравственной любовь к собственным детям и родителям на том основании, что она наносит ущерб другим людям? Позже Толстой назовет патриотизм безнравственным еще и потому, что «вместо признания себя сыном Бога как учит нас христианство или хотя бы свободным человеком, руководствующимся своим разумом, - всякий человек, под влиянием патриотизма, признает себя сыном своего отечества»¹¹. По такой логике также вполне можно объявить безнравственной любовь к родителям и детям. В данном

⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 61

¹⁰ Там же.

¹¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 90. С. 437.

сопоставлении нет ничего странного. С генетической точки зрения и в любви к родине, и в любви к детям и родителям действует один и тот же механизм. Только в первом случае он называется в социобиологии групповым отбором, а во втором случае – родственным отбором.

Толстой доказывает теперь не только то, что патриотизм плох, но что его нет в народе. «Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма... но, напротив, беспрестанно от самых серьезных почтенных людей из народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма»¹². Не утверждал ли сам Толстой противоположное в «Севастопольских рассказах» и в «Войне и мире» как и в отношении самого себя?

Объясняя отношение народа к патриотизму, Толстой пишет: «Рабочий народ слишком занят поглощающим его внимание делом поддержания жизни, себя и своей семьи, чтобы он мог интересоваться теми политическими вопросами, которые представляются главным мотивом патриотизма»¹³. Это напоминает утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса в «Коммунистическом манифесте», что пролетариат не имеет отечества. Но теперь мы знаем, что любовь к родине (как и к собственным детям и родителям) генетически детерминирована, лежит в основе эволюции и от нее не так легко избавиться, как казалось некоторым мыслителям.

Народам не свойственен патриотизм, утверждает Толстой, а русский «народ самый свободный от обмана патриотизма»¹⁴. Судя по тому, что мы всегда помогали другим народам, зачастую в ущерб себе, получается, что это так и есть. «Отечества же своего, если не разумеет при этом свою деревню, волость, он или совершенно не знает, или, если знает, то не делает между ним и другими государствами никакого различия»¹⁵. Интересы народа «совершенно независимы от государственных, политических интересов» вплоть до

---

¹² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 52.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же.

того, что ему «всегда совершенно все равно... какому правительству ему придется платить подать и в чье войско отдавать своих сынов»¹⁶. Получается: что собственное правительство, что чужое - русскому народу все едино.

«Для всякого русского крестьянина вопрос о том, под чьим они будут правительством (так как он знает, что, под чьим бы он ни был, одинаково будут обирать его), имеет несравненно меньше значения, чем вопрос – не скажу уже: хороша ли вода, но – мягка ли глина и хорошо ли родится капуста»¹⁷. Патриотизма не может быть «в наше время, когда он требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными. Но мало того, что чувство это в наше время уже не только не есть добродетель, но несомненный порок; чувства этого, т.е. патриотизма в истинном его смысле, в наше время и не может быть, потому что нет для него ни материальных, ни нравственных оснований»¹⁸. То есть патриотизм был во время войны с Наполеоном и Крымской войны, а вот в конце XIX в. изжил себя. Современный ученый сказал бы, что патриотизм имеет основания в самой природе человека, в генах, которые находятся в нем.

«Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти»¹⁹. Конечно и такого фальшивого официального патриотизма всегда хватало. «... люди нашего времени, - утверждает Толстой, - уже не верят в патриотизм, а все больше и больше верят в солидарность и братство народов»²⁰, заключает статью Толстой, выдавая желаемое за действительное.

Через 2 года в ответ на письмо английского журналиста Толстой пишет статью «Патриотизм или мир?», основная идея которой в том,

---

¹⁶ Там же. С. 53.

¹⁷ Там же. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Там же. С. 73.

что патриотизм ведет к войне. Толстой характеризует патриотизм в этой статье как «ослепление», «суеверие», чувство неестественное, искусственно привитое человеку, которое теперь разрушает государства, поскольку ведет к войнам. Причиной войн является стремление к могуществу, богатству и славе, эгоизм. «Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать»²¹. Что да, то да, трудно. Толстой не видит различия между патриотизмом, национализмом и шовинизмом. С его точки зрения, плох любой патриотизм – и завоевательный, и оборонительный, и патриотизм покоренных, угнетенных народов. Но как может существовать государство, которое не защищает себя?

Я приводил слова А. Уайтхеда, что утверждение подобных взглядов в мире привело бы к немедленной гибели цивилизации. А утверждение таких взглядов в одном государстве, привело бы к его гибели, потому что, как писал «отец» политологии А. Токвиль, патриотизм является одним из главных основ государства. Это понимал и сам Толстой, когда писал, что «при равной технике христианские народы неизбежно должны быть побеждены нехристианскими»²². В годы перестройки, когда шла информационная подготовка к разрушению СССР, назойливо внушалось, что патриотизм есть нечто ужасное. Подтверждалось это и ссылками на Толстого. Особенно часто повторялась фраза «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». На самом деле эта фраза не принадлежит Толстому, который лишь цитировал ее, и по сути в ней обличается не патриотизм, а негодяи, которые используют его. Антипатриотическая кампания 80-90-х гг прошлого века дала свои плоды. Вспоминаю что, когда я предлагал студентам в 1990-е годы распределить духовные ценности в определенном порядке, патриотизм, как правило, занимал последние места. На вопрос, почему у него патриотизм в самом конце на шкале ценностей, один студент ответил: «Нельзя высоко ценить что-то, не зная, что это

²¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 90. С. 48.

²² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 55. С. 140.

такое».

В 1900 г Толстой пишет статью «Патриотизм и правительство», в которой характеризует патриотизм как пережиток варварских времен, отживающую идею, которая уже исчерпала себя (это все равно, что объявить пережитком гены), поскольку «люди нашего времени до такой степени связаны между собою, что опасность завоеваний, убийств, насилия со стороны соседних народов уже совершенно исчезла»²³. Здесь Толстой опять выдает желаемое за действительное. Это напоминает сегодняшние рассуждения, что России не нужна армия, поскольку на нее никто не собирается нападать. Пройдет двадцать с небольшим лет после толстовских строк и разразится первая мировая война, а затем и вторая.

В данной статье на первый план выходит идея, что «... патриотизм разжигают правительства, которые стали не нужное и гораздо большее зло, чем все то, чем они пугают свои народы»²⁴. Толстой вплотную подошел к позиции В.И. Ленина, в годы первой мировой войны призывавшего к поражению правительства собственной страны. Но существует естественный генетический механизм, ответственный за любовь к родине, с которым трудно справиться обычному человеку. Не удалось и гению русской культуры.

«Поймите, - взывает Толстой в свойственной ему публицистической манере, - что вопросы о том, кому удалось захватить Вей Хай-Вей, Порт-Артур или Кубу, - вашему правительству или другому, для вас не только безразличны, но всякий такой захват, сделанный вашим правительством, вредит вам потому, что неизбежно влечет за собой всякого рода воздействия на вас вашего правительства, чтобы заставить вас участвовать в грабежах и насилиях, нужных для захватов и удержания захваченного»²⁵.

Но вот через несколько лет начинается русско-японская война и Толстой пишет в дневнике: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм»²⁶. Толстой прямо, с обычной для него честностью называет то чувство, которое овладело им и которое, как

²³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 90. С. 429.

²⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 90. С. 435.

²⁵ Там же. С. 434-444.

²⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 55. С. 111.

он писал ранее, присуще только «низшим по нравственному и умственному уровням людям»²⁷. И еще одна запись в дневнике: «Вчера получилось известие о разгроме русского флота. Известие это почему-то особенно сильно поразило меня»²⁸. А если бы захватили не далекий Порт-Артур, а Москву или Ясную Поляну? Что бы тогда почувствовал Толстой?

Налицо противоречие между рассуждениями Толстого, датированными несколькими годами ранее, и чувствами, которые он сейчас испытал. В чем тут дело? Взгляды Толстого были слишком необычными и противоречащими общепринятым, а чувства оказались более консервативными и не успевающими за полетом мысли. Это проявлялось в нем неоднократно. Он провозгласил любовь без пристрастия ко всем, а сам любил своих близких и написал предсмертное письмо старшему сыну, т.е. на практике отнюдь не следовал всеобщей любви.

Как разрешить противоречие между чувствами и разумом? Здесь уместно обратиться к одному событию, в котором оно проявилось в полной мере. По поводу ухода дочерей брата Сергея из семьи (а они находились под влиянием идей Толстого) Лев Николаевич пишет ему: «... я думаю, что Варя (старшая дочь Сергея Николаевича – А.Г.) права, что если люди равны, то нет никакой разницы, выйти за мужика Владимира или за Саксонского принца. Даже надо радоваться случаю показать, что поступаешь так, как думаешь. По рассуждению это выходит так, но по душе, по чувству всего существа – это не так, и я возмущен такими доказательствами равенства. И я думаю, что тут чувства вернее рассудка»²⁹.

Так же и с патриотизмом. По рассудку получается, что «если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения»³⁰. А сердцу больно. И в случае с патриотизмом Толстой наверное тоже мог бы сказать, что чувства вернее рассудка. Человек –

²⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 39. С. 60.

²⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 55. С. 139.

²⁹ Новый мир. 1982, № 9. С. 209-210.

³⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений... Т. 90. С. 51.

целостное существо, и те рассуждения, которые не прошли проверку чувствами, противоречат им, по-видимому, следует отвергнуть или по крайней мере скорректировать.

В октябре 1941 г., когда фашисты вплотную приблизились к Москве, М.М. Пришвин написал в своем дневнике: «Ну, вставай, Лев Николаевич! Много ты нам чего наговорил». Имея в виду отношение Толстого к патриотизму в целом, можно сказать, что Толстой встал бы. И возможно, видя, что сейчас творится с нашей родиной и русским народом, сказал бы: «Мне больно. Это патриотизм».

Давыдова М.А., Абдуллин Х.М.

Отечественная война 1812 г. в Музее Пушечного двора

Неотъемлемой частью военной истории Казанского Кремля является комплекс зданий и территория Пушечного двора - одного из его основных архитектурно-исторических ансамблей. Здесь на протяжении длительного времени изготавливалось, ремонтировалось и хранилось тяжелое оружие.

Согласно Концепции музеефикации и развития Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», утвержденной [постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.10.2006 г. № 504](#), в здании Южного ризалита Главного (восточного) корпуса Пушечного двора и Кордегардии планируется создать Музей Пушечного двора.

Возникновение комплекса в Казанском Кремле относится к концу XVII в., на месте расположения арсенала и ханской гвардии. Составлявшие его одно-двухэтажные кирпичные здания образовывали большой литейный двор. Комплекс состоял из главного здания, расположенного вдоль Большой (главной) улицы Кремля и двух корпусов, примыкающих к нему и ограничивающих двор с севера и юга. Въезд на территорию осуществлялся через проездную башню в центре главного здания. На протяжении XVIII и XIX вв. архитектурный комплекс Пушечного двора неоднократно подвергался реконструкции, сохраняя, однако, свои композиционные особенности.

Планируемая музеефикация зданий комплекса Пушечного двора позволит в едином архитектурном и экспозиционном пространстве раскрыть такие основные темы как история становления и развития Пушечного двора (позже Казанского арсенала), этапы деятельности артиллерийского подразделения на территории Кремля, история медеплавильного дела на территории Татарстана в контексте артиллерийского производства, производственный комплекс и процесс в зданиях Пушечного двора, история производства артиллерийских орудий в Кремле в контексте истории артиллерии

России, взаимосвязь военно-промышленных заведений Казани в XVIII – первой половине XIX вв., а также история военных учреждений, заведений и подразделений на территории Казанского Кремля в разные периоды истории России.

В дальнейшем создание открытой экспозиции территории Пушечного двора, Музея истории Казанского Кремля в Южном корпусе Пушечного двора дополнит Музей Пушечного двора и объединит в общее музейное пространство истории Казанского Кремля, артиллерии России и Пушечного двора.

В основу концепции музея должны быть положены методы и принципы, которые соответствуют современному уровню развития исторической науки, музееведения и музейного дизайна. Они определяют тематическую структуру, состав экспонатов и художественное решение музея.

Экспозиция строится по тематико-хронологическому принципу, объединяя экспонаты, муляжи и интерактивные инсталляции в экспозиционные комплексы, акцентируя внимание посетителя на этапах, производственных особенностях, эпизодах артиллерийского дела в Казани и военной истории Казанского края.

В крупный тематический комплекс необходимо выделить историю оборонного комплекса Казанской губернии военных лет, в том числе период Казанского арсенала, стимулом к созданию которого, во многом, послужили события борьбы с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в 1813-1814 гг.

К концу XVIII в. в России существовала система арсеналов, возникших на базе артиллерийских пушечных дворов и занимавшихся производством и снабжением армии оружием и боеприпасами. Старейшими были Петербургский и Московский арсеналы, основанные в 1724 г. К началу XIX столетия в России было три арсенала: Санкт-Петербургский (основан в 1712 г.), Киевский (1764 г.) и Брянский (1783 г.). Они предназначались для изготовления, ремонта и хранения вооружения и снаряжения и относились к Военному ведомству.

На фоне обозначившегося в начале XIX в. противостояния России и Франции были предприняты меры по усилению

боеспособности российской армии, в том числе по оснащению ее частей артиллерией.

С началом Отечественной войны 1812 г. высочайшим повелением Артиллерийская экспедиция обязывалась создать «орудийную складку или магазейн», то есть запасный парк. По согласованию с инспектором всей артиллерии на устройство Литейного арсенала в Казани командиру этого заведения полковнику Зуеву под руководством генерал-лейтенанта А.А. Бетанкура была выделена сумма в размере 600 тысяч рублей ассигнациями. В 1812 г. был построен новый корпус (западный), примыкающий к кремлевской стене.

Говоря о выборе места для построения арсенала, казанский историк Н.К. Баженов отмечал: «Выбор этого города отвечал всем стратегическим соображениям. С одной стороны – Казань, составляя средоточие сибирских дорог, в стороне лесистой, есть тоже центр, между родиною металлов – Сибирью и западной Россией; но с другой – она расположена близ Волги, дающей возможность удобной доставки материалов на судах, а особенно во время весеннего половодья, когда все необходимые материалы могли доставляться к самой крепости, в которой и был литейный арсенал. Обращая внимание на выгоды местности для арсенала, доставлявшего орудия для Оренбургского, Кавказского и Сибирского корпусов, заметим, что для удовлетворения этого войска огнестрельными и белыми орудиями, получаемыми из Ижевского и Златоустовского заводов, служило водяное сообщение рек: Вятки, Камы и Волги. Волга, опоясывая собою 8 губерний и принимая много рек, давала тоже для Казанского арсенала возможность, в случае надобности, содействовать и другим, по судоходной системе сообщения морей Балтийского и Каспийского – Санкт-Петербуржскому, а Брянскому – Окою до Калуги»¹.

На Казанский арсенал накладывались следующие основные обязанности: изготовление артиллерийских орудий, лафетов и зарядных ящиков. Строительные работы были окончены к 1813 г., тогда же и началось литье орудий, продолжавшееся вплоть до начала

---

¹ Баженов Н.К. Казанская история. Ч.III: Казанская губерния. Казань, 1847. С.111-112

сентября 1815 г. Сырьем для арсенала, кроме собственно доставляемой из Сибири меди, служили также пришедшие в негодность старые орудия и вышедшая из обращения медная монета. Всего за период функционирования арсенала в Казанском кремле в производство было употреблено: меди из старых орудий – 1718 пудов, из старой монеты – 1954 пуда, олова – 306 пудов. По утверждению Н.К. Баженова всего было отлито 84 орудия (35 батарейных и 49 легких)².

Не имея собственных лесных угодий, арсенал довольствовался древесиной, получаемой от Казанского адмиралтейства. Для изготовления пушечной арматуры употреблялся лес, не годный к кораблестроению. Уголь выжигался в казенных лесах или приобретался у населения. Все это хранилось за городом, в сараях на Арском поле. Собственно в Казанском кремле располагались каменные здания, построенные в форме прямоугольника. Здесь размещались комнаты для канцелярии и образцовых вещей, литейная, слесарня-чеканка, паяльная, лафетная и комната для помещения машин, помещение для хранения огнестрельного и холодного оружия, склад для металлов, цейхгауз, квартиры и казармы для нижних чинов и мастеровых, кузницы и сараи.

Из описания зданий Артиллерийского двора видно, что помещения для изготовления и хранения орудий и принадлежностей к ним были построены в несколько этапов. Часть из них (кузница, литейная, сарай литейной, канцелярия, лафетная, столярная, диоптерная, паяльная, цейхгауз, слесарня, три каменных покоя, чеканная, сарай и пристройка к чеканной) были построены, очевидно, в XVIII в.³ или даже в более ранний период, а после повеления от 1 апреля 1812 г. они перестраивались или ремонтировались. В 1814-1815 гг. были построены казармы и мастерские⁴, в 1815 г. достраивалась кузница. Опустошительный пожар в Казани в 1815 г. затронул все здания Арсенального двора, уничтожив большинство из них и более-менее пощадив только кузницу. Обгоревшие строения в 1826-1827 гг. были сданы под помещения Казанских батальонов военных кантонистов⁴.

² Там же. С. 113.

³ НА РТ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2. Л. 179об., 186об., 193об.-195об., 197-200.

⁴ НА РТ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2. Л. 193об.-194.

Казанский арсенал с момента своего учреждения состоял в управлении Артиллерийского департамента военного министерства. Позднее управление арсеналом было разделено: по части административной его подчинили генерал-фельдцейхмейстеру⁵, а по части хозяйственной – тому же Артиллерийскому департаменту. Сам арсенал, за отсутствием штата, четкого разделения не имел. Командовал им штаб-офицер от артиллерии в звании полковника или подполковника. Например, до 1834 г. начальником здесь состоял подполковник артиллерии князь Семен Николаевич Баратаев, позже подполковник Павел Нилович Тихонов 1-й. В их подчинении находился помощник в чине майора или подполковника. Так как официальный штат для арсенала определен не был, его нижние чины делились на три отделения, каждое из которых состояло в ведении одного офицера от артиллерии. Например, в Казанском кремле постоянно размещалась одна гарнизонная артиллерийская рота и одна гарнизонная полурота собственно арсенала. Этот контингент составлял артиллерию Казанской крепости⁶.

Всего при Казанском арсенале состояли следующие чины, принадлежавшие военному ведомству: командующий арсеналом подполковник – 1, майор – 1, штабс-капитан – 1, поручик – 1, унтер-цейхвартеров⁷ – 8; нижних чинов: фейерверкеров⁸ – 3, цейхдинеров⁹ – 4, писарей – 3, браковщик оружейного дела – 1, подмастерье

---

⁵ Генерал-фельдцейхмейстер (от нем. Feldzeug – орудие) – воинское звание, чин и титул главного начальника артиллерии в Российской империи и ряде европейских стран.

⁶ Бобков В. Казанский арсенал в первой половине XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №2. С.50-51.

⁷ Цейхвартер (от нем. Zeug - материя, ткань, и Wart - хранитель, страж) – интендантская должность, как каптенармуса. Соответственно, унтер-цейхвартер – цейхвартер в звании унтер-офицера.

⁸ Фейерверкер (от нем. Feuer - огонь и Werker - работник) – звание унтер-офицеров в артиллерии российских и некоторых иностранных армий; в российской артиллерии (XIX -начала XX вв.) звания старших и младших фейерверкеров соответствовали званиям старших и младших унтер-офицеров в других родах войск.

⁹ Цейхдинер - нижний нестроевой чин в армии, помощник цейхвахтера, чиновника военного и морского ведомства, заведовавшего предметами и материалами по артиллерийской и инженерной частям.

лафетного дела – 1; мастеровых: слесарного дела – 2, горновых кузнецов – 4; кузнечного: молотобойцев – 36, мехового и брандспойтного – 4, лафетного – 3; столярного – 7, токарного – 2, плотничного – 7, колесного – 3, бочарного – 1, малярного – 5, печного – 1, фурлейтов¹⁰ – 6, денщиков – 5; их жен – 79, детей обоого пола – 72¹¹.

В литературе встречаются утверждения, что в 1812-1813 гг. в Казани проходил службу и неоднократно посещал арсенал будущий великий русский писатель Александр Сергеевич Грибоедов, в то время корнет Московского гусарского полка¹². Однако исследователи Б.П.Николаев, Г.Д.Овчинников и Е.В.Цымбал на основании архивных документов убедительно доказали ошибочность такого мнения. Московский гусарский полк, в который с началом войны 1812 г. действительно поступил добровольцем А.С.Грибоедов, для доукомплектования личным составом был отправлен по почтовому тракту через города Владимир и Москву в Казань. Именно во Владимире 8 сентября 1812 г. А.С.Грибоедов остался по причине болезни. В апреле 1813 г. полк на обратном пути из Казани вновь прошел через Владимир, но и там А.Грибоедов не присоединился к нему, так как в ежемесячных рапортах вплоть до октября 1813 г. значилось, что «корнет Грибоедов за болезнью в г. Владимире»¹³.

3 сентября 1815 г. Казань охватил страшный пожар, повредивший, как было отмечено, и многие здания Казанского кремля. Начавшись в Ямской слободе, пожар быстро перекинулся на весь город. Усугубил пожар в Кремле взрыв порохового склада. Удалось спасти только «олово, краски, парусину и жесьь, да денежную казну и письменные дела». Все спасенное казенное

---

¹⁰ Фурлейт - солдат, находящийся при военных фурах - больших длинных телегах для клади.

¹¹ Бобков В. Казанский арсенал в первой половине XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №2. С.53.

¹² Панов Е. Казанские пушкарки // Время и деньги. 2003. №219-220. С. 22.; Татарская энциклопедия. Т. 2: Г-Й. Казань, 2005. С.192.

¹³ Николаев Б.П., Овчинников Г.Д., Цымбал Е.В. Из истории семьи Грибоедовых (по архивным материалам) // А.С. Грибоедов: Материалы к биографии. Сборник науч. тр. Л., 1989. С. 85.

имущество перенесли в полевой артиллерийский двор, который располагался в сараях на Арском поле, тогда еще за чертой города. После очередного пожара 1848 г. имущество вновь перевозится подальше от города и размещается в трех общественных каменных амбарах.

В 1837 г. Казанский артиллерийский гарнизон был упразднен, а его имущество вместе с пороховой продажей и гарнизонной артиллерийской полуротой №5 передано в ведомство Казанского арсенала и размещено в Кремле, в каменном каземате. С 1848 г. чинам арсенала вменялось в обязанность хранение своего имущества и имущества упраздненного артиллерийского гарнизона, а также снабжение войск снарядами, учебными припасами и продажа пороха частным лицам. В 1850 г. в Казанском арсенале налицо состояли: командующий арсеналом, полковник – 1, обер-офицеров – 2, цейхвартеров – 2, унтер-цейхвартеров – 2, фейерверкеров – 7, писарей – 7, цейхшрейберов – 6, цейхдинеров – 6, унтер-офицер, подмастер лафетного дела – 1, оружейных браковщиков – 2, мастеровых – 126, фурлейтов – 2. Кроме того, в гарнизонной артиллерийской полуроте №5 состояли при арсенале для прислуг и караулов: командир, штабс-капитан – 1, младший офицер – 1, фейерверкеров – 10, барабанщик – 1, рядовых – 85, нестроевых – 6¹⁴.

В том же 1850 г. Казанский арсенал был расформирован.

Таким образом, экспозиционное решение комплекса «Казанский край в Отечественной войне 1812 г.» может включать ряд тематических блоков.

Прежде всего, это демонстрация производственных процессов по изготовлению артиллерийских орудий. Зал с сохранившейся формовочной ямой иллюстрирует производство пушек с показом литейной технологии, для чего в помещении размещается:

- Кричная печь с муляжами литейщиков;
- Формы для литья пушек;
- Станки токарный и для сверления ствола пушки;
- Пристенные кронштейны с талями и блоками;

---

¹⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи за 1850 г. Т. V. Ч. 1: Казанская губерния. СПб., 1850. С. 23-24.

– Экран, на который проецируются интерьеры цехов оружейного, литейного и кузнечного;

– Муляжи рабочих за станками.

Зал Кордегардии используется как экспозиционная площадь с размещением подвесной системы на стенах, сенсорным киоском, горизонтальными и вертикальными витринами с муляжами артиллеристов в костюмах разных эпох. Здесь может быть использовано как оригинальное оружие, стоявшее на вооружении российской армии в 1812 г., так и широкий спектр иллюстративного материала в виде интерактивной презентации, включающей изображения предметов вооружения, рисунки, чертежи конструктивных особенностей орудий и так далее.

Еще одна интерактивная презентация призвана познакомить посетителя с историей добычи меди на территории Волго-Камья, а также с работой Казанского порохового завода.

Материалы музейных залов в помещении ризалита и кордегардии будут дополняться открытой экспозицией Пушечного двора, где планируется демонстрация муляжей тяжелых орудий XVIII-XIX вв., в том числе артиллерии Отечественной войны 1812 г.

Объединяющим звеном между артиллерийским производством в Казани и полями сражений Отечественной войны 1812 г. станут живописные произведения с батальными сценами, участие в которых приняли и жители Казанской губернии.

Патриарх Гермоген и его время

А чем собственно, годы 1980 – 1990-е отличались от Смутного времени XVII в.? Тот же полураспад государства, те же действия центробежных сил, возможно сейчас мы остановились у рубежа гражданской войны, а тогда было мощное крестьянское восстание под руководством Ивана Болотникова (1605 – 1606 гг.).

Текущий и предстоящие годы, это не только и не столько проведения спортивных и иных увеселительных мероприятий, но и годы памяти ушедшим благочестивым нашим предкам.

2012 г. – 400-летие мученической кончины патриарха Гермогена (17 февраля по старому стилю), 400-летие освобождения Москвы от польских интервентов (22 октября – ст. ст.), а также – 200 лет назад по стране катком прошла Отечественная война 1812 г.

2013 г. – 400-летие воцарения Романовых (21 февраля – ст. ст.), 100-летие причисления патриарха Гермогена к лику святых. В мае 1913 г. в Москве широко прошли торжества прославления св. Гермогена. Великая княгиня Елисавета Феодоровна специально сшила драгоценный покров на его гробницу и подарила Казанской Духовной академии лично ею писанную икону патриарха Гермогена.

2014 г. – 100-летие начала Первой мировой войны. Великой, Второй Отечественной, Великой Отечественной войны, как она тогда официально называлась. Кстати, от того времени в Казани сохранился лишь один памятник на Арском кладбище участника этой мировой бойни, нашего земляка 19-летнего подпоручика Мейера. Погибших земляков торжественно хоронили на Арском военном, монастырских Зилантовом и Кизическом, но неумолимое и несправедливое время безжалостно стёрло все их следы. Вот такие памятные и патриотические события предстоит пережить нам в ближайшей исторической перспективе.

Русь и Россия не в первый раз и тогда, в XVII в., и сейчас подвергалась и подвергается неурядицам и нестроениям. Вспомним процесс складывания Киевской Руси и распад единого государства на тринадцать удельных княжеств, процесс их дальнейшего дробления.

Порабощение ордынцами, унижительное политическое и экономическое состояние, многовековая выплата дани.

И подъём, стряхнула летаргический сон, Иван III, Иван IV Грозный. Расширение жизненного пространства на восток. Но вместе с тем, опричнина, подрыв экономических устоев, смерть бездетного Феодора Иоанновича, пресечение рода Рюриковичей, смута.

Новый род, Романовы начинают чуть ли не с чистого листа собирать камни, цементировать государственные устои, пространство расширяется, включая Аляску, Финляндское княжество, царство Польское, Пётр I, Екатерина II, XIX век. И вместе с тем вольнодумство, декабристы, разночинцы, революционеры, большевики, меньшевики, эсеры.

Первая мировая война подрывает устои империи. 1917 г., революции, гражданская война, действие центробежных сил. На обломках российской империи образуются новые независимые государства – Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Украина. Ленин, коммунисты собирают разбитое зеркало, почти восстанавливают в дореволюционных границах государство.

Новая страна – СССР – выдержала испытания на прочность, что ярко и героически проявилось в годы Великой Отечественной войны. Но испытание сытостью не прошли, слишком были самоуверены в своей исторической правоте, не нашли ответа на новый вызов времени. Не сумели противостоять подрывным действиям внешних врагов и внутренней «пятой колонны».

С 1991 г. на огромных евразийских просторах существует новое государство. Постепенно и неуклонно начинают срабатывать центростремительные силы в экономической, политической, социальной сферах. Таковы уроки истории.

Но вернёмся в Смутное время. Конец XVI – начало XVII в. вошли в историю страны, как «самозванщина», лихолетье. Одних самозванцев в это время проявилось аж 17 человек, а всего в многовековой России их было более ста человек. Куда там Франции (6 самозванцев) и Англии – всего один.

Династия Рюриковичей правила страной 736 лет (с 862 г.). Но со смертью бездетного Феодора Иоанновича, сына Ивана IV Грозного, правящая династия пресеклась.

Борис Годунов стал первым на Руси царём, получившим трон не

по наследству, а в результате выборов на Земском соборе. Будучи братом жены Феодора Иоанновича Ирины, он уже при его жизни пользовался неограниченной властью, выдавив многих на политическую периферию. Отправил в ссылку многих Романовых. Интересно, что бабушка Михаила Феодоровича, тёща Феодора Никитича Романова – Мария Шестунова была сослана в Чебоксарский Николаевский женский монастырь, где и упокоилась. Её могила была известна, по крайней мере, до начала 1930-х гг.

Если бы Годунов был из рода Рюриковичей, то, несомненно, он вошёл бы в плеяду крупных российских правителей. Но ему не повезло со временем, выпавшим на его долю. 1601 – 1603 г. – это «малый ледниковый период», накрывший Европу. Представьте себе, что Москва-река встала, т.е. покрылась льдом в первой декаде сентября, что вызвало неурожай, голод, бунты. Не помогло и беспрецедентное решение царя – выдать хлеб из государевых закромов.

13 апреля 1605 г. Борис Годунов неожиданно умирает. Через полтора месяца толпа убивает его сына - царя Феодора Борисовича, жену. На трон был возведён бывший беглый монах Григорий Отрепьев из московского Чудова монастыря, ставленник польских панов, вошедший в историю под именем Лжедмитрия I (гримаса истории – Отрепьев вышел из того же монастыря, в котором мученически завершился жизненный путь патриарха Гермогена).

Через год Лжедмитрий I был убит ворвавшимися в покои бунтовщиками. Его нагое тело три дня лежало на Красной площади, потом его сожгли и пеплом выстрелили из пушки в сторону запада, Польского государства с возгласом: «Откуда пришёл, туда и катись!»

С 1606 по 1610 г. страной правил Василий IV Иванович Шуйский (тоже Рюрикович, но по линии младшего брата Александра Невского - Юрия). А буквально в 25 верстах от московского кремля лагерем стоял его противник Лжедмитрий II – «тушинский вор». По существу, это было время двоевластия, когда ни одна из сторон не имела численный перевес и не обладала реальной политической силой.

Группа бояр во главе с Фёдором Мстиславским («семибоярщина», как тут не вспомнить «семибанкирщину» времён раннего Ельцина) в 1610 г. свергла Василия Ивановича и пригласила

польских интервентов в Москву. С сентября 1610 по октябрь 1612 г. захватчики находились в нашей столице.

Какое состояние характеризует страну в то время? Это полураспад государства, бесчинства лихих людей, неурожай, голод, эпидемии, людоедство, бунты, по существу гражданская война. Пятьдесят городов присягли Лжедмитрию II. Казань отказала его ходатаям. Русские люди утратили чувство национальной и государственной солидарности.

Я специально хотел показать состояние страны, в которой находились наши предки, несколько не драматизируя и не сгущая краски.

Время, нарастание кризисных событий потребовали на историческую авансцену людей, кто жизнь бы отдал за страну, кто своим словом, призывом возбудил бы в людях утраченные уже чувства сострадания и ответственности за судьбу страны.

И мы должны гордиться Собирателями Земли Русской – патриархом Гермогеном, казанским митрополитом Ефремом, архимандритом Троице-Сергиевой лавры Дионисием, келарем Авраамием Палицыным, князем Дмитрием Ивановичем Пожарским, нижегородским земским старостой Козьмой Мининым, костромским крестьянином Иваном Сусаниным, казанским стрелецким головой Гордеем Афанасием Пальчиковым.

Патриарх Гермоген родился в 1530 г. (ровесник Ивана Грозного). В 1574 г. принял монашество. Будучи священником казанской гостинодворской Никольской церкви был свидетелем явления чудотворной казанской иконы Божией Матери. Оставил нам, своим потомкам «Сказание о явлении иконы и чудесах ее», прославившего Казань не только в православном мире, но и далеко за его пределами. С 1589 по 3 июля 1606 г. он митрополит Казанский, Свяжский и Астраханский.

Гермоген избирается патриархом Московским и всея Руси и передаёт казанскую кафедру митрополиту Ефрему. Он неустанно рассылает грамоты по всей стране с призывом встать на защиту Православия, русской народности и государственности. Ещё в конце ноября 1610 г. отказывает польским послам в прошении благословить народ на присягу королю Владиславу.

В Казанском же крае за это ратовал митрополит Ефрем, который

слобил сопротивление одного из соправителей казанских дьяка Шульгина, этого сепаратиста и бунтаря, подбивавшего местное население на отделении от Москвы.

Ефрем передал с казанским ополчение, посланным для освобождения Москвы от польских интервентов, список с явленной Казанской иконы Божией Матери.

Патриарха Гермогена польские сатрапы бросают в темницу Чудова монастыря, морят голодом, где он и умирает 17 февраля (ст. ст.). Но он успел указать и назвать имя боярина Михаила Феодоровича Романова, как достойного занять царский престол. Он благословил его на царствование.

До освобождения он не дожил всего восемь месяцев. Второе народное ополчение, возглавляемое князем Пожарским и Козьмой Мининым, 22 октября (ст. ст.) освободило Москву от поляков. Среди осаждённых царил голод, неразбериха, уныние и апатия.

Напомним читателям, что первое неудавшееся ополчение по освобождению столицы возглавляли Ляпунов и Заруцкий. Ляпунов вскоре был убит казаками, а Иван Заруцкий с Мариной Мнишек и её сыном Ванюшей, рождённого от Лжедмитрия II, бежали в низовья реки Яик, чтобы поднять восстание уже против Романовых. И здесь большую роль сыграл наш земляк, казанский стрелецкий голова Гордей Пальчиков. Вместе с московским князем Одоевским они пленили беглецов в низовьях Яика и через Астрахань доставили их в Казань¹.

Так, что Марина Мнишек два дня и две ночи под усиленной охраной провела в темнице Казанского кремля, а затем их доставили в Москву. Опасаясь казацкого мятежа, Заруцкого везли отдельно от Мнишек. Его сопровождало 230 стрельцов, а её – шестьсот вооружённых всадников.² На территории некрополя бывшего Спасо-Преображенского мужского монастыря сохранилось захоронение Пальчикова. Надпись на могильном камне гласит: «Лета 7133 (1624

---

¹ Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Выпуск 935). С. 314.

² Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 26; Липаков Е.В. Дворянство казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: формирование, состав, служба. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. С. 132 – 133.

года), сентября 30 дня преставися раб Божий Гордей Афанасий Пальчиков»

В Москве свершилась казнь – Заруцкого посадили на кол, пятилетнему Ванюше отрубили головку, а Мнишек прокляла род Романовых, сошла с ума и была утоплена в одном из подмосковных монастырей. Романовы с кровью пришли к власти, с кровью и ушли, когда спустя 304 года в Екатеринбурге в подвале дома мещанина Ипатьева была расстреляна вся семья последнего российского императора, в том числе и 14-летний наследник престола Алексей. Богиня истории Клио – дама капризная и мстительная, жаль, что об этом мало, кто знает и помнит. А зря.

В 1818 г. на Красной площади Москвы по всенародной подписке скульптором Мартосом был возведён памятник, на котором высечены слова: «Благодарная Россия князю Пожарскому и гражданину Минину».

В 1912 г. состоялся конкурс на сооружение в Москве памятника патриарху Гермогену, который должен быть установлен на Красной площади. Его выиграл известный скульптор Андреев³. Но, начавшаяся мировая война и революционные события 1917 г. не дали осуществиться этому замыслу. В 1924 г. на этом месте встал мавзолей Ленина. И только спустя сто лет – в 2012 г. у стен древнего московского кремля был заложен камень под основание будущего памятника патриарху Гермогену.

До революции в Казани в Суконной слободе находился храм, освящённый во имя свв. Гурия, Варсонофия, Германа и патриарха Гермогена. Храм был снесён в 1933 г.⁴ Сегодня в Казани нет храма с его именем, нет улицы, носящей его имя. Быстротечна человеческая память, коротка человеческая благодарность. А за 400 лет уж можно было бы и дать соответствующую оценку его вкладу в возрождение страны. Или ждать ещё 400 лет? А ведь подобные патриоты своего Отечества и Подвижники Духа рождаются довольно не часто.

---

³ Комиссия по присуждению премий за проекты памятника патриарху Гермогену присудила первую премию скульптору Андрееву, вторую Алешину – Сухову, третью – Курпатову. См.: Известия по Казанской епархии за 1912 год. – Казань, 1913. – С. 1384.

⁴ Фролов Г.В. Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. Казань, 2005. С. 70.

У Казани не так уж много людей со всероссийской известностью и исторической славой. Почитать бы надо своих именитых земляков, тогда и о нас кто-нибудь вспомнит в историческом далёком.

Репрезентация образа Наполеона Бонапарта в фондовых коллекциях Национального музея Республики Татарстан

Репрезентация образа императора Наполеона Бонапарта воплощена в музейной экспозиции в материальных артефактах, в частности, в произведениях искусства и историографии, которые представляют его персону опосредованным образом. Эти музейные экспонаты влияют на формирование образа как идеального объекта, существующего в индивидуальном и коллективном сознании. Образ Наполеона Бонапарта занял видное место на выставке «Гроза двенадцатого года», открывшейся в НМ РТ к двухсотлетию Отечественной войны. Из двух антиподов эпохи – Наполеона и Александра I – именно первого удалось показать наиболее выпукло. Однако из-за недостатка экспозиционной площади далеко не все фондовые предметы, связанные с Наполеоном, были собраны на выставке.

Большинство этих предметов было создано в XIX и начале XX вв. Известно, что в то время личность Наполеона была популярна в России и Европе. И это, в свою очередь, даже давало повод правой прессе во время празднования столетнего юбилея в Казани в 1912 г. задаться вопросом, что, собственно, Россия отмечает – победу в Отечественной войне или столетие нашествия Наполеона? Журналисты с неудовольствием констатировали: «...это явление наблюдается не только в Казани, а по всей России. Чествуют как будто не русских героев, а Наполеона и его сподвижников»¹. В либеральной прессе имя Бонапарта, напротив, обрастало положительными коннотациями, поскольку связывалось не столько с походом в Россию, сколько с политическими реформами. Тот же Н. Колесников, составивший для губернского земства брошюру в национальном духе, на страницах либеральной «Камско-Волжской речи» писал о непреходящем значении кодекса Наполеона, и отмечал, что хотя Россия победила, в каждом доме найдётся портрет или

¹ Странный факт // Казанский телеграф. №5779. 1912. 3 августа.

открытие с великим человеком: «Наш враг, истребитель столицы, антихрист всё так же популярен, и у нас, и в той стране, легионы которой он покрыл неуязвимой славой. Сколько скульпторов, художников и поэтов он вдохновляет!»².

Именно произведения этих «скульпторов, художников и поэтов» составляют костяк экспонатов о Наполеоне в НМ РТ. Большая их часть была приобретена музеем в антикварных магазинах и у коллекционеров во второй половине XX в. Не все предметы можно корректно атрибутировать, но всё же их следует разбить на несколько групп: I. Предметы изобразительного искусства. II. Предметы нумизматики. III. Книжные издания и рукописи. IV. Предметы декоративно-прикладного искусства. V. Фотографические негативы, сделанные к 150-летию войны (мы не будем подробно останавливаться на негативах, поскольку многие из них фиксируют предметы, о которых пойдёт речь ниже).

I. Среди предметов изобразительного искусства выделяется модель Вандомской колонны в Париже, созданная во Франции во второй трети XIX в.³ Утрата верхней части со статуей рождает определённые ассоциации с судьбой самой колонны, поскольку статую на ней меняли несколько раз. Не исключено, что на модели была фигура не Наполеона, а Генриха VIII. Вместе с тем, по аналогиям из каталогов других собраний можно предположить, что модель изначально была со статуей Наполеона.

Следует отметить наличие в фондах немногочисленных, но выразительных скульптурных изображений Бонапарта, запечатлевших классический образ Наполеона – в треуголке и мундире. Это мраморный барельеф второй половины XIX в. с изображением головы императора, скульптура XIX в. из жёлтого металла и чугунная статуэтка середины XIX в.⁴ Последний предмет предположительно пожертвован О.С. Александровой-Гейнс в 1895 г., хотя подтверждающих документов не сохранилось.

В фондах имеется несколько гипсовых медальонов середины XIX в., которые тиражируют оригинальную серию рельефов,

² Колесников Н. Наполеон // Камско-Волжская речь. №191. 1912. 26 августа.

³ НМ РТ. Вещевой фонд. КП-6987.

⁴ НМ РТ. Вещевой фонд. КП-1909. КП-7175. КП-7174.

созданную вице-президентом Академии художеств графом Ф.П. Толстым. Серия состоит из двадцати сюжетов в духе классицизма, изваянных художником после победы в Отечественной войне 1812 г. Единственный медальон, на котором изображён сам Наполеон, хотя и в аллегорической форме, но с портретным сходством, – это «Бегство Наполеона за Неман. 1812».⁵ По образцу этого медальона в 1843 г. была отлита и чугунная памятная медаль, приобретённая музеем в 1930 г. в составе коллекций нумизматического музея Казанского университета⁶.

Роман-эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир» иллюстрирует альбом 1893 г. издания, выполненный известными художниками в едином стиле в качестве бесплатного приложения к журналу «Север»⁷. По интересующей нас теме отметим в нём акварель А.Д. Кившенко «Наполеон и император Александр I на свидании в Тильзите» и акварель Л.О. Пастернака «Наполеон и Лаврушка на переходе из Вязьмы к Царёву-Займищу».

Юбилейный альбом цветных литографий художника А.П. Апсита был издан в Москве в 1912 г. Восемь изображений, т.е. четвёртая часть альбома, посвящены Наполеону, и показывают его во время переправы войск через Неман, перед Бородинским сражением, во время пожара Москвы и т.п. Брошюра В.И. Поллака, вложенная в альбом, подробно комментирует почти каждую литографию.⁸ Издание приобретено музеем в магазине «Букинист» в 1986 г.

Большая часть открыток с изображением Наполеона были изданы к столетнему юбилею Отечественной войны. Открытки характеризуют общие представления публики о Бонапарте в начале XX в. В течение XIX столетия в европейских и российских музеях накопилось большое количество произведений художников на тему наполеоники. Начало XX в. стало временем их тиражирования типографским способом. Многие открытки воспроизводят живописные цветные полотна в чёрно-белом варианте. Это связано как с особенностями создания фотооткрыток в то время, так и со стремлением удешевить производство. Коллекция из многих

⁵ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КП-11907.

⁶ НМ РТ. Фонд нумизматики. КПНу-11740.

⁷ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КП-17810

⁸ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КП-20728.

десятков открыток формировалась разными путями на протяжении последних ста лет. Чаще всего музею продавали открытки казанские коллекционеры, например В.В. Ханжин, А.В. Суханов и самый известный среди них – В.В. Чумаков, которого по праву называют «советским Лихачёвым».

В год столетнего юбилея войны Казань не осталась в стороне в деле издания открыток. Так, для кондитерской и пряничной фабрики И.С. Одинцова на открытках был переиздан ряд карикатур 1812 г.⁹ На обороте этой рекламной серии указывалось, что «за свои изделия фирма удостоена на выставках многих наград». Коллекция этих почтовых карточек была куплена музеем у А.В. Суханова в 1962 г.

Серия рекламных вкладышей для продукции шоколадной фабрики «Товарищества Эйнем» (ныне – «Красный Октябрь») повторяет сюжеты и даже композиции известных художественных изображений войны 1812 г., но нарисованы нарочито упрощённо. На обороте вкладыши снабжены довольно подробным комментарием к изображению. Данные карточки куплены у коллекционера В.В. Чумакова в 1985 г. Серия состоит из двенадцати изображений, на двух из них запечатлён Наполеон во время московского пожара¹⁰.

Среди немногочисленных фондовых литографий обратим внимание на портрет, купленный Казанским городским музеем у Н.В. Савельевой в 1910 г.¹¹ Портрет интересен тем, что создан в 1840 г., когда прах Наполеона был перезахоронен в Париже; об этом же событии свидетельствуют надписи на портрете.

Одним из деяний Бонапарта стало учреждение ордена Почётного легиона, который вручается во Франции до сих пор. На гравюре А. Тардье, созданной в 1820-х гг., дан общий вид и план полукруга, образованного войсками Булонского лагеря для вручения орденов Почётного легиона во время военной кампании 1805 г.¹² В центре

---

⁹ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КППИ-121647. Угощение Наполеону в России. КППИ-121650. Папа, иди скорее! Меня казак хочет съесть! КППИ-121651. Русская баня. КППИ-121652. Карикатура на Наполеона.

¹⁰ НМ РТ. КП-19863/28. Пожар в Москве 4 сентября. КП-19863/30. Возвращение Наполеона из Петровского дворца 8 сентября 1812 года.

¹¹ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КППИ-103103.

¹² НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КППИ-101660.

построения незримо угадывается присутствие Наполеона. Гравюра поступила в фонды в составе библиотеки Казанской духовной академии.

Коллекция фотогравюр, выпущенных в московском издательстве «Товарищество «Образование»» в начале XX в. была куплена НМ РТ в антикварном магазине «Инга-Арт» в 1997 г.¹³ Её составляют разнообразные изображения, созданные художниками – современниками и участниками похода в Россию (А. Адам, Фабер-дю-Фор), а также другими европейскими художниками, жившими и работавшими позднее.

Параллели с Отечественной войной 1812 г. возникали у современников Первой мировой войны. Патриотический подъём российского общества в начале мировой войны запечатлён в сатирической литографии, где германский и австрийский императоры ставятся в один ряд с Карлом XII и Наполеоном.¹⁴ Судьба всех четырёх монархов – старых и новых врагов России – оказывается общей, и в равной степени неудачной.

На карикатуре, созданной во время Великой Отечественной войны казанским художником К.З. Шамазовым, наоборот, Наполеон превосходит очередного мирового завоевателя – Гитлера: «Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котёнок на льва».¹⁵ Оба персонажа лишены здесь портретного сходства и представлены в образе зверей. Данная карикатура демонстрирует, насколько актуальными для современников Великой Отечественной войны были параллели с Отечественной войной 1812 года. Подобные идеи развивались и в науке, например, в работах Е.В. Тарле, созданных в это же время.¹⁶

II. Предметы нумизматики, связанные с Наполеоном, в фондах НМРТ немногочисленны. С коронацией Бонапарта связаны памятные жетон и медаль, штампованные из жёлтого металла и меди

¹³ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КП-24056

¹⁴ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КППИ-101205. Наполеон приобрёл славу под Москвой, Карл XII – под Полтавой, а мы с тобой – под Варшавой. Издание В. Шмигельского. Пг., 1914.

¹⁵ НМ РТ. Фонд изобразительных материалов. КП-16807/5.

¹⁶ Тарле Е.В. Гитлеровщина и наполеоновская эпоха. М.–Л., 1942. – 31 с.

предположительно в 1807 г. На взятие Варшавы, Берлина, Кёнигсберга, а также Москвы Наполеоном были выпущены медные памятные медали¹⁷. Неизвестны время поступления и сдатчики этих предметов, однако ясно, что это произошло до 1950-х гг.

Среди многочисленных денежных знаков, хранящихся в фондах НМ РТ, отметим три монеты первой империи с чеканным вензелем и профилем императора Наполеона. Это монеты в 10 сантим из биллона и меди 1808 и 1811 гг., поступившие в составе коллекции А.Ф. Лихачёва, а также серебряный полуфранк 1812 г. из коллекции нумизматического музея Казанского университета.¹⁸

III. В книжном фонде НМРТ сохранился ряд изданий, прямо или косвенно представляющих Бонапарта. Весьма любопытна книга, изданная во Франции в 1811 г., предназначенная для офицеров генерального штаба.¹⁹ Не исключено, что её текст редактировал сам Наполеон, учитывая его склонность вникать во все мелочи военной службы. Она была передана из Тегюшского музея в 1956 г.

В фондах музея самыми ранними по времени издания книгами о Наполеоне являются три раритета: «Исторические письма о Франции в 1805–1806 годах» (1807), «Русские и Наполеон Бонапарте» (1814), а также «Волтерианцы, или история о якобинцах...» (1806).²⁰ Последнее издание иллюстрирует увлечение философией Просвещения, приверженность якобинству и близость к Огюстену Робеспьеру молодого Наполеона. Оно, хотя и связано с личностью Бонапарта лишь косвенно, прекрасно показывает те отрицательные стереотипы, которые сложились у российской аристократии в отношении вождей буржуазной Франции. Все три книги были

---

¹⁷ НМ РТ. Фонд нумизматики. КПНу-29686. КПНу-29696. КПНу-29701. КПНу-29695.

¹⁸ НМ РТ. Фонд нумизматики. КПНу-2525. КПНу-2317. КПНу-23875.

¹⁹ НМ РТ. Фонд редкой книги. КППИ-118651. Гримоар. Инструкция о службе офицеров генерального штаба, Т.т. I–II. – Париж, 1811. – Ч. I. – 195 с.

²⁰ НМ РТ. Фонд редкой книги. КППИ-119092. Русские и Наполеон Бонапарте. Издание 2-е. М., 1814. 128 с. КППИ-119086. Исторические письма о Франции в 1805–1806 гг. / Пер. с фр. М., 1807. 332 с. КППИ-119223. Волтерианцы, или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож. Ч. III. / Пер. с фр. М., 1806. 264 с.

переданы из Чистопольского краеведческого музея в 1956 г.

Библиографической редкостью является хранящееся в книжном фонде издание из личной библиотеки профессора Казанского государственного университета Г.Н. Вульфсона, поступившей в музей от А.С. Вульфсона в 2008 г. Это работа первого официального российского историографа наполеоновских войн А.И. Михайловского-Данилевского о войне Александра с Наполеоном в 1805 г.²¹ Также в составе этой мемориальной коллекции поступили книги, вышедшие из-под пера Е.В. Тарле.²² Они, хотя не считаются редкими, являются мемориальными предметами, которые ко времени очередного юбилея станут ценными экспонатами. Одна из них уже экспонировалась на выставке «Свет и время профессора Г.Н. Вульфсона», прошедшей в НМРТ в 2008 г.²³

Примером высокого интереса к персоне Наполеона в преддверии столетия Отечественной войны является роскошно изданная книга-альбом «Война русского народа с Наполеоном 1812 года» И.Н. Божерянова.²⁴ Само название намекает на широко распространённое в консервативной публике представление об Отечественной войне, как о направленной против отдельного корсиканца-узурпатора, а не против Франции как таковой.

Кроме книг о Наполеоне, следует отметить и рукопись стихов фронтовика Алексеева «Наполеон», отправленную в редакцию газеты «Красная Татария».²⁵ Написанные торопливо и безыскусно в тревожные дни августа 1941 г., стихи так и не были напечатаны в газете. Очевидна параллель между этим стихотворением, где Гитлер назван «Наполеоном» именно в кавычках, с карикатурным плакатом

---

²¹ НМ РТ. Фонд редкой книги. КП-30165. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Первой войны Императора Александра с Наполеоном, в 1805 году. – СПб, 1844.

²² НМ РТ. Фонд редкой книги. КП-30398. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Москва, 1943. 363 с. КП-30383. Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939. 351 с.

²³ НМ РТ. Фонд редкой книги. КП-30186. Лависс, Рамбо, Тарле Е.В. История XIX века: Время Наполеона I (1800–1815 гг.) / Пер. с фр. академика Е.В. Тарле. Изд-е 2-ое. Т.2, ч. II. М., 1938. 579 с.

²⁴ НМ РТ. Фонд редкой книги. КП-30523.

²⁵ НМ РТ. Фонд письменных источников. КППи-107676.

К.З. Шамазова, упомянутым выше. Рукопись поступила в фонды музея в 1950 г.

IV. Несколько фондовых предметов представляют собой произведения декоративно-прикладного искусства. Это, например, флакон из-под цветочного одеколona «В память Наполеона I», выпущенного фирмой «Брокер» в Москве в начале XX в.²⁶ Флакон поступил в составе коллекции, собранной этнографом Н.И. Воробьёвым в Арском кантоне ТАССР в 1920-е гг. В начале XX в. неизвестные нам мануфактуры выпускали фарфоровые тарелки для массового потребителя. На тарелках часто воспроизводились картины известных художников, например, «Отступление Великой армии» В.В. Верещагина.²⁷ Символичным итогом жизненного пути Бонапарта является сувенирная чернильница XIX в. в форме саркофага в Доме инвалидов, где с 1840 г. хранится прах Наполеона.

Конечно, невозможно проследить эволюцию образа Наполеона на основе коллекций только одного музея, и такой задачи в данном сообщении не ставилось. Однако представляется несомненным, что после всплеска в начале XX в., за последние сто лет произошло существенное падение общественного интереса к персоне Бонапарта. Первая мировая и Великая Отечественная войны заслонили в массовом сознании Отечественную войну 1812 г., а фигуры новых мировых завоевателей, например, Гитлера, затмили собой Наполеона. В последние годы, несмотря на юбилей победы над Наполеоном в 1812 г., заметного приращения музейных предметов, связанных с фигурой императора французов, не состоялось. Тем ценнее предметы, которые входят в коллекции музея на сегодняшний день.

---

²⁶ НМ РТ. Фонд этнографический. КП-10270/111в.

²⁷ НМ РТ. Вещевой фонд. КП-16234/4.

1812 год в судьбе университетских архивов¹

Университетские архивы в XIX в. были частью системы государственного управления. Хранимые в них документы позволяли рационализировать и совершенствовать управление образованием: отслеживать изменения в числе школ и учеников, получать историческую аргументацию для новых правительственных решений, вести учет штатов, наблюдать за деятельностью университетских советов, проверять траты бюджета, разрешать конфликты «университетских партий».

Согласно § 72 устава 1804 г. университету полагалось иметь архив, в который следовало сдавать на хранение копии исходящих и оригиналы всех входящих бумаг². Ответственность за «хранение архивы» возлагалась на секретаря совета – ординарного профессора, в помощь которому выделялись штатный (то есть с государственным жалованием) архивариус и письмоводитель из студентов.

К 1812 г. в Российской империи было пять императорских университетов: Виленский, Дерптский, Московский, Харьковский и Казанский. В данной статье акцент сделан на «архивных» историях двух из них – Московского и Казанского.

Посетив 15 июля Москву, Александр I приказал готовить казенные учреждения к эвакуации. Однако распоряжение об эвакуации Московского университета было отдано Ф.В. Ростопчиным лишь 18 августа (за две недели до входа войск Наполеона в Москву). Выполняя требования властей,

---

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

² Уставы императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по МНП. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 47. Стб. 279.

университетское руководство стремилось спасти казенное имущество, в том числе архив. Попечитель Московского учебного округа П.И. Голенищев-Кутузов предписал профессорам спасти то, за что они отвечали по служебным обязанностям³. Эвакуация проходила в два этапа. Первый обоз с книгами, музейными экспонатами и исследовательскими инструментами отправился во Владимир утром 30 августа. Каждый последующий день ректор Гейм приходил к Ростопчину за обещанными 30 лошадьми, но смог добиться только 15-ти⁴. На них вечером 1 сентября второй обоз вывез из Москвы еще одну часть университетского имущества.

Судя по разрозненным свидетельствам, на одной из подвод архивариус Михаил Матвеевич Снегирев погрузил 15 томов рукописных протоколов конференции Московского университета за 1760-1780-е гг.⁵ Видимо, бумаги 1790-х – начала 1810-х гг. не были тогда переданы в архив и хранились в канцелярии совета. А накануне эвакуации у профессоров уже не было времени для их упаковки. Канцелярские дела чиновники спрятали в подвале главного здания университета⁶. Через несколько дней они там и сгорели. «Корпус сей, – сообщал в ноябре 1812 г. в Санкт-Петербург П.И. Голенищев-

---

³ Дневная записка Университетского Совета 18 августа 1812 // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией начальника архива Министерства народного просвещения К. Военского. СПб., 1912. С.8–9.

⁴ Представление ректора Московского университета попечителю Московского учебного округа от 8 сентября 1812 года, о выезде университета из Москвы, о следовании до Владимира и о пребывании в сем последнем // Там же. С. 32.

⁵ Сын архивариуса – профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев вспоминал о том, что при отъезде из Москвы наиболее ценные вещи и «библиотечка» были оставлены в Москве запертыми в кладовой казенной квартиры. Возвратилась семья Снегиревых на пустое место: дома были ограблены, а затем сгорели. См.: Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 4. С. 549.

⁶ Андреев А. Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.museum.ru/1812/library/Andreev/part5.html>, свободный. Дата обращения: 2. 12. 2012.

Кутузов,— загорелся, как сказывают, от дому графа Владимира Григорьевича Орлова и пламень распространился по всем этажам начиная с верхнего так стремительно, что ничего спасти из него было невозможно. При самом вступлении неприятеля в город, смотрителем музея Ришардом испрошена была охранительная стража, но она в сем случае была бесполезна, и некоторые утверждают, что не смотря на оную в нижнем этаже был рассыпан порох; а кем и с каким намерением неизвестно»⁷.

Гибель текущего делопроизводства сделала этот год рубежным в истории Московского университета. Он разделил его прошлое на «допожарный» и «послепожарный» периоды. Долгие годы после войны 1812 г. министерские чиновники испытывали большие неудобства в управлении Московским университетом из-за отсутствия у него исторических свидетельств. От профессоров невозможно было добиться отчетов о потраченных средствах, читаемых лекциях, студентах и хозяйстве. На все подобные запросы профессора отказывались отвечать «за сгорением дел»⁸.

Это не было хитрой уловкой. И чиновники, и профессора в равной мере нуждались в ведомственной памяти, стремились восстановить ее из разных источников, сложить из сохранившихся фрагментов. Поэтому в 1815 г. ректор Гейм от лица правления просил попечителя П.И. Голенищева-Кутузова сделать копии распоряжений бывшего главы учебного округа М.Н. Муравьева, которые хранились в архиве при канцелярии попечителя. Тогда выяснилось, что «поелику все дела прежней попечительской канцелярии оставлены в московском моем доме, то ныне и нельзя в правление доставить копии, как с помянутого предложения, так и с других предписаний до сего предмета относящихся»⁹. Говоря об «оставленных в московском доме» документах, попечитель имел в виду те официальные бумаги,

---

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 169 «Дело об эвакуации из Москвы в связи с военными событиями всех учебных заведений», 1812–1813. Л. 132 об.–133.

⁸ См., например: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. «Формы для составления ежегодного отчета по университету и Московскому учебному округу». Л. 6 об.

⁹ О доставлении правлению копии с прежних попечительских бумаг, 1815–1816 // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 543. Л. 2 об.

которые после его выезда из Москвы 29 августа¹⁰ были разграблены войсками неприятеля¹¹.

Желание восстановить университетский архив было настолько сильным, что министерские чиновники стали помогать профессорам. Так, когда в 1828 г. при разборе сенатского архива обнаружили документы, связанные с основанием университета, директор Департамента народного просвещения Д.И. Языков заставил своих служащих снять с них копии и переслать в Москву¹².

Спустя два года после этого четвертое отделение Департамента народного просвещения, занимающееся хозяйственными и административными делами, запросило в архиве Министерства народного просвещения, «кем именно подписаны отчеты Московского университета о суммах оного: статной, хозяйственной и типографской за 1812 г.; и было ли в свое время донесено от Московского университета о сгорении всех дел его в 1812 г., по случаю нашествия неприятеля, и о составлении по сему случаю отчетов за означенный год не из подлинных шнуровых книг, но из черновых выписок»¹³. Найдя по алфавитному каталогу соответствующее донесение П.И. Голенищева-Кутузова, начальник архива В.П. Петров сообщил, что в ноябре 1812 г. «главный корпус тамошнего университета сгорел до основания. Во всех трех этажах остались одне стены, и самые кладовые и все вещи, равно канцелярия, дела училищного и цензурного комитетов, магазин с типографскими книгами, матрицы, пунсоны и медные доски, кои положены были в оных, как место безопаснейшее от пожара,

---

¹⁰ Предписание Попечителя Московского учебного округа ректору университета, от 30 августа, о выезде из Москвы // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году. С. 27.

¹¹ Представление попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения, от 22 октября 1812 года, в ответ на отношение от 6 октября // Там же. С. 53.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 139 «О составлении собрания дел по Московскому Университету, с 1754 по 1761 год», 1828.

¹³ РГИА. Ф. 745 Оп. 1 Д. 107 «Рапорты начальника архива В.Петрова о состоянии архива и произведенных в нем работах, переписка с Департаментом народного просвещения о наведении справок и приеме дел», 1830. Л. 11.

сделалось жертвою пламени»¹⁴. Отчета с перечислением того, что и в каком количестве сгорело Петров в архиве не обнаружил.

Архив Казанского университета пережил и запомнил 1812 г. иначе. Он отразился не на его существовании, а на его содержании. Первые годы своего существования университет ютился в здании Казанской гимназии. Лишь в августа 1811 г. она переехала в специально построенное для нее помещение. Однако в связи с эвакуацией в Казань московских учебных заведений, с сентября 1812 по июль 1813 г. гимназия вновь вынуждена была вернуться в университетский дом¹⁵.

Согласно распоряжению попечителя С.Я. Румовского обе школы управлялись советом и конторой Казанской гимназии. И только в марте 1812 г. Румовский направил в Казань письмо, адресованное «совету при Казанском университете». На вопрос директора гимназии и университета И.Ф. Яковкина «под каким именем отныне быть совету: под именем ли совета казанской гимназии, или под именем совета при Казанском университете?» попечитель приказал возложить управление по учебной и образовательной части университета и гимназии на совет при Казанском университете (до полного открытия университета), в то время как хозяйственные вопросы по прежнему были оставлены в ведении гимназической конторы¹⁶.

При таком симбиозе делопроизводство университета и гимназии было единым. До «полного открытия» университета в 1814 г. его документы передавались на хранение в архив гимназии. Даже сейчас они хранятся в НА РТ в фонде казанской гимназии, а не университета. Собственно университетский архив открывается документами, датированными 1813 г.

---

¹⁴ Там же. Л. 13 об. Петров дословно процитировал отчет П.И. Голенищева-Кутузова: РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 169 «Дело об эвакуации из Москвы в связи с военными событиями всех учебных заведений», 1812–1813. Л. 132.

¹⁵ Казанский университет: хронология становления химической лаборатории и Казанской химической школы. 1806–1872 / Сост. проф. А.В. Захаров; науч. ред. проф. В.И. Галкин. Казань, 2011. Ч. 1. С. 143.

¹⁶ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета: (1805–1819): рассказы по архивным документам. Изд. 2. СПб., 1904. Ч. 2. С. 324.

В 1812 г. среди обычных делопроизводственных документов (дела об увольнении и приеме в университет и гимназию, протоколы заседаний Совета и Конторы гимназии, книги входящих и исходящих документов, разнообразные ведомости и месячные акты, рапорты и донесения о ходе экзаменов и т. п.) появились тексты, относящиеся к военным действиям. В протоколах Совета Казанской гимназии за 1812 г. есть переданное министром народного просвещения по эстафете директору университета и гимназии И.Ф. Яковкину известие об объявлении войны. Оно было прочитано членам университетского сословия¹⁷. В связи с этим появились прошения некоторых преподавателей оставить *alma mater* и отправиться на «поле брани»¹⁸. А в связи с тем, что в 1812-1814 гг. в Казани размещались военнопленные¹⁹, для общения с ними потребовались переводчики. На помощь губернатору университет направил лектора французского языка И.Ф. Лейтера.

В архиве есть упоминания о письмах ректора Московского университета Гейма из Нижнего Новгорода с просьбой разместить «эвакуированный» университет в незанятых домах Казанского университета и готовность академической корпорации предоставить все необходимое²⁰. И хотя в итоге Московский университет до Казани не доехал, гимназия и университет принимали питомцев и студентов из Москвы²¹, а шесть студентов московского медицинского факультета получили разрешение слушать лекции в Казани²².

---

¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 471 «Протоколы заседаний Совета гимназии и обозрения преподаваний в Казанском университете за 1812 год». Л. 85–85 об.

¹⁸ Там же. Л. 122.

¹⁹ Подробнее о французских военнопленных в Казани см.: Вишленкова Т.А. Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии // Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М., 2000. С. 119–131.

²⁰ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8879 «Книга на записку входящих бумаг совета Казанской гимназии», 1812 Л. 24 об., 29 об., 30.

²¹ См., например: НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8752 «Собрание прошений и прочих бумаг о принятии в Университет Студентов и об увольнении из», 1812. Л. 39–39 об.

²² НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8849 «Рапорты и прошения служащих, казенных студентов в совет и правление университета», 1812. Л. 10.

С 1812 г. связана одна из первых научных защит в Казанском университете. В августе в Совет Казанского университета пришло прошение на латинском языке провести экзамен на степень доктора прав от бывшего воспитанника Геттингенского университета, а с 1810 г. своекоштного студента Московского университета Иоганна Готлиба Иона. В Москве он служил гувернером у А.С. Грибоедова. Иона был намеревался пройти защиту в Москве, но из-за вторжения Наполеона вынужден был бежать на восток. К прошению он приложил личные документы: метрикум Геттингенского и свидетельство Московского университетов. Свидетельство Московского университета было выдано 22 августа и подписано ректором Геймом²³.

Ходатайство Иона было удовлетворено. И в 1813 г. местный попечитель М.А. Салтыков предписал, чтобы за неимением в Казанском университете на тот момент факультетов, создать специальный подотчетный совету профессоров, самому попечителю и министру народного просвещения временный комитет. Ему поручалась, которому и поручить подготовку и проведение экзамена подготовить и провести экзамен соискателя²⁴. В ходе него экзаменаторы вырабатывали правила проведения подобных испытаний. Например, они определяли, по каким предметам и как именно нужно проводить экзамены на докторское достоинство²⁵. Профессора письменно сформулировали свое мнение относительно новой для них функции. А когда в 1814 г. состоялась публичная защита диссертации, то ее участники высказали суждения о состоявшемся диспуте²⁶.

Кроме новых практик делопроизводства, 1812 г. стал переломным и в сфере университетского управления в Казани. В июле 1812 г. умер Румовский, а его преемник, Салтыков, получил официальное назначение только в октябре. Узнав имя нового попечителя, профессора направили ему витиеватое и наполненное

---

²³ НА РГ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8828 «По прошению студента Московского университета Саксонского уроженца Иоганна Иона об удостоении его, по надлежащем испытании звания Доктора прав», 1812–1814. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 11–11 об.

²⁵ Там же. Л. 15–16.

²⁶ Там же. Л. 113, 114, 115.

библейскими метафорами приветствие: «Университет приятнейшим себе поставляет долгом чрез сие изъяснить вам усерднейшее поздравление с особенною доверенностью Монарха, поручившего вам блюсти виноград, Его десницею насажденный, Его благостью орошаемый и простирающий грозды свои по всему востоку обширного его владычества. При особе, толикия Монаршия доверенности удостоенной, мы делатели сего винограда силы к силам, труды к трудам приложим на удобрение оного»²⁷.

По сохранившемуся черновику этого послания можно проследить редакционную обработку текста, способ формулирования мысли, выбор слов и выражений. Так, авторы письма долго не могли выбрать формулу обращения к попечителю. Были отброшены обращения «сиятельный граф», «милостивый государь», «его превосходительству». В итоге письмо было адресовано «Господину действительному Камергеру, Казанского университета и учебного округа попечителю Михайлу Александровичу Салтыкову». Кроме того, в окончательном варианте изменена и форма титулования с «Вашего сиятельства» и «Сиятельный граф» на «Ваше превосходительство». Первая употреблялась к князьям, графам и герцогам, а вторая – к лицам, имеющим чин III и IV класса по Табели о рангах. Салтыков имел право на оба титула, но профессорское сословие сделало акцент на служебном статусе попечителя.

Возможно, эти поиски версий правильного обращения были реакцией профессоров на бюрократическую реформу М.М. Сперанского. М.А. Салтыков предпринял активные действия для полного открытия Казанского университета. Именно при нем канцелярия совета университета отделилась от канцелярии совета гимназии, и соответственно дела стали сдаваться в архив по отдельным описям и храниться отдельно от дел гимназии. Так было положено начало архиву, ныне образующему фонд 977 (Казанский университет).

Сохранившийся архив Казанского университета позволяет узнать

---

²⁷ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8791 «Об управлении Министерством народного просвещения князем Голицыным по случаю отъезда г. министра в Москву; о смерти г. попечителя Румовского и об определении на место его попечителем действительного Камергера Михайла Салтыкова», 1812. Л. 7–7 об.

о проектах, которые готовились и были забыты в результате войны 1812 г. Так, в июле 1811 г. местные университеты получили предписание попечителя составить маршрут и выбрать участников для грандиозной общеуниверситетской научной экспедиции. Ее проведение было запланировано министром на весну 1812 г. «Я имею намерение, – писал министр А.К. Разумовский, – составить экспедицию ученых путешественников из лиц, принадлежащих к Московскому, Виленскому, Дерптскому, Харьковскому и Казанскому университетам. Предметом сих путешественников будет делать наблюдения и открытия в Российских губерниях по минералогии, зоологии, ботанике, сельскому домоводству и технологии»²⁸. Осенью 1811 г. казанские профессора жарко обсуждали маршруты, сочиняли инструкции, составляли сметы, придумывали аргументы для обоснования собственного участия в этом мероприятии²⁹.

Документы университетских архивов свидетельствуют о разном отношении чиновников университетов Москвы и Казани к военным событиям 1812 г. Для москвичей, которых война коснулась непосредственно – она была трагедией (нашествие неприятеля, разорение, военные обстоятельства, пожар), которая оставила многих без крыши и средств к существованию. У готовых помочь бежавшим из Москвы коллегам университетские чиновники Казани воспринимали войну как романтическое «восстание против врага [...] на поле брани». В отчетах Казанского университета и гимназии за 1812 г. память о военных действиях никак не отразилась³⁰, в то время как апелляция к пожару в Москве не утратила своей актуальности и в 1830-е гг.

Именно к бедствиям 1812 г. и заслуге студентов перед Отечеством в войне 1812 г.³¹ апеллировали московские профессора в

---

²⁸ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674 «По предписанию высшего начальства о имеющей быть экспедиции ученых путешественников», 1811. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 4–42; НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8707 «О имеющей быть для путешественников ученой экспедиции», 1811. Л. 6–7.

³⁰ См: НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 10081 «Отчеты Казанской I мужской гимназии и Казанского университета», 1812.

³¹ Дело о выдаче пособия казеннокоштным студентам университета, в связи с их тяжелым материальным положением, осложненным военными событиями, 1814–1815 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 212. Л. 1–1 об.

своих обращениях к людям власти, когда просили у них материальную помощь для студентов. В подобной ситуации казанцы писали о чувстве справедливости по отношению к тем, кто будет жертвовать собой на службе в далеких сибирских училищах³². Что касается харьковских профессоров, то они оправдывали экстра-траты потребностью сохранить физическое и душевное здоровье будущей российской элиты³³.

Таким образом, в истории университетских архивов 1812 г. стал неким рубежом. В случае с Московским университетом, когда речь шла о сохранении архивов, граница носит «физический» характер. Что же касается архива Казанского университета, то он не пострадал физически, но расширил спектр и тематику отложившихся в нем документов. На примере архива Казанского университета можно зафиксировать «археологическую» границу архива: изменение качества документов, появление спровоцированных войной новых (для конкретного университета) практик, изменение делопроизводственной традиции

---

³² Рапорт инспектора студентов Брейтенбаха о необходимости улучшить содержание казенных студентов, 1818 г. // НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 809. Л. 2–2 об.

³³ Дело об увеличении размера стипендии казеннокоштным студентам и жалованья кандидатам и магистрам университета, 1811–1816 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 139. Л. 9–9 об.

Карташова Е.И.

**Историческая память и праздничная культура
(по материалам празднования 100-летия Отечественной
войны 1812 г. в Казани и Казанской губернии)**

25-27 августа 1912 г. в Казани и губернии, как и повсеместно в России, состоялось празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. Кульминационным днем торжеств стал день Бородинского сражения – 26 августа.

Этот юбилей подробно освещен в синхронных документальных источниках и газетных публикациях. Тема грандиозного празднования затронута рядом современных исследователей, как в общем плане представления события, так и по отдельным аспектам. Актуальным для изучения нам представляется контекст исторической памяти.

Историческая память – это издавна популярный предмет публицистического общественного дискурса, но в последние десятилетия эта проблематика также является одной из востребованных исследовательских «зон» интегрированного гуманитарного знания в России и за рубежом. Существуют различные концепции социальной, индивидуальной и культурной памяти, разрабатывается понятийный аппарат; рассматриваются различные проблемы, в том числе процессы «конструирования» прошлого; закономерности, факторы, механизмы формирования, преобразования и передачи исторической памяти.

Одной из ведущих форм репрезентации исторической памяти являются коммеморации – общественные действия, праздники, торжества, являющие собой мемориальные версии важных событий. В более широком значении коммеморация – все, что связано с практикой увековечения. Это часть государственной «политики памяти» – сознательная, нередко идеологизированная актуализация исторической информации, введение образов прошлого в пласт современной культуры и общественного сознания.

Рассмотрение празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. в парадигме коммемораций, в определенном культурно-

историческом контексте и на локальном, но достаточно типичном региональном материале позволяет определить этот юбилей не только как «застывшее воплощение национальной истории» (знак памяти, образ великого События), но и как значимое социально-историческое и культурное явление своего времени, как яркое проявление «политики памяти».

Источниковой основой для изучения стали документальные материалы, отражающие официальную точку зрения на праздник, т.е. воссоздающие интересующий нас аспект государственной репрезентации¹.

Крупная военная победа (безусловно, эпохальная в XIX в.) давала возможность не только продемонстрировать «благоговейную память», но и создать впечатляющий образ России-победительницы, причем с ярко выраженным акцентом на роли имперской власти (в лице императора Александра I) и российского воинства. В помещениях, где проходили юбилейные акты, обязательно присутствовали бюсты и портреты императора, ему и воинству посвящались молебны, панихиды, восхваления. В завершение церемоний исполнялся гимн «Боже, царя храни». Эти аспекты были, конечно же, особенно важны в период после поражения в войне с Японией и обострения социально-политической обстановке в стране, в ситуации критического отношения к самодержавию.

Юбилей имел статус государственного праздника («общенародного торжества»), носил в значительной степени формализованный, регламентированный характер (общий порядок, ключевые компоненты, единая хронологическая «привязка» к 26 августа), хотя те или иные вариации единого формата не возбранялись и даже приветствовались.

Император Николай II в октябре 1911 г. утвердил соображения военного министра по поводу празднества. Оно должно было быть «организовано повсеместно в более или менее крупных центрах в виде торжественных богослужений и военных парадов при широком ознакомлении подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России путем бесед и популярных

---

¹НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Дела 12809 – 12813 (Дело Казанского губернского правления по организации празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны в Казани и Казанской губернии. 1912).

чтений»².

Всенародность праздника была одной из ведущих установок данной коммеморации – в нее вовлекались все ведомства, учреждения, национальные слои, сословия и социальные группы, в т.ч. низшие служащие, рабочие, заключенные. В Казанской губернии это выразилось в активном участии в празднике мусульманского населения и других этнокультурных групп; некоторые распространяемые просветительские материалы (брошюры) были переведены на татарский язык.

Организация юбилея осуществлялась междуведомственной комиссией, наиболее значительные роли играли высшие лица и видные деятели Казанского военного округа, губернской, городской и земской власти, представители дворянства, Казанского отделения Императорского военно-исторического общества. Предварительное обсуждение подготовки к торжеству состоялось еще за полтора года на совещании представителей Учебно-окружного управления, администрации военного округа, различных учреждений и обществ, а также начальства средних мужских и женских учебных заведений (30 апреля 1911 г.). Было подчеркнуто, что: «Чествование их (*событий* – Е.К.), по их глубокому значению в жизни родины ... должно носить характер общенародный, причем одушевляющие отдельные лица и учреждения чувства должны будут слиться в общем ликовании»³. Затем для детальной разработки программы в Казани был создан специальный комитет, в уездных городах проводились совещания под председательством местных предводителей дворянства.

Юбилей отличался пышностью и широкомасштабностью. Праздник состоял из массовых публичных торжеств (в губернском и уездных городах, волостных селах, некоторых дворянских усальбах) и мероприятий в различных учреждениях. Наиболее крупное торжество прошло в Казани, продемонстрировав высокий уровень праздничной мемориальной культуры (содержание программы, разнообразие и количество мероприятий, праздничный антураж, создание визуальных образов).

---

² НА РТ. Ф. 2. Оп.2. Д. 12810. Л. 1-1об.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп.2. Д. 12810. Л. 42–43об.

Началом главного дня юбилея стало богослужение в Благовещенском соборе, оттуда процессия крестным ходом и торжественным шествием с национальными флагами проследовала на Арское поле, где состоялись благодарственное молебствие и парад. Во второй половине дня весь город был превращен в «пространство праздника». В разное время прошли: торжественный акт в Дворянском собрании, военно-исторические спектакли в театрах и клубах, народные гулянья. Вечером праздничный настрой был усилен иллюминацией, фейерверками, бенгальскими огнями. В 10 часов вечера в Дворянском собрании прошло заседание Казанского отделения Императорского Военно-исторического общества, которое выступало одним из организаторов торжества.

Можно выделить несколько ведущих структурно-смысловых компонентов праздника:

Военный. В официальных документах изначально подчеркивалось, что торжество имеет в первую очередь военный (военно-мемориальный) характер. Апофеозом были столичные мероприятия, прошедшие в Москве и на Бородинском поле. В Казани в параде приняли участие войска Казанского гарнизона и потомки участников Отечественной войны. Присутствовали десятки тысяч зрителей, в их числе (со специально выделенными местами) – представители всех ведомств и учреждений, сословных обществ, мусульманского населения, патриотических организаций, учебных заведений, пожарных команд и др.

Во время разработки программы казанского празднования обсуждался военно-исторический «сюжет» мероприятий. На упомянутом совещании 30 апреля 1911 г. были сделаны следующие предложения: «Церемониальный марш войск по главным улицам города, по тротуарам – зрители. В дефилировании должны принять участие мужские учебные заведения, для учащихся женских учебных заведений – устроить в известных местах помосты, чтобы они могли осыпать цветами войска и учащихся. Это зрелище должно быть потрясающим и умирительным.... Прекрасно было бы устроить историческое шествие различных частей войск применительно к 1812 г. – в обмундировании частью русских, частью французских

(пехота, кавалерия, артиллерия и др.)»⁴. Однако попечитель Казанского учебного округа заметил, что исторические костюмированные шествия «не в наших нравах», да и нет средств на их устройство. Он также находил рискованным прямое участие учащихся в параде войск.

Духовно-религиозный. Обязательным компонентом торжества были церковные службы, что соответствовало традиционному церемониалу и роли православия как официальной религии государства. Однако в этом празднике значимость церковного начала была особо выражена.

В Казани богослужения, сопровождаемые пастырскими поучительными словами, прошли во всех храмах, включая домовые церкви учебных заведений, больниц и пр. 26 августа в Благовешенский собор к началу литургии проследовали крестные ходы с почитаемыми иконами из Казанского Богородицкого монастыря, Тихвинской церкви и Владимирского собора. По мнению городского полицмейстера среди людей, шедших в Кремль, «...выделялись крестьяне окрестных селений, следующие в кафедральный собор со своими значками-хоругвями с надписями «За веру, царя и Отечество» и «Боже, царя храни»⁵.

Просветительный и воспитательный. Одной из ведущих задач устроителей праздника было ознакомление населения с историческим значением знаменуемого события, в связи с чем в программы мероприятий включались краткие речи, доклады, чтения (просто лекционные и с «туманными картинками»), планировалось приобретение книг для библиотек, раздача популярных брошюр.

Наиболее глубоко просветительная и воспитательная направленность («для сохранения в сердцах молодежи благоговеющей памяти к празднуемому событию...») проявилась в торжественных актах учебных заведений. Это начало распространялось и на взрослое население (в учреждениях), но в значительно более поверхностном виде.

Городом была издана брошюра «Година бед – година славы», а губернским земством – «1812 год» (на русском и татарском языках).

⁴ НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д. 12810. Л. 42об.

⁵ НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д. 12810. Л. 108.

В них излагалось упрощенное и идеологизированное представление о событиях.

В проведении мероприятий активно проявило себя Общество трезвости, занимавшее твердые монархические позиции. В зданиях Алафузовского театра, в начальном училище Козьей слободы, в домах самого общества, в Адмиралтейской патриотической прогимназии и Некрасовской читальне состоялись показы «туманных картин» с пояснительными чтениями.

Культурно-зрелищный. Все праздничные мероприятия включали литературные, музыкальные, театральные номера, объединенные патриотической идеей. В программу торжественного акта в Дворянском собрании вошли: чтение стихотворения к бюсту императора и других поэтических произведений, исполнение торжественной кантаты в память юбилея (музыка А.Д. Кастальского, хор под управлением И.С. Морева), краткий доклад о Бородинской битве (член военно-исторического общества Генерального штаба полковник В.Н. фон Энгель), военная музыка и т.д.

В Алафузовском театре, Манеже военного училища, Гоголевском театре, Новом клубе были даны военно-исторические спектакли. В кинотеатрах бесплатно демонстрировалась картина «Отечественная война» – в «Пассаже» для детей, в «Аполло» для нижних чинов гарнизона. Также для юной публики было дано представление в цирке Никитина.

Развлекательный. Развлекательные действия демократического характера были «рассредоточены» по всему городу. В садах Русская Швейцария и Черное озеро спортивными обществами «Сила и здоровье» и «Беркут» были устроены показательные выступления, соревнования и конкурсы. В тех же садах, а также на Мочальной и Юнусовской площадях, в Адмиралтейской, Козьей и Ягодной слободах проходили народные гулянья с музыкой и танцами. В татарской части города был организован праздник типа Сабантуя. С вечера до полуночи во многих местах играли оркестры, исполняя русский гимн и туш.

Декоративный. Этот компонент юбилея имел существенное значение, так как формировал и визуализировал образ празднуемого события. Судя по отчету казанского полицмейстера «декорация праздника» была впечатляющей даже с современной точки зрения:

«Почти все здания города были хотя чем-нибудь да и украшены (кроме отдельных на окраинах), на некоторых – не считая национальных флагов имелись специальные украшения, а вечером, местами – в окнах и на балконах были выставлены украшенные и иллюминированные бюсты участников Отечественной войны и нынешнего императора, местами транспаранты с портретами, или их инициалы, или даты 1812 – 1912, или световые картины с сюжетами Отечественной войны, из которых особенно выделялись: «Переход через Неман» (поставленная у здания Коммерческого училища), «Совет в Филях» (на здании депутатов дворянства), «Бородинский бой» (у дворца командующего Казанского военного округа), «Пожар Москвы» (на здании городского театра), «Конвоирование пленных французов» (на здании Главного почтамта), «Бегство Наполеона» (на здании Военного штаба), «Переправа через Березину» (на доме Даниловой), «Деятели Отечественной войны» (в окнах Офицерского собрания), «Наполеон на Поклонной горе»; «Кутузов», «Старостиха Василиса» (у здания городской управы)»⁶.

На Театральной площади помимо декоративного убранства был установлен временный памятник Кутузову, на здании театра светился электрический вензель «1812».

Вечером по линиям трамвая были пущены вагоны-платформы с живыми картинами «Смерть Энгельгардта», «Пожар Москвы», «Партизаны», «Конвоирование пленных французов, в сопровождении оркестров и хоров.

Безусловно, празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. стало наиболее репрезентативной коммеморацией XIX – начала XX в. (в преддверие 300-летия Дома Романовых). Отчеты губернских, городских и уездных чиновников фиксируют исключительно положительную реакцию населения, радостное состояние людей, «полное сознание переживаемого момента». Из рапорта казанского губернатора: «Празднества встретило живой отклик у населения, которое провело их в сознании их значения, а принимавшие участие приложили все усилия, чтобы возложенная на них задача была выполнена торжественнее, понятнее для населения»⁷.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 108.

⁷ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 163.

Трагическая ирония заключается в том, что этот единый эмоциональный патриотический подъем был отмечен за два года до Первой мировой войны, за пять лет до крушения Российской империи.

Кокшарова И.В.

**«Сей день есть один из знаменитейших...»: Малоярославец
и юбилейные торжества в 1912 и 2012 гг.**

Малоярославец – старинный русский город Калужской губернии, основанный в 1402 г. верейско-белозерским князем Владимиром Андреевичем. Этот маленький провинциальный городок, привольно раскинувшийся на правом высоком живописном берегу реки Лужи, в 1812 г. стал «пределом нападения, началом бегства и гибели» Великой армии Наполеона. 12 октября 1812 г. в городе произошло сражение, длившееся 18 часов, в ходе него город 8 раз переходил из рук в руки. В сражении участвовало около 24 тысяч воинов наполеоновской армии и около 30 тысяч русской. Потери каждой армии составили до 7 тысяч человек. Необыкновенное упорство, проявленное обеими сражавшимися сторонами, ставит Малоярославецкое сражение 12 октября 1812 г., в ряд самых ожесточенных и кровопролитных боевых столкновений всех наполеоновских войн. Неслучайно главнокомандующий русской армии М.И. Кутузов, в рапорте императору Александру I о сражении при Малоярославце писал: «Сей день один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции».

События октября 1812 г. навсегда остались в памяти современников, остались они и в памяти потомков, во многом благодаря тому, что 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. отмечался в России, как одна из крупнейших дат военной истории.

7 мая 1910 г. Высочайшим повелением была создана специальная межведомственная комиссия по празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Согласно общегосударственной программе подготовки к юбилею, предполагалось привести в порядок воинские захоронения, чем должно было заняться военное министерство. 5-й армейский корпус под командованием генерала А.И. Литвинова, чьи полки были участниками Малоярославецкого

сражения, взял на себя обязательство увековечить память героев войны в Малоярославце.

Братские могилы русских воинов выглядели плачевно. Небольшие холмики с ветхими деревянными крестами, без надписей, обнесенные такими же ветхими деревянными решетками.

Ответственность за разработку проектов и строительство памятников была возложена на командира 23-го саперного батальона А.В. Вехновского. Ему помогал подпоручик саперного батальона П.А. Волоцкий. Памятники на трех братских могилах были возведены к октябрю 1912 г.

Многие малоярославецкие памятники требовали ремонта.

Монумент, установленный в 1844 г. на центральной площади города по Указу императора Николая I.

Часовня, построенная «в память воинов на брани убиенных» в 1860 г. участником Малоярославецкого сражения Федором Максимовичем Максимовым. Ежегодно, 12 октября, к часовне в день памяти Малоярославецкого сражения их монастыря и городских церквей, совершался крестный ход для совершения панихиды по погибшим в сражении православным воинам.

Одна из главных достопримечательностей города Николаевский Черноостровский монастырь. Во время сражения монастырь, оказавшийся в центре боевых действий, почти постоянно находился под перекрестным огнем. Практически все его постройки были сожжены и разрушены, церковь разграблена. Одним из немногих свидетелей тех октябрьских дней стали Святые ворота монастыря. Это единственное монастырское строение, уцелевшее после сражения. На воротах до сих пор видны следы от пуля и картечи. По Высочайшему повелению императора Николая I в память о сражении оставшиеся на воротах следы от попадания снарядов решено было при ремонтах оставлять неприкосновенными.

Восстановление разрушенной обители началось сразу же после ухода из города французов. Все свои силы и время настоятель монастыря отец Макарий отдавал делу его возрождения. Необходимо было не просто возобновить разрушенные войной постройки, но вместо старого небольшого храма возвести новый, который «был бы достойным памятником и выражением приснославного события».

Благодаря стараниям отца Макария, обитель приобрела статус

памятника Отечественной войны 1812 г. Такое же значение придавали Малоярославецкому монастырю император Александр I, императрица Мария Федоровна, император Николай I, совершавшие в пользу монастыря денежные пожертвования. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в 1826 г. посетила Черноостровскую обитель. Наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) посетил монастырь в 1837 г. Его высочество обозревал с балкона настоятельского корпуса поле знаменитой битвы.

Огромная заслуга в возобновлении обители также принадлежала московскому купцу, уроженцу Малоярославца Терентию Елизаровичу Целебееву.

В 1839 г. в монастыре было завершено строительство собора во имя Святителя Николая Чудотворца. Он стал памятником всем, кто погиб у «.. стен одного монастыря за веру, царя и отечество...»

Свидетелем Малоярославецкого сражения является и Собор во имя Казанской Иконы Божьей Матери, построенный в 1744 г. на средства помещика Малоярославецкого уезда Афанасия Прокопьевича Радищева – деда знаменитого писателя.

Здание Присутственных мест, постройки 1810 г., также пострадало, но уцелело.

Памятник Савве Ивановичу Беляеву, стоял перед городским мужским училищем, носившим его же имя. Инициатором установки памятника был калужский уездный воинский начальник, ветеран Отечественной войны 1812 г. – генерал-майор А.Я. Миркович. Подписные листы по сбору средств на памятник рассылались по всей России, и в 1899 г. памятник был открыт. На пьедестале надпись: «Доблестному патриоту С.И. Беляеву благодарная Россия».

С.И. Беляев – родился в Малоярославце. В 1812 г. он служил повытчиком нижнего земского суда. В период пребывания неприятеля на территории Калужской губернии, С.И. Беляев был смотрителем войсковых кордонов и армейского транспорта с провиантом, а также содержал в своем доме на собственном иждивении раненных русских солдат. За это он был награжден бронзовой медалью. Среди местных жителей существовала легенда, будто бы Савва Беляев, перед занятием города французскими солдатами, разрушил мельничную плотину на реке Луже, вода

разлилась по заливным лугам, что задержало вход французов в Малоярославец.

В 1912 г., на центральной площади заканчивались работы по возведению Храма-памятника Отечественной войны 1812 г. – церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Храм было решено построить на месте старой Успенской церкви, которая была свидетелем Малоярославецкого сражения. 12 октября 1812 года церковь была осквернена – в ней находились конюшни генерала Гильемино. К началу XX столетия церковь обветшала и пришла в негодность. Строительство нового храма было решено приурочить к 100-летию юбилею Малоярославецкого сражения. В марте 1909 года открылась всероссийская подписка на сооружение храма, который стал еще одним свидетелем мужества и героизма русского народа.

С освящения храма Успения Пресвятой Богородицы, 11 октября 1912 г. начались торжества, посвященные 100-летию Малоярославецкого сражения. Они стали одним из самых ярких событий в жизни города начала XX в. Как писал историк и археограф начала XX в. В.И. Асонов, по своему содержанию и значению юбилейные торжества в Малоярославце «заслуживают того, чтобы закрепить их в памяти народной...»

Чисто прибранный, украшенный флагами и гирляндами город ожидал гостей. Они стали съезжаться в Малоярославец уже накануне праздника, 10 октября. Многочисленные делегации от воинских частей, в том числе и тех, которые принимали участие в сражении за Малоярославец, сделали небольшую привокзальную площадь похожей на настоящий плац-парад. Прибывший из Москвы оркестр военной музыки Екатерининского полка вносил особое праздничное оживление в густую толпу гостей, встречающих и просто зевак.

Утром следующего дня 12 октября в город прибыли самые почетные гости: командующий войсками Московского военного округа генерал П.А. Плеве и калужский губернатор князь С.Д. Горчаков, председатель калужской губернской земской управы К.А. Шумовский, член управы Д.А. Миллер, председатель Калужской ученой архивной комиссии В.И. Асонов.

Сенатор А.А. Офросимов, бывший губернатор Калужской губернии, был одним из организаторов подготовки празднования

100-летнего юбилея войны 1812 г. Он присутствовал на торжественном освящении храма 11 октября 1912 г. в Малоярославце, специально прибыв для этого из Петербурга и зачитав благодарственную телеграмму императора Николая II участникам торжеств.

12 октября к 9 часам воинские части выстроились на центральной площади напротив Монумена и вдоль Дворянской улицы. Тут были представители войсковых частей от Лейб-гренадерского Екатеринославского полка, гренадерских полков - Ростовского, Перновского, Нежвижского, Киевского, Таврического, Московского, Сибирского, Малороссийского, Фанагорийского, Астраханского; гренадерского саперного батальона; пехотных полков - Софийского, Нарвского, Копорского, Новоингерманладского, Псковского, Смоленского, Полоцкого, Томского; от кавалерии (в пешем строю) – Лейб-драгунского Московского и гусарских – Сумского, Черниговского, Нежинского; от артиллерии - 1-й батальон 1-й гренадерской и 4-й батальон 3-й артиллерийской бригады. Кроме того, в строю были команды 23-го саперного батальона и местная конвойная команда. Генералы и большая часть офицеров были в новой форме. Широкое участие российской армии в юбилейных торжествах подчеркивало то поистине историческое значение, которое имело Малоярославецкое сражение в Отечественной войне 1812 г.

Ровно в 9 часов утра началась литургия в новом Успенском храме. Литургию совершал епископ Калужский и Боровский Тихон с местным духовенством. Среди них выделялись настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря игумен Илия и архимандрит Венедикт Боровского Пафнутьева монастыря; пел архиерейский хор. На литургии присутствовали почетные гости и офицеры, прибывшие на торжества. После службы под звон колоколов всех городских храмов крестный ход медленно направился по улице Дворянской к братским могилам воинов, погибших в сражении за город 12 октября 1812 г. По пути стояли войска, которые при прохождении мимо них крестного хода приветствовали праздничное шествие, а военный оркестр играл гимн Д.С. Бортнянского «Коль славен».

У главного памятника был устроен помост. Здесь епископом

Тихоном была отслужена торжественная панихида, а на другой могиле - лития. Затем памятники, специально воздвигнутые к столетнему юбилею, были торжественно открыты. После этого вся процессия остановилась у часовни, потом направилась обратно по Дворянской улице к памятнику С.И. Беляеву, где также была отслужена лития. Затем крестный ход вернулся к монументу. В торжественной обстановке около него были зачитаны Поздравительные адреса. Далее под звуки военных маршей, исполняемых Московским духовым оркестром, свое искусство и выправку демонстрировали русские солдаты – потомки воинов, сражавшихся за город и отдавших свои жизни за Родину, а также «потешные» войска.

По окончании парада, к подножию монумента было возложено 11 венков, украшенных лентами с соответствующими событию надписями и живыми цветами. Особенно замечателен был серебряный венок, поднесенный от калужского губернского земства. Вечером 12 октября городская площадь и ближайшие улицы были ярко иллюминированы. Жители и гости города гуляли в сиявшем огнями Александровском саду, а также по красиво убранным флагами и гирляндами площадям и улицам.

Не осталось уже живых свидетелей, описанных выше событий. Лишь на пожелтевших от времени снимках калужского фотографа Ф.Т. Протасевича, мы видим лица участников этих торжеств. Чиновники, духовенство, солдаты в парадной форме, городская детвора... Что-то неуловимое объединяет нас со всеми этими далекими для нас людьми...

Юбилейные торжества закончились. Многие городские памятники ждала непростая судьба.

После 1917 г. Николаевский Черноостровский монастырь и часовня были национализированы. В 1925 г. местные власти постановили разобрать монастырские постройки на кирпич для продажи. Этого не произошло, лишь благодаря действиям Малоярославецкого отделения Калужского общества истории и древностей.

В здании Часовни одно время была парикмахерская. С 1948 г. до 1985 г. в ней располагался Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 г. В 1987 г. в здании бывшей Часовни была открыта

диорама «Сражение за Малоярославец 12/24 октября 1812 года». Диорама выполнена народным художником Российской Федерации Е.И. Дешалытом.

В соборе во имя Казанской Иконы Божьей Матери долгие годы работал городской кинотеатр.

Монумент, который вплоть до 1917 г. находился под охраной уездного воинского начальника, в начале 1930-х гг. был разрушен, так же как и бюст С.И. Беляева.

Но в то же время, в городе появлялись новые памятники Отечественной войне 1812 г. В 1950-х гг. в Малоярославце был разбит сквер 1812 г., в котором в 1955 г. был установлен гипсовый бюст М.И. Кузцова. К 175-летию Малоярославецкого сражения, в 1987 г. установлен новый бронзовый бюст М.И. Кузцова.

В 1950-е гг. группой калужских скульпторов был выполнен новый бюст С.И. Беляева, который и сейчас стоит в центре города. В 1992 г. на монастырской площади французскому генералу А.Ж. Дельзону, погибшему в Малоярославецком сражении, его потомками из французского города Орияка был установлен мраморный обелиск. В 2000 г. открыт памятный знак на месте расположения огневой позиции русской артиллерии. К 190-летию сражения были установлены памятные знаки пехотинцам и гренадерам, сражавшимся в Малоярославце в октябре 1812 г. В 2012 г., в память воинов, погибших в Малоярославецком сражении, на монастырской площади была возведена часовня во имя Архангела Михаила.

Сегодня Малоярославец – это город-памятник 1812 г. В нем сосредоточены десятки памятников и памятных знаков, посвященных судьбоносному сражению и доблести русских солдат и офицеров. В 1939 г. в городе был создан военно-исторический музей 1812 г. Поэтому далеко не случайно, что именно в Малоярославце в 2005 году было положено начало обширной многоплановой деятельности по подготовке к всероссийским торжествам, посвященным празднованию 200-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. 22 октября 2005 года по инициативе военно-исторического музея 1812 г. в городе был организован «круглый стол», на котором рассматривались вопросы координации действий всех уровней власти, научных и деловых кругов, духовенства по подготовке к празднованию предстоящего 200-летнего юбилея. Обсуждался ход

проведения мероприятий не только в столице, но и в провинции, на местах важнейших сражений русской армии. Были разработаны перспективные планы научно-исследовательских, реставрационных, строительных и других работ.

С этого момента в России развернулась активная работа по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. Комплекс мероприятий по ее реализации был определен Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным «О праздновании 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 года» от 28 декабря 2007 г. Этим же Указом была создана Государственная комиссия по подготовке знаменательного и очень значимого для истории нашего отечества юбилея. Ее возглавил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. В состав госкомиссии вошел и губернатор Калужской области А.Д. Артамонов. В целях содействия Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. был создан Общественный совет при Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. В этот Совет вошли ведущие историки и общественные деятели России. От Калужской области в него была включена директор Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 г. Н.В. Котлякова.

Совместными усилиями администрации города Малоярославца и музея была разработана и принята Муниципальная целевая программа «Подготовка к празднованию 200-летия Малоярославецкого сражения Отечественной войны 1812 года на 2007-2012 годы». В рамках этой программы в администрации города состоялись заседания рабочей группы, на которых рассматривались вопросы подготовки к празднованию юбилея. В частности, обсуждались проблемы реализации проекта восстановления памятника Отечественной войны 1812 г. -Монумента, установленного в Малоярославце в 1844 г. по указу императора Николая I и разрушенного в начале 1930- х гг.

Мысль о воссоздании монумента волновала жителей города на протяжении длительного времени. Но лишь в начале XXI в. были приняты действенные меры по восстановлению монумента. 30 июля 2010 г. в Калуге состоялась встреча губернатора Калужской области

А.Д. Артамонова с Главой администрации города Малоярославца А.А. Гейзером, заместителем горисполкома белорусского города Полоцка С.К. Красовским, генеральным директором ОАО «Технолит Полоцк» Л.В. Петровым, директором проектной фирмы ОДО «Мастак-Сервис» И.М. Руденей. Во время этой встречи был заключен договор об изготовлении монумента.

По всей Калужской области был объявлен сбор добровольных пожертвований на восстановление Монумента. Помощь оказывали жители Калужской, Московской, Липецкой областей. В ходе работ сотрудники фирмы «Мастак-Сервис» внесли дополнения в проект памятника. Ими был разработан уникальный каркас, что позволило уменьшить вес конструкции, увеличить устойчивость, повысить удобство при его монтаже и эксплуатации.

Конструкторской документацией, изготовлением моделей для литья деталей памятника из чугуна занималось ОАО «Технолит Полоцк». Минский скульптурный комбинат выполнил литье элементов из бронзы: двуглавых орлов, капителей, маленьких куполов и большого купола с крестом, памятных досок.

11 декабря 2010 г. прошла торжественная церемония освящения и водружения креста на вершину монумента.

Возрожденный монумент гармонично вписался в существующий историко-архитектурный ансамбль Малоярославца и занял свое достойное место среди многочисленных памятников архитектуры и истории города.

3 апреля 2012 г. в Малоярославце прошло заседание Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 г. Его провел руководитель Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванов.

Рассказывая о героической истории Малоярославца, губернатор Калужской области А.Д. Артамонов отметил его особую роль в Победе России в Отечественной войне 1812 г., а также важность сохранения для потомков облика нашего города-памятника.

А.Д. Артамонов обратился к членам комиссии с предложением поддержать инициативу области о присвоении Малоярославцу почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы». Инициатива была поддержана и, 7 мая 2012 г.,

соответствующий указ был подписан Президентом России, Малоярославу было присвоено звание «Город воинской славы»

В предъюбилейные годы велись активные ремонтные и реставрационные работы в церкви Успения Пресвятой Богородицы, в соборе во имя Казанской Иконы Божьей Матери, в Николаевском Черноостровском монастыре, на братских могилах русских воинов, в сквере 1812 г.

В рамках подготовки к 200-летию юбилею, военно-исторический музей 1812 г. организовал проведение круглого стола по теме: «Отечественная война 1812 года и российская провинция. Проблемы изучения. Источники. Памятники», на котором вновь были затронуты многие актуальные темы, касающиеся проблем и перспектив изучения Малоярославецкого сражения. В юбилейном году был завершен крупный издательский проект музея – сборник «Малоярославецкое сражение 12\24 октября На это мероприятие года. Документы. Письма. Дневники. Воспоминания». Кроме этого, в музее была создана новая интерьерная экспозиция «Уездный город Малоярославец. 1912 год», которая посвящена празднованию 100-летнего юбилея Малоярославецкого сражения.

К предстоящим торжества готовились и руководители города, и простые жители – трудящиеся коллективов и организаций, учащиеся школ.

Команда исторического клуба «Авангард» из Малоярославца заняла первое место в викторине «»Дорогами 1812 года», которая проводилась Бородинским Музеем-панорамой и туристической компанией «Отечество». 12 октября в нашем городе прошел первый городской бал посвященный победе России в Отечественной войне 1812 г.

И вот наступил долгожданный юбилей. На радость жителей и гостей города выдалась необычайно теплая солнечная погода. Юбилейные мероприятия 20 октября открылись торжественным митингом. О моменте его открытия сообщили звуки фанфар и выступление ансамбля юный барабанщиц. Всех присутствующих на митинге приветствовали Глава МОГП «Город Малоярославец» О.В. Цируль, Глава Муниципального Образования «Малоярославецкий район» Ю.В. Осипов, Советник канцелярии Главы Российского императорского дома – К.К. Немирович-Данченко зачитал

поздравительное письмо от Ее императорского высочества Великой княгини Марии Владимировны. Со словами приветствия и поздравлениями выступили представители городов-побратимов, гости из Республики Беларусь, представители г. Полоцка.

После приветствий и поздравлений, в честь открытия сквера и Монумента в небо взлетели воздушные шары цвета знамен полков русской армии в войне 1812 г. Исполнением песни «Россия матушка» концертную программу открыла учащаяся Малоярославецкого политехнического техникума Екатерина Гусакова. Далее вниманию зрителей был предложен концерт большого симфонического оркестра Министерства обороны РФ, выступление ансамбля казачьей песни из г. Обнинска. В концертной программе также выступили заслуженная артистка России Лидия Музалева и солист Государственного музыкального театра национального искусства Игорь Милюков. А поздно небо над городом запыхало огнями праздничного салюта.

В воскресенье 21 октября торжественные мероприятия начались с богослужения в Николаевском соборе Черноостровского монастыря, которое возглавил Митрополит Калужский и Боровский Климент. После объединенного крестного хода у Монумента Славы прошла лития памяти погибших воинов. Затем состоялся торжественный митинг. Вместе с губернатором Калужской области Анатолием Дмитриевичем Артамоновым в митинге приняли участие почетные граждане города ветераны Великой Отечественной войны, члены военно-исторических клубов, учащиеся кадетских классов общеобразовательных учреждений города. Собравшиеся возложили цветы к Монументу 1812 г. Под военные марши, которые исполнил духовой оркестр в костюмах гусар, времен войны 1812 г., начался парад участников военно-исторических клубов. После парада, участники реконструкции проследовали на Ивановский луг, куда уже стекался народ и занимал удобные места на высоких склонах у реки Лужи. С них, как с амфитеатра можно было наблюдать за реконструкцией Малоярославецкого сражения, которую показали участники военно-исторических клубов.

Надолго останется в памяти участников юбилейных мероприятий величие, пышность, красота празднования 200-летнего юбилея Малоярославецкого сражения и победы в Отечественной войне 1812 г.

Литература:

1. Кокшарова И.В., Суворова Е.В., Щебикова Е.А. Из истории Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года// Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22-23 октября 2004 г. Малоярославец, 2005.
2. Малоярославец. История и современность. Калуга, 2002.
3. Суворова Е.В., Щебикова Е.А. В память славных деяний своих предков. Калуга, 2012.
4. Щебикова Е.А. Монумент в память Малоярославецкого сражения 12 октября 1812 года. Калуга, 2011.

Морозов Н.А.

**Отражение событий войны 1812 г. на юбилейной выставке
Владими́ро-Суздальского музея-заповедника
«Недаром помнит вся Россия...»**

Во Влади́миро-Суздальском музее-заповеднике Отечественной войне 1812 г. посвящены соответствующие разделы Исторического музея и военно-исторической экспозиции в Золотых воротах в г. Влади́мире. Разделы небольшие, что можно объяснить как ограниченной экспозиционной площадью, так и относительно небольшим количеством непосредственно связанных с этой войной экспонатов в фондах музея.

Несмотря на это, оставить без внимания юбилей победы в Отечественной войне 1812 г. музей-заповедник не мог. Хотя на территории Влади́мирской губернии и не происходило боевых действий, наш край сыграл заметную роль в событиях того времени. Многие владими́рцы участвовали в боях с Наполеоном в составе действующей армии. С краем связаны имена героев Отечественной войны Петра Ивановича Багратиона, Михаила Семёновича Воронцова, Михаила Фотиевича Митькова и других. На территории губернии формировались резервы русской армии, лечились раненые воины. С началом войны в губернию устремился поток беженцев. Во Влади́мир эвакуировались некоторые московские учреждения, здесь оказались военный губернатор Москвы граф Ф.В. Растопчин, московские гражданский губернатор Н.В. Обресков и обер-полицмейстер П.А. Ивашкин. Из Москвы во Влади́мирскую губернию были вывезены древние святыни – иконы Влади́мирской и Иверской Богоматери.

14 августа этого года в 2-х выставочных залах площадью 130 кв.м была открыта выставка «Недаром помнит вся Россия...». Ее авторы отказались от подробного показа хода боевых действий. Утверждённые Учёным советом концепция и структура выставки предусматривали, прежде всего, показ этой войны как одной из самых героических страниц истории России, войны освободительной, народной, не случайно ставшей первой

Отечественной войной. События 1812 г. продемонстрировали – как и происходившее на 200 лет раньше освобождение Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского – способность к объединению, невзирая на социальные, национальные и иные различия. Такой подход был важен и потому, что эта выставка стала первым из трёх музейных выставочных проектов, посвящённых 1150-летию зарождения Российской государственности.

Главная идея выставки раскрывалась на примере широкого участия владимирцев в войне в составе регулярной армии и ополчения, патриотизма населения в тылу. Материалы об этом объединялись в первый раздел выставки – «Эпоха 1812 года». Второй раздел, меньший по объёму – «И вечной памятью двенадцатого года», посвящался увековечению памяти этой войны.

Как проходила работа по созданию выставки? Были предприняты шаги по расширению привлекаемых экспозиционных материалов. В областном архиве были отобраны интересные документы для копирования, например, приказ М.И. Кутузова о вступлении Владимирского ополчения в Москву (с подписью главнокомандующего). С руководством архива был подписан договор о сотрудничестве, в соответствии с которым архив изготовил для выставки на бумаге XIX в. 12 высококачественных копий документов.

Конечно, хотелось обогатить выставку и вещевыми экспонатами. С этой целью мы связались в Москве с «Международной военно-исторической ассоциацией», которая передала музею-заповеднику на период работы выставки (не бесплатно) форму, снаряжение и вооружение рядового Московского пехотного полка и капрала 9-го лёгкого полка французской пехоты, изготовленные в точном соответствии с подлинниками. У частного коллекционера были получены для экспонирования на выставке предметы, найденные на местах боёв с французами: пули, детали ружей, пуговицы от мундиров, эмблемы и т.п. В антикварных магазинах были найдены и приобретены похвальный лист ученика училища в Гусь-Хрустальном с оформлением, посвящённым 100-летию юбилею Отечественной войны; редкое издание 1942 г. героической комедии «Давным-давно» нашего земляка, уроженца г. Муром, Александра Гладкова. Собрали более десятка значков, посвящённых войне 1812 г.

Важным было и создание художественного образа выставки. Цветовая гамма выдержана в бежево-золотистых тонах. В оформлении использовались баннеры, инсталляции отдельных сюжетов. Центр выставки – 4-метровый баннер с изображением Бородинского сражения. Сделан он с литографии, оригиналом для которой послужила картина немецкого художника Питера Гесса. Картина ценна своей точной повествовательностью, обилием добросовестно переданных подробностей. Изображён самый напряжённый момент боя. На переднем плане раненый П.И. Багратион отдаёт последние распоряжения остановившемуся перед ним на белом коне командиру 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницыну. Для нас этот сюжет был особенно важен, поскольку на открытии выставки присутствовала четырежды правнучка генерала Коновницына О.В. Зырянова, проживающая во Владимире. На выставке экспонировались переданные ей в музей два платка с рисунками на тему Отечественной войны 1812 г., подаренные её матери к 100-летию юбилею войны. В этом ощущалась связь времён, с 1812 г. и до наших дней.

Перед баннером, на подиуме, – подлинны стволы пушек, ядра, колесо телеги, муляжи орудия, барабана. На манекенах – мундиры русского и французского пехотинцев. В витринах – холодное и огнестрельное оружие. На стене – планшет с именами наших земляков, участвовавших в Бородинском сражении и отличившихся в нём. О событиях начального периода войны рассказывали гравюры, открытки, декоративная ваза с сюжетом из наполеоновских войн, портрет Александра I и копия его манифеста от 6 июля 1812 г., карта-схема отступления русской армии.

Половина второго зала была разделена на 3 отсека. В первом помещён материал о занятии Наполеоном Москвы, о Владимире того времени, о партизанской войне, Владимирском ополчении. Оно было сформировано из шести полков численностью более 15 тысяч человек. Ополченцы закрыли дороги французам в неразорённые области, вели разведку, конвоировали пленных, участвовали в освобождении от неприятеля г. Богородска. После ухода армии Наполеона из Москвы ополчение несло там гарнизонную службу, а позднее – на территории Украины и Белоруссии. Увеличенное изображение акварели художницы М.В. Мыслиной «Владимирское

ополчение», крестьянская одежда, сельскохозяйственные орудия, служившие крестьянам оружием (вилы, коса), придают образность теме.

Второй отсек решён в виде условного фрагмента интерьера дома дворянской усадьбы. На стене – портреты дочери А.В. Суворова Н.А. Зубовой и двух её дочерей. В 1812–1813 гг. Наталья Александровна продолжительное время жила во владимирском имении Фетиньино. Сюда адресованы и лежащие на столе копии писем её сыновей Платона и Александра, учившихся в Пажеском корпусе. Несколько строк в письмах посвящены начавшейся войне. В этом же отсеке иллюстративные и документальные материалы о пребывании в губернии известных лиц (Ф.В. Растопчина, А.С. Грибоедова, К.Н. Батюшкова и др.); рисунки итальянского художника Сальватора Тончи, бежавшего из Москвы от французов и нашедшего приют во Владимире. Здесь и материалы о госпитале, который организовал в своей усадьбе Андреевское Покровского уезда Михаил Семёнович Воронцов. Раненый в Бородинском сражении, он отправился на лечение в свою усадьбу. Вместе с ним в Андреевском лечились от ран до 50 офицеров и более 300 рядовых. Ряд экспонатов повествует об обстоятельствах смерти П.И. Багратиона в с. Сима, в имении Б.А. Голицына, руководителя Владимирского ополчения. Жена Голицына была родственницей П.И. Багратиона, поэтому с этой семьёй его связывали тесные дружеские отношения. Кстати, в музее г. Юрьева-Польского, ранее входившего в состав нашего музейного объединения, экспонируется карета, в которой в Симу привезли раненного П.И. Багратиона.

В третьем отсеке размещены материалы об изгнании французской армии из России, окончании войны с Наполеоном. Представлены гравюры с изображением основных сражений (при Тарутине, Малоярославце, Красном, на Березине), отступления французской армии и вступления русских войск в Париж. Выделен комплекс о 9-м Сибирском и 10-м Малороссийском гренадерских полках, в т.ч. знамя 9-го Сибирского гренадерского полка образца 1816 г. Эти полки позднее квартировали во Владимире. Представлен наградной материал: наградной крест для духовенства, медали «За взятие Парижа» и «В память Отечественной войны 1812 г.» с пророческими словами: «Сей славный год минул, но не пройдет

содеянные в нём подвиги». В этом зале также экспонируются скульптуры «П.И. Багратион», «М.И. Кутузов», декоративная ваза с изображением отступающей французской армии.

Представлен разнообразный материал об увековечении памяти о войне: изображения Александровской колонны в Петербурге, храма Христа Спасителя в Москве, фотографии ряда монументов на Бородинском поле, автором 13 из них был наш земляк Алексей Павлович Верещагин и другие. Здесь же известные барельефы Ф. Толстого. Самые разнообразные экспонаты посвящены празднованию в 1912 г. 100-летия победы России в войне: юбилейные платки, наградные медали, памятные жетоны, красочная коробка из под конфет и т.д. Интерес вызывает книга «Спутник для экскурсанта по Бородинскому полю» 1911 г. с советами как добраться до Бородина, что брать в дорогу, как одеваться, что посмотреть и т.п.

Ряд экспонатов связан с осмыслением войны 1812 г. в период Великой Отечественной войны: список владимирцев, награждённых орденом Кутузова, фрагмент текста из его статута, фото и копия наградного листа генерал-майора Д.С. Жеребина, удостоенного этого ордена.

В числе экспонатов и современные памятные монеты, медали, значки, открытки с репродукциями карикатур на тему войны 1812 г., театральные костюмы героев пьесы «Давным-давно» из постановки Владимирского областного театра. Завершают выставку фотографии с ежегодного праздника на Бородинском поле.

Немалое значение имеет информативность выставки. Большие тексты посетители обычно не читают. Поэтому на выставке информационные тексты к каждой теме были краткими, но широко использовались цитаты из дневников и воспоминаний современников, а также из произведений поэзии и прозы XIX в., посвящённых этой эпохе. Экспонаты и тексты как бы поддерживали и дополняли друг друга. Например, рядом с гравюрой «Наполеон Бонапарт делит Европу между своими родственниками» была помещена цитата из донесения полковника А.И. Чернышева Александру I в 1811 г. о планах Наполеона. На стенде с материалами о П.И. Багратионе помещена цитата из воспоминаний врача Якова Ивановича Говорова, находившегося при раненом генерале. Сведения о жизни Владимира во время войны приводятся в отрывках из

дневника князя Д.М. Волконского. В октябре 1812 г. он приехал во Владимир, где находился его больной отец – Михаил Сергеевич. Через несколько дней он умер и был похоронен на городском Князь-Владимирском кладбище. Старший князь Волконский был двоюродным дедом Л.Н. Толстого. Недавно обнаруженное его захоронение на владимирском кладбище – единственное, сохранившееся от 1812 г.

На выставке можно было на телеэкране посмотреть батальные сцены из фильма С. Бондарчука «Война и мир» и сцены из спектакля «Давным-давно». Экскурсии для школьников проводила «кавалерист-девица Надежда Дурова». Она говорила о событиях от первого лица, и такой рассказ воспринимался детьми значительно лучше. Школьники могли подержать в руках осколок ядра, ощутить вес солдатского ранца. После экскурсии им предлагали разгадать кроссворд на тему войны 1812 г., и даже «сразиться» с французами в игре по правилам популярного «Морского боя».

Выставка работала 2 месяца. О впечатлениях от неё говорят многочисленные записи посетителей в книге отзывов. Самое главное, многие записи свидетельствуют о том, что выставка не просто рассказывала о той войне, а заставляла думать. «Испытываешь особый подъём души, гордость за Отечество. Всё преодолеем, всё вынесем, если сплотимся, объединимся – вот о чём думаешь на этой выставке». «Выставка в очередной раз заставила задуматься, что моя Родина – великая страна Россия, которая всегда была великой державой. Примерно такие же мысли выразили мои одноклассники».

Выставку посетило руководство Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г., в том числе праправнучка М.И. Кутузова Кира Михайловна Хитрово-Кромская. Музею был вручён Диплом Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. за деятельность по подготовке празднования этого юбилея. Генеральный директор музея-заповедника С.Е. Мельникова награждена юбилейной медалью Русской Православной Церкви. Дело в том, что кроме создания юбилейной выставки музей-заповедник был одним из организаторов областного конкурса школьников и городского краеведческого конкурса, посвящённых Отечественной войне 1812 г. Сотрудники

музея входили в состав жюри конкурсов. Школьный конкурс проходил в стенах музея с использованием музейных экспонатов. Уже несколько лет музей-заповедник проводит театрализованное представление «Вечно непоколебимая верность. Из истории рода Воронцовых», где рассказывается и о герое войны 1812 г. М.С. Воронцове.

Муртазина Ф.Г.

Разработка и реализация гранта «Война и мир Лаишевского дворянства», посвященного 200-летию Отечественной войны

Музеи, являясь сокровищницей овеществленной человеческой памяти, во все периоды существования общества служили ему источником, пополняющим духовные силы, сохраняющим коллективную память, обогащающим и развивающим интеллект нации. И сегодня современный музей как воспитательно-образовательное учреждение и культурно-досуговая организация одновременно, становится сложным организмом с разветвленной сетью различных современных служб, призванных обеспечивать удовлетворение широкого спектра интеллектуальных запросов общества.

У музеев есть замечательный продукт, который выше всякой конкуренции, - они располагают истинными ценностями. И поэтому совершенно необходимо, чтобы широкая общественность знала, какие сокровища они в себе хранят. Для этого музейщикам приходится проявлять изобретательность, изыскивая оригинальные способы подачи этих сокровищ, чтобы они по-настоящему завораживали публику.

Участие в грантовых конкурсах – это возможность получить дополнительные средства на реализацию музейных проектов. Музей активно принимал участие на соискание гранта Правительства РТ для поддержки проектов творческих коллективов муниципальных учреждений культуры и искусства в номинации «Музейно-выставочная деятельность» Стал обладателем Гранта в 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг., победителем в конкурсе социальных и культурных проектов ОАО «РИТЭК» в Республике Татарстан.

Эта работа требует много творческой энергии и времени, но финансово вознаграждается. Благодаря Грантам, музей смог издать буклеты, открытки, создать выставки, приобрел музейные предметы для создания выставки.

В 2011 г. музей выиграл грант «Война и мир Лаишевского дворянства», посвященный 200-летию Отечественной войны.

В 2012 г. исполняется 200 лет Отечественной войне 1812 г., имевшей огромное международное значение. Русская армия и ополчение не остановились на границах России, а пошли дальше (заграничный поход 1813-1814 гг.) освобождать народы Европы от наполеоновского ига. «Русская кампания 1812 г. поставила Россию в центре войны... Русские войска составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные». Разгром наполеоновской армии на полях России вызвал национально-освободительный подъем поработанных империей Наполеона народов Европы.

М.И. Кутузов, который возглавлял этот освободительный поход русской армии на первом его этапе, писал 24 марта 1813 г. одной из своих дочерей из Пруссии: «Дух в пруссаках такой, что надобно на всяком шагу удивляться. Дворяне лучших фамилий служат рядовыми на свой кошт в солдатских мундирах, и ежели заметят молодого человека с руками и ногами дома, то тот обруган навеки».

По данным 1771-1773 гг. в Лаишевском уезде число всех дворян составило 88 человек, из них в данном уезде проживали 45 единиц.

По архивным данным на войне 1812 г. дворяне Лаишевского уезда храбро защищали Отечество.

Например, потомственный дворянин Владимир Иванович Юшков, 1789 г.р. Его армейская служба: в 1807 г. он стал юнкером, 1809 - корнет, в августе 1811 г.- поручик, 5 декабря 1816 г. – ротмистр, 30 декабря сего года -подполковник. За участие в войне 1812 г. был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», медалью «1812 год». В.И. Юшкову принадлежал сельцо Паново-Садки Лаишевского уезда 1519 душ с землею. Предводитель Лаишевского уездного дворянства - 1843-1846 гг.

Есипов Порфирий Платонович, 1791 г. р., 1803 г. рядовой, в 1813 г. произведен в поручик, уволен в 1817 г., кавалер ордена Святой Анны 3 степени.

Горталов Иван Кузьмич, 1771 г. р., в 1807 г. произведен в капитан, участник Отечественной войны 1812 г., кавалер орденов Святой Анны 2, 3 степени, Святого Владимира 4 степени.

Павел Львович Толстой, участник заграничных походов 1813 - 1814 гг., кавалер орденов Святой Анны - 2 степени, Святого Владимира - 4 степени, в 1815 г. произведен в подполковник.

Предводитель Лаишевского уездного дворянства -1829-1830 гг.

Мельгунов Николай Васильевич, 1787 г. р., в 1808 г.- прапорщик, 1812 г. - штабс-капитан, был поощрен орденом Святой Анны 4, 2 степени, Святого Владимира - 4 степени.

В 1862 году страна отметила 50-летие. Основным замечанием при подготовке данного мероприятия стало издание антигосударственных изданий. К подготовке мероприятия Российская империя предусматривала создание музея 1812 г. Участие в сборе пожертвований участвовали помощник Лаишевского уездного Предводителя дворянств Александр Александрович Лебедев, землевладелец Анатолий Александрович де Ларю и др.

Лаишевцы активно участвовали в сборе пожертвований на сооружение храма – памятника над могилой 22000 русских воинов, павших в бою под Лейпцигом 4-7 октября 1813 г. на сумму 24 рубля 87 копеек.

31 мая 1912 г. Министерством внутренних дел, департаментом общих дел было направлено письмо о праздновании 100 летия Отечественной войны 26 августа сего года.

Проведение торжественного мероприятия было приурочено 26 августа (7 сентября) к 100 летию Бородинского сражения. Население о дне праздника оповещается членами земских правлений, сельскими старостами. Волостное правление и школы украшаются транспарантами, флагами. Обязательное поведение богослужения. После окончания богослужения устраиваются парады с сопровождением пением хорами учащихся и взрослых народным гимном и патриотических песен.

К данному мероприятию было приурочено награждение медалью в память 100 летия Отечественной войны 1812 г. Александр Петрович Горгалов - действительный статский советник, внук отставного подполковника Ивана Кузьмича Горгалова был награжден светло – бронзовой медалью для ношения на груди владимирской ленты.

Грант позволил создать выставку **«Война и мир дворянства Лаишевского уезда»**, посвященную 200 –летию Отечественной войны 1812 г. и дворянству Лаишевского уезда. На выставке представлены копии архивных материалов, непосредственно связанные с участниками Отечественной войны 1812 г. Лаишевского уезда,

антинаполеоновских карикатур, занимавшие столь важное место в политизированном языке искусства той поры, а также созданы интерьеры второй половины 19 века. Афиши 1912 года, посвященные 100 летию Отечественной войны являлись украшением выставки.

Среди учащихся школ района проведен конкурс научно-практической исследовательской работы «1812 год: Война и мир».

Организованы встречи с военно-патриотическим клубом «Витязь» и мероприятия, посвященные патриотическому воспитанию детей, юношества.

Разработан экскурсионный маршрут по дворянским имениям с целью привлечения туристов и гостей района.

Изданы буклеты: «Время незабвенное», посвященный 200-летию Отечественной войны; «Страницы истории Лаишевского дворянства»; «Добрый след на земле», посвященный купцу 1 гильдии П.В. Щетинкину; «Г.Р. Державин. От Камы до Фонтанки».

Победа России над Наполеоном безоговорочная и блистательная, вызвала потрясение умов всего мира, радость Европейских народов, поработанных Наполеоном. Русский народ и армия в 1812 г. нанесли смертельное поражение самой сильной в то время наполеоновской агрессивной армии. Победа России - это не просто чудо, выражение непреклонной воли и безграничной решительности всех народов России, поднявшихся в 1812 г. на Отечественную войну в защиту национальной независимости своей родины.

Данный грант позволил воссозданию атмосферы событий, выявление базовых психологических характеристик дворянского сословия, объективных и субъективных факторов, влияющих на принятие государственных решений. привлечению широкого круга новых источников и использование исторических исследований для переосмысления Отечественной войны 1812 г. и истории Лаишевского уезда XVIII - XX вв.

Паршикова Е.А.

**Тема Отечественной войны 1812 г. в искусстве малой
печатной графики Елабужской триеннале экслибриса**

28 сентября 2012 г. в Елабужском государственном историко–архитектурном и художественном музее–заповеднике состоялось открытие Первой Елабужской триеннале экслибриса, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. Мероприятие получило поддержку Министерства культуры Республики Татарстан и Фонда Культурное наследие Елабуги.

Елабужская триеннале экслибриса знакомит с искусством книжного знака, выполненного в технике печатной графики. В композиции экслибриса (от лат. *ex libris* – из книг) принято обозначать имя и фамилию владельца библиотеки. Рисунок, дополняющий текст рассказывает об интересах или профессии владельца библиотеки.

Выставок или конкурсов, подобных Елабужской триеннале экслибриса, в Татарстане до сих пор не было. Елабужская триеннале была организована для возрождения интереса художников и зрителей к традиционным видам печатной графики, развития творческих поисков художников-графиков в области экслибриса.

Конкурс экслибриса, имеющий всероссийский статус, привлёк внимание мастеров разного профессионального уровня, от известных в искусстве экслибриса мэтров до художников, впервые пробующих свои силы в создании авторского книжного знака. Радует участие татарстанских художников, увлекшихся экслибрисом. Среди них лишь единицы имели опыт изготовлением книжного знака. Вне конкурса были показаны работы студентов художественно-графических и дизайнерских факультетов ВУЗов России. Всего на выставке было представлено 83 экслибриса, отражающего военную тематику.

В работах лидирующим явился сюжетно-тематический жанр, а также аллегорические и символические композиции. Ведущие темы: портретное изображение Н.А. Дуровой, героико-романтический образ воина-всадника, главнокомандующего, солдата или ополченца.

Декоративные композиции отражают военные и армейские атрибуты.

По положению конкурса, один из двух представленных художниками экслибрисов, был посвящен Надежде Андреевне Дуровой, участнице Отечественной войны 1812 г. Богатый автобиографический материал героини экслибриса открыл художникам широкие возможности для идейного и композиционного решения экслибриса, наиболее ярко раскрытые в работах победителей Елабужского конкурса. Экслибрис художника М.А. Шайхлисламова (Уфа), завоевавшего гран-при, знакомит с миром юной Нади Дуровой, в котором рядом с игрушками соседствуют сабля и кивер. Тонко проработанный рисунок в технике офорта придает композиции особую легкость и воздушность, отражает пока еще безмятежное время в жизни героини. В такой же стилистике выполнен личный экслибрис художника. Образы русского и башкирского солдат, символически слитых в одну фигуру, воспринимаются как единая сила, своеобразный памятник защитникам России 1812 г. Надписи, поясняющие изображение элементов военного костюма и оружия, вводят в мир слов, отчасти нами позабытых. Печатный знак в данном случае выполняет не только художественную, но и познавательную миссию для современников.

В экслибрисе, выполненном О.А. Самосюк (Уфа), занявшей 1 место, показан образ кавалерист-девицы во всем великолепии ее военного мундира и амуниции. Мотив всадника, мастерски решенный в технике цветного офорта, посвящен и другому герою Отечественной войны - генерал-майору Денису Давыдову, идейному организатору партизанского движения.

Н.И. Казимова (Санкт-Петербург), у которой 2 место, выполнила экслибрис для книг музея-усадьбы Н.А. Дуровой в Елабуге. Автор успешно решила довольно сложную задачу - создала портретный образ Н. Дуровой в технике офорта и акватинты. Мастерское владение печатной техникой, изысканность рисунка, тонкая проработка деталей, деликатное использование цвета отличает творчество Н. Казимовой. Эти же качества характеризуют ее второй экслибрис Е.В. Лозовского, показанного в облике гусара.

Экслибрисы «Лицо войны глазами Дуровой», «Россия-победа» Ю.Н. Николаева (Чебоксары), выполненные в технике линогравюры,

опираются на современную стилистику, тесно связанную с дизайнерскими поисками. Сложное, философское содержание работ доведено до четкой графической формулы, построенной на контрасте черного и белого цвета.

В ряду героев конкурсного экслибриса достойное место занимают образы: генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, Маргариты Тучковой, основательницы Спасо-Бородинского монастыря. Имя крестьянки Смоленской губернии Василисы Кожиной, участвовавшей в конвоировании захваченных крестьянами пленных французов, также вошло в историю Елабужской триеннале. Особое внимание конкурсантов вызвал образ французского императора Наполеона Бонапарта. Экслибрисы с его изображением отражают композиционные и графические приемы, ярко характеризующие великого полководца как двойственную или отрицательную фигуру.

Строго заданные рамки исторической тематики триеннале требовали серьезного подхода к выбору жанра, сюжета или мотива. Из общего числа оттисков выделялись экслибрисы, качественно выполненные с художественной и технической стороны. Работы опытных художников несут в себе обобщающее образное начало, умение использовать приемы стилизации. Графические миниатюры студентов демонстрируют изобразительный язык, отличный от работ художников старшего поколения. Молодежь отталкивается от понятия «знак» и пытается его вместить в лаконичное, конкретное изображение предмета, наделенное аллегорическим или символическим смыслом. Значение шрифтовой композиции, указывающей на принадлежность экслибриса конкретному владельцу, практически исчезает. Шрифт упрощается, не имеет стилистической связи с рисунком. Желание включить надписи в композиционный строй ограничиваются введением слов «из книг» и отсутствием фамилии адресата. «Нередко автор книжного знака не представляет отчетливо себе специфику его формы и содержания, а в конечном итоге – и цель своего труда».¹ Эти слова С.Г. Ивенского точно характеризуют проблемы современного экслибриса.

---

¹ Ивенский С.Г. Книжный знак: История, теория, практика художественного развития. – М.: Книга, 1980. – С.5.

В последние два десятилетия XX в. гравюра Татарстана, пережив упадок, характерный для многих регионов России, начинает постепенно возрождаться. Первая Елабужская триеннале экслибриса, посвященная памяти Отечественной войны 1812 г., положила начало поддержке профессионального интереса к экслибрису, его популяризации как вида графики малых форм и научному изучению.

Петрухно А.С.

Уникальная музейная находка времен Смуты: новая форма экспонирования

Тема данной конференции «Военная история России: мифы, факты и память» крайне актуальна в настоящее время по многим причинам, поэтому научные исследования, содержащие новые сведения и факты позволяют получить более объективную картину российских событий начала XVII в. В фондовом собрании музея имеются разнообразные источники, раскрывающие роль Александровской слободы в этот сложный период истории.

Музей-заповедник «Александровская слобода» располагается в Александровском кремле – уникальном памятнике архитектуры XVI-XVII вв., ставшем символом эпохи великих перемен и грандиозных свершений в истории России.

В 2013 г. Александровский кремль отмечает знаменательное событие – свое 500-летие.

Пытаясь осознать величие этой даты, невольно обращаешься к многоликому образу Российских кремлей: Московскому, Псковскому, Новгородскому, Казанскому и т.д.

У Александровского кремля – свой неповторимый облик, своя весомая страница в Российской истории. В его монументальных сооружениях запечатлено время правления Ивана IV. Александровская слобода, став на 17 лет соперницей Москвы – именовалась опричным градом.

В Смутное время главный опричный город вновь, правда всего на несколько месяцев (с октября 1609 по январь 1610 г.), обретает столичный статус, став центром объединяющихся земских сил, и возрождаемой М.В. Скопиным-Шуйским русской армии.

Фондовое собрание музея располагает рядом интересных документов по Смутному времени, но письмо польского офицера, о котором пойдет речь, занимает особое место. Прежде всего, уникален источник поступления, так как документ был найден ни в архивах, ни в научной библиотеке, а в результате архитектурно-археологических изысканий, которые проводятся на протяжении

более 2-х десятилетий в Александровском кремле, в том числе на Распятской церкви-колокольне, с которой связано немало легенд и преданий. Одна из них – о событиях Смутного времени. В июле 1611 г. поляки появились в Александровской слободе. Часть жителей, в основном дети, старики, женщины пытались укрыться от неприятеля в колокольне. Сапежинцы обложили здание бревнами и подожгли. Как гласила легенда, слободчане вынуждены были сдаться, лишь одна девушка отказалась. Она бросилась с верхней галереи и погибла. Столетиями эта легенда передавалась из поколения в поколение, и лишь в начале XXI в. известный исследователь Смутного времени И.О. Тюменцев, работая в польских архивах, нашел в дневнике Я. Сапеги описание этого трагического эпизода, как реально происшедшего события в Александровской слободе.

С Распятской колокольней также связана и судьба документа, относящегося уже к 1618 г., о котором, как уникальной музейной находке, пойдет речь.

Известный московский архитектор В.В. Кавельмахер (музей тесно сотрудничает с ведущими архитекторами, историками, искусствоведами, археологами страны) при очередном обследовании винтовой лестницы Распятской церкви-колокольни, в строительном мусоре среди мелких кусочков белого камня, дубовых щепок, частиц известкового раствора обнаружил бумажный прямоугольный сверток размером 2х4 см. Он оказался официальным документом, который в развороте имел размер 15х40 см. С одной стороны просматривались следы сургучной печати с кусочком золотистой ниточки длиной 2 см.

Прежде всего, поражает сохранность документа, пролежавшего в строительном мусоре 373 года и дошедшего до нас в таком виде, что его смогли прочесть и перевести. Текст был написан на старом польском языке на бумаге с водяным знаком (изображение кувшина).

Находка стала объектом скрупулезного изучения сотрудников музея, ученых. Как оказалось, это было письмо польского офицера, датированное 20 сентября 1618 г. Оно явилось чрезвычайно важным и интересным документом, расширяющим источниковедческую базу по Смуте, русско-польской войне 1609-1618 гг.

Данный письменный источник не только позволил совершенно по-иному взглянуть на историческую миссию бывшей царской резиденции в Смутное время, но и стал мощным импульсом

подробнейшего изучения этого периода в истории Александровской слободы.

Мы не будем анализировать содержание письма, скажем лишь, что это своеобразная охранная грамота слобожанам, где указано, что жители города присягнули на верность королевичу Владиславу, за что получили гарантии дальнейшей неприкосновенности. Материалы по исследованию документа подробно изложены в выступлениях сотрудника музея Е.В. Сосниной на международных форумах: в Санкт-Петербургском университете на конференции «Смутное время в России: конфликт и диалог культур» и на Московском форуме «Единение», который проводили «Музеи Москвы».

В настоящем выступлении мы хотели поделиться небольшим опытом экспозиционно-выставочной работы.

Одна из серьезных проблем экспонирования письменных источников состоит в том, что они, к сожалению, визуально мало привлекательны, и посетители порой не заостряют на них должное внимание. Не явилось исключением и письмо польского офицера. По этой причине возникла идея создания выставки одного экспоната с видеопозаком в отдельном зале, являющемся неотъемлемой частью экспозиции «Государев двор в Александровской слободе». Отдельная витрина с копией раритетного документа и находящийся рядом экран для показа представляют собой уютную камерную экспозицию, рассчитанную на 15-20 человек. Видеоэкскурсия продолжительностью 7 минут позволяет получить более полную информацию о предмете в не совсем обычной для музея, образно-эмоциональной форме, дает возможность представить сложность Смутного времени и расширить спектр услуг работы с посетителем.

Письмо польского офицера 1618 г. – это напоминание и вещественное свидетельство того, что на протяжении всего Смутного времени Слобода играла важную роль в процессах, происходивших на территории Русского государства.

Хочется отметить тот факт, что предложенное музеем экспонирование раритетных фондовых предметов, сопровождаемое видеофильмом, получило большую популярность среди посетителей. Поэтому планируется дальнейшее представление эксклюзивных и раритетных предметов на «Выставке одного предмета» и, конечно же создания новых видеофильмов. Такое представление русско-

датского перемирного договора 1578 г. уже находится в работе.

Рязанов А.М.

«Званные и незванные гости»: усадьба Вязёмы в «Смутное время» и в 1812 г., отражение этих событий в экспозиции Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина

Совсем недавно на музейной карте страны появился Подмосковский Пушкинский музей-заповедник, который расположился в 30 км к западу от Москвы. Он объединил две замечательные, некогда забытые, усадьбы Вязёмы и Захарово, которые сейчас называют поэтической родиной Пушкина - ведь здесь прошло детство самого Пушкина.

В Захарове и Вязёмах Пушкин впервые увидел красоту русской природы, крестьянские хороводы, жизнь столичного и провинциального дворянства, услышал народные песни, познакомился с чудесными страницами русской истории, познал материнскую ласку, здесь он начал писать свои первые стихи, формировался как великий поэт, впервые услышал страницы русской истории.

Вязёмы – это удивительная усадьба, село, которое играло решающую роль, но и немаловажную роль в Отечественной истории. Это то место, где сталкивались интересы и принимались важные государственные решения.

Так было в «Смутные времена» и Отечественную войну 1812 г. И мимо этих двух событий мы не смогли пройти, тем более что они связаны с судьбой и творчеством Пушкина.

Впервые в документах Вязёмы упомянуто в 1526 г. как «останочный ям на Вяземе», то есть последняя конная станция перед Москвой. Расположение села вдоль оживленного тракта предопределило его дальнейшую судьбу. На протяжении веков Вязёмы были западными воротами Московии.

В конце XVI в. селом стал владеть царь Борис Годунов, который еще ранее обустроил усадьбу. Здесь строится деревянный загородный дворец, церковь, звонница, каменная плотина, превратившая небольшую речушку в роскошные пруды, устраивается обширный

плодовый сад. Боярскую резиденцию окружали ров и деревянная стена с башнями.

Как выглядел дворец Годунова, мы не знаем, но известно, что на его постройку пошло целых 2 роци: еловая и осиновая в длину по 2 версты и ширину 1,5 версты. Как отмечалось в дневнике М.Мнишек: внутреннее убранство дворца было богатым. Здесь столько было серебряной и золотой посуды, что не было видно основание горки на которой она стояла.

Б. Годунов не случайно строит здесь дворец. Сама усадьба располагалась на Смоленской дороге- самой короткой в Западную Европу, по которой ехали иностранные послы в русскую столицу. А Вяземы были последней "остановочной" станцией перед Москвой, где послы перепрягали лошадей и ждали приглашение от царя. Б. Годунов приглашал послов посетить свой дворец, чтобы показать мощь и величие русского государства, заодно показать и свое богатство.

Долгое время мы не знали точного расположения дворца. Лишь последние археологические раскопки подтвердили наши догадки, что дворец располагался напротив храма, месте нынешнего Конного двора, возведенного в XVIII в. Дворец погиб в Смутное время. Но время оставило нам венцы фундамента дворца, многочисленную керамику и мелкие бытовые предметы, которые были извлечены археологами из земли во время раскопок.

Из всех этих древних строений до наших дней дошли лишь стройный пятиглавый храм, уникальная для здешних мест звонница, да остатки плотины.

По клировым ведомостям известно, что в 1600 г. годуновский храм был освящен во имя Святой Живоначальной Троицы. Очевидно, к этому времени он уже был расписан. Тематика храмовой росписи - Деяния Святой Троицы и Сотворение Мира -редчайшая на сегодняшний день и говорит о глубокой продуманности всей программы живописного убранства.

Храм восхищал современников и своим внешним обликом, и внутренним видом. Вот что записал секретарь польского посольства, описывающий путешествие гетмана Льва Сапеги ко двору Бориса Годунова: "... великий канцлер с некоторыми другими спутниками вошел в церковь и слушал обедню; внутри церкви отделано чудно и

необыкновенно богато...”.

Храм выстроен из белого камня и своей величественностью, торжественным и царским обликом не уступает Архангельскому собору Московского Кремля. Традиционно пятиглавый, двухъярусный храм имеет высокий подклет, два плотно примыкающие к основному кубу придела и двухъярусную галерею с трех сторон. Трехчастный карниз красного кирпича, мощные перспективные порталы, широкие архивольты закомар и три ряда кокошников под барабанами создают гармоничный и монументальный архитектурный облик.

Рядом с храмом красуется удивительная звонница: двухъярусная стенка с тремя сквозными арками, стоящая на мощном подклете. Известно, что при Годунове были выстроены три подобные звонницы, но до наших дней сохранилась только вяземская.

Позднее, в XVIII в., неподалеку от храма и звонницы был сооружен небольшой домик причта и обнесен каменной оградой весь церковный комплекс, создающий сегодня на редкость уютный храмовый ансамбль.

Вяземский храм уникален не только своей архитектурой и живописным убранством, но и представляет особый интерес как исторический источник. Внутри храма на его стенах сохранились граффити - процарапанные надписи на польском, латинском и других языках, оставшиеся после неоднократного посещения Вязем иноземцами в начале XVII в.

После смерти Бориса Годунова Вяземы перешли к Лжедмитрию I, который на масленицу 1606 г. устроил здесь известную «потешную баталию» – взятие ледяной крепости с участием русских бояр и его телохранителей: немецкой гвардии и польской конницы. Эта забава вызвала большой ропот у русской знати. Весной 1606 г. в Вяземах на пять дней останавливалась со своей двухтысячной свитой Марина Мнишек, которая ехала к царственному жениху Лжедмитрию в Москву.

В многочисленных пожарах «Смутного времени» сгорел деревянный дворец Бориса Годунова, перестал существовать монастырь с двумя церквями.

А в 1618 г. на широкой вязёмской плотине состоялся обмен пленными. Возвращался из польского плена русский патриарх

Филарет- отец Михаила Федоровича Романова. Неизвестный художник оставил нам графический рисунок этого события, изобразив депутацию русских бояр на вязёмской плотине.

Еще более 10 лет Вяземы сотрясали события и отголоски страшного «Смутного времени». Сюда неоднократно наведывались «герои Смутного времени» Ян Сапега, воевода Жолтовский, пан Радзивил, королевич Владислав и многие другие. Но после этих событий Вяземы возродились как птица феникс из пепла. Но пройдет двести лет после этих событий и Вяземы вновь станут на пороге новых военных потрясений. Они оказались в самом эпицентре событий Отечественной войны 1812 г.

Снявшись с лагеря при д. Крутицы по Смоленской дороге русская армия вечером 29 августа достигла села Вязёмы, где остановилась на ночлег. Сам М.И. Кутузов остановился во дворце князей Голицыных, где провел до 31 августа 1812 г. Отсюда Кутузов отправил одно за другим четыре письма генерал-губернатору Москвы графу Ф.В. Ростопчину, в которых просил об оказании помощи: «Мы приближаемся к генеральному сражению у Москвы, но мысль, что не буду иметь способов к отправлению раненых на подводах, устрашает меня. Бога ради прошу помощи скорейшей от Вас!». В другом письме Кутузов сообщал: «Я нахожусь при Вяземе, но так как здесь позиции никакой нет, то отправился генерал Беннигсен назад приискать место, где бы удобнее еще дать баталию». Здесь же Кутузов издает несколько приказов по армии, где говорилось о порядке отвода в тыл раненых и больных, о запрещении покидать солдатам строй до конца сражения, об организации народного ополчения и распределении прибывших ополченцев по армиям. Будучи в Вязёмах, Кутузов получил неприятное сообщение от Александра 1 о том, что ожидаемые 180 тысяч человек нового рекрутского набора не будут даны в подкреплении основных воинских сил. Возможно, здесь у Кутузова зародилась мысль оставления Москвы без боя. В тот день, когда М.И. Кутузов находился в Вязёмах, Александр 1 подписал рескрипт о присвоении ему чина генерал-фельдмаршала. Один из офицеров русской армии оставил нам описание усадьбы в эти дни: «Пройдя верст 13, пошли опять; проходили селение Вязёмы, принадлежащее князьям Голицыным. Место сие очаровательно: большой каменный дом с такою же церковью, садом, огороженным

каменную стеною. Место высокое, планированное, дом стоит на большой запруде, с крутыми берегами и пристанями; много есть напротив дома фабрик и прочее...» П.С. Пущин в своем дневнике записал: «30 августа. Пятница. Бивуак у Вязёмы. Мы выступили только в 1 час ночи с четверга на пятницу. Шли до 11 часов утра 30 числа и остановились в 35 верстах от Москвы у Вязёмы, очень красивой дачи».

Гостевой флигель дворца использовался в качестве перевязочного пункта русской армии. Сюда привезли для перевязки смертельно раненого командующего 2 Русской армией П.И. Багратиона, начальника Штаба 6 пехотного корпуса Ф.Ф. Монахтина и многих других офицеров русской армии, получивших ранения в Бородинской баталии.

31 августа по полудню русская армия оставила Вязёмы и дальше продвинулась к Москве. В этот же день Вязёмы заняли французы.

Секретарь наполеона Эдуард Мунье в своем письме жене писал: «Мы провели там в хорошем салоне в хорошей компании вечер около камина, и, если бы кто видел другие вещи, помимо эполет и сабель, он мог бы подумать, что он в парижском салоне». А капитан Б. Каstellан записал в своем «Журнале» 13 сентября: «Я сопровождал императора. Мы остановились...в жилище князя Голицына, находящемся на берегу озера... Это поистине настоящий замок». Предание указывает на нижнюю иностранную библиотеку как место, где провели ночь Кутузов, а потом Наполеон. Правда существует и другая версия, что Наполеон провел ночь не во дворце Голицыных, а в версте от него в деревне Борисовке (ныне не сохранившейся), которую в свое время была основана князем Б.В. Голицыным, именно Борисовкой было помечено 2 письма в Париж, посланного Императором.

Во время пребывания французов в Москве Вязёмы продолжали служить важным местом расположения частей неприятеля. Здесь побывали многие офицеры и генералы Великой армии. Их дневники и мемуары, а также официальная корреспонденция позволяют нам достаточно подробно восстановить, что происходило в Вязёмах и ее окрестностях в сентябре-октябре 1812 г. После взятия Москвы Вязёмы оказались на главной коммуникационной линии Великой армии, охранять которую, было поручено 8-му вестфальскому

корпусу, Отсюда в Москву выступил 13 сентября отряд полковника Ж.Б. Бернара с целью конвоировать императорскую казну и оставлять отряды на этапных пунктах. Подполковник Ф.В. Лоссберг 15 сентября писал: «мы достигли небольшого города Голицына и рядом с ним, в полк расположились биваком ... Князь Голицын имеет здесь богатое поместье. Его замок, выстроенный в новейшем вкусе, со множеством других построек и значительными парками и садами, свидетельствует о богатстве владельца...»

В связи с Вязёмами упоминается имя генерала Сен-Сулписиса с отрядом гвардейских охотников, на соединение с которыми была отряжена 1 тыс. человек из кавалерийского корпуса Евгения Богарне. Сюда приезжают генералы Орнано и Себастиани. А после выступления Наполеона из Москвы здесь появляются баварцы и испанцы под началом адъютант-команданта Бурмона. На следующий день здесь появляется герцог Тревизский.

Усадьба упоминается и в письмах и официальной корреспонденции ряда французских маршалов и генералов: Л. Данлу-Вердюна, Деннье, М. Прейзинга, Ж.Б. Брусье, Гюйо, Ф.А. Орнано, Бертье, Е. Богарне, Бесьера, Сегюра, А. Коленкура и др.

Владельцы Вязём - братья князя Борис и Дмитрий Владимировичи Голицыны были активными участниками Отечественной войны. Не дожидаясь ответа на прошение о принятии на службу, они прибыли в расположение действующей армии в чине генерал-лейтенантов. Борис Владимирович (1769-1813) – поэт, переводчик, генерал-лейтенант, участвовал в сражении под Смоленском, а во время Бородинского боя находился в свите М.И. Кутузова. В этот роковой день он был контужен и тяжело ранен, скончался от болезни и ран, полученных в результате Бородинского сражения. Был похоронен в левом пределе Бориса и Глеба храма Преображения в Вязёмах по его завещанию. В то время ходило предание, что князь завещал похоронить себя стоя, говоря, что он не может лежать, полка враг топчет русскую землю. Прах его по сей день покоится в стенах храма, а надгробный памятник дивной красоты в виде ангела, скорбно склонившего голову над саркофагом, вывезен из Вязём в 1937 г. и в настоящее время хранится в фондах Музея архитектуры им. Щусева в г. Москве.

Его младший брат, Дмитрий Владимирович (1771-1844) – во

время Бородинского сражения командовал всеми кирасирскими дивизиями, солдаты которых проявляли чудеса героизма. Сражался при Красном, Люцене, Лейпциге, Париже. Окончил войну в чине полного генерала от кавалерии. С 1820 г. до своей смерти был Московским военным генерал-губернатором. При нем Москва была восстановлена после пожара.

Интересно отметить, что, несмотря на военное время и пребывание неприятельской армии в Вяземах, усадьба почти не пострадала. Лишь из церкви были похищены ряд предметов церковной утвари. На этот счет существует несколько версий, но главной из них является все же то обстоятельство, что владельцы Вязем князя Голицыны долгое время воспитывалась за границей, были знакомы со многими французскими генералами и офицерами. Будучи во Франции, они оказались в водовороте Французской революции, а Дмитрий Владимирович даже принимал участие в штурме Бастилии. Оба Голицыных учились в Страсбургском протестантском университете, одном из центров масонского движения в Европе. Несомненно, Голицыны были членами масонских лож. Не в этом ли кроется основная причина сохранности коллекций дворца. Неслучайно, изразцы печей во дворце украшены символами масонства: ветвью акации и разрезанным яблоком в капустных листьях. Тем не менее, расположенная рядом с дворцом усадебная церковь все же пострадала от нашествия: хотя основные ценности храма были вывезены и спрятаны священником Иоанном Куняевым, ряд культовых предметов был осквернен, а сам храм французы превратили в квартиру.

Жители Вязём были активными участниками войны 1812 г. Один из них, Дмитрий Филиппович Кулаков, был награжден знаком отличия Военного ордена за участие в партизанском отряде. В 1912 году около моста через речку Вязёмку на Можайской дороге была сооружена часовня в память 100-летия Отечественной войны, которая разобрана в 1930-х гг.

В сентябре 2002 г. в Б. Вяземах в ознаменование 190-летнего юбилея Отечественной войны на территории усадьбы, по инициативе Музея-заповедника А.С. Пушкина, был открыт памятный знак остановки русской и французской армии в августе 1812 г. Он представляет собой валун розового гранита с выгравированной на

нем надпись. Памятный знак установлен рядом со зданием дворца с видом на Можайскую дорогу.

Так одна усадьба стала свидетелем и активным участникам знаменитых исторических дат, которые оставили яркий след в истории Отечества.

Эти события отражены и в экспозиции музея-заповедника. Сейчас разработан тематико-экспозиционный план создания музея Бориса Годунова и его эпохи в здании Конного двора, который должен открыться после завершения реставрации здания в 2014 г. В настоящее время продолжается комплектование фондов предметами той эпохи. Во время археологических раскопок были найдены интересные предметы: кистень, глиняный сосуд, остатки бревен от фундамента дворца Бориса Годунова, свистулька, изразцы XVI в/, клад с крестами-энклопионами XII-XVI вв. и другие предметы. Удалось приобрести план Москвы Федора Годунова. Изготовлены копии портретов Бориса Годунова, Ивана Грозного, Марины Мнишек и Лжедмитрия I. Скульптором А.Е. Козининым музею был подарен бюст Бориса Годунова. Рядом со зданием Конного двора около церковной ограды планируется воссоздать некрополь годуновского времени, где будут экспонироваться под открытым небом фрагменты надгробных плит годуновского времени, которые были найдены во время археологических раскопок на территории Московской области.

В 2012 г., после завершения реставрации ряда залов дворца были открыты разделы экспозиции, рассказывающие о событиях Отечественной войны 1812 г. Воссозданы интерьеры двух залов-свидетелей пребывания русских и французов в 1812 г. Раздел экспозиции в Каминном зале (Нижней иностранной библиотеки) назван «Званные гости» и посвящен Русской армии. Доподлинно известно, что в этом зале провел две ночи М.И. Кутузов, а затем ночь император Наполеон. В зале воссоздан интерьер: восстановлены книжные шкафы из массива красного дерева вдоль двух стен, благодаря сохранившейся фотографии конца XIX в. На одной из стен зала, где мы не знаем, как выглядели книжные шкафы, размещена своеобразная галерея портретов героев 1812 г. – генералов, которые были в Вязёмах и чьё пребывание здесь подтверждается историческими документами. В другом зале мы решили рассказать о «Незванных гостях» дворца - французской армии. Зал обставлен как

своеобразная комната для адъютантов Наполеона. Здесь представлены два манекена, одетые в форму французских офицеров, мебель той эпохи, стены зала украшены портретами маршалов и генералов Французской армии, которые были в Вяземах.

Из-за того, что сложные реставрационные работы в Конном дворе не позволили освободить два помещения в Гостевом флигеле, где размещался в 1812 г. перевязочный пункт для офицеров русской армии, мы не успели открыть задуманную экспозицию «Перевязочный пункт Русской армии». Здесь мы хотели рассказать о раненых в Бородинской битве, показать героический труд врачей в те героические дни. Но надеемся, что мы сможем в будущем открыть намеченную экспозицию, к открытию которой собран интересный экспозиционный материал.

Несмотря на определенные достижения по изучению этих двух эпох и героических страниц русской истории все же существует ряд белых пятен, которые в будущем будут раскрыты, поэтому работа по сбору материала и дальнейшее изучение тем продолжается.

Саначин С.П.

**Об укоренившихся ошибках в историографии Казани и
Смутного времени**

События времен пика и конца Смутного времени – уникальнейшие, незабываемые и поучительные в истории нашей Родины. Такой катастрофы государства не было ни до, ни после. России приходилось быть под чужой властью. Но тогда было всего лишь внешнее управление русскими княжествами из Орды. А в Смутное время Междоусобия польско-литовские люди захватили Царственный город Москву и сидели в ней 25 месяцев - с 21 сентября 1610 по 26 октября 1612 г.

Москву пришлось осаждать и штурмовать – видано ли! - своему народу. И народ ее освободил. Однако этот неповторенный подвиг россиян откровенно замалчиваем в год его 400-летия. Удивительна эта тишина! В чем дело? Напрашиваются два объяснения.

Во-первых, власть Московского государства того времени («Управляющие бояре»/Семибоярщина) была и беспомощной, и предательской. Страну от приглашенных этой властью польско-литовских интервентов и от самой этой власти спас народ. А в наше время, видимо, не желательно акцентировать народные инициативы.

Во-вторых, не горели таким желанием и историки XIX и XX вв., сбивая акценты в оценке подвига народа, вплоть до предательского сокрытия истинных героев, истинных Спасителей Отечества. И если беспристрастно взглянуть в события 400-летней давности, не придется ли еще раз переписывать учебники и даже дополнять памятники нашим признанным героям?

Настоящее сообщение связано с переоценкой некоторых, точнее – четырех позиций «мейнстрима» историографии Смутного времени.

1) Преувеличение роли Гермогена в освобождении Москвы и, тем самым, принижение роли лидера 1-го Ополчения Прокофья Петровича Ляпунова.

Дореволюционные писатели старательно завышали роль нашего земляка, всероссийского патриарха Гермогена в организации борьбы против поляков. Историк Москвы Иван Забелин называл патриарха

«первым стремителем» национального движения, «произнесшим первое слово» в защиту родины¹. Крупнейший специалист по истории Смуты Сергей Платонов вообще уверял, что Гермоген в своих действиях оставался даже одиноким, что он «открыл глаза русским людям на иноземный обман и своею твердостью спас государство от окончательного порабощения»². Превозносили роль патриарха и писатели XX в. Да и сегодня Гермогена называют «идеологом народной борьбы за национальную свободу»³.

Авторы, поднимавшие Гермогена даже до «главы приверженцев общеземского дела» находились, надо полагать, под влиянием «Рукописи Филарета», в которой автор отвел стартовую роль в подъеме национального ополчения – что, в общем-то, не удивительно – своему предшественнику на патриаршем посту: «Великий же патриарх, святейший Ермоген, узре сию настоящую беду, и тако созывает народ... и посылает писания во грады Российския державы на подтверждение людем, дабы царствующий град исхитили от рук иноплеменнич; а наипач посылает до страны Рязанския, во град Переславль, к воеводе и властелю Рязанские земли Прокофью Ляпунову и молит его дабы не дал на расхищение и вечное падение царствующаго града Москвы⁴».

Роль этих «писаний» Гермогена к православному народу стала общепризнанной. И здесь интересны три момента. Во-первых, ни одного Патриаршего воззвания с призывом к восстанию против оккупантов до сих пор не найдено. Во-вторых, даже если бы от Гермогена и были грамоты по городам, то это – пока еще только призывы. А само дело потребовало сношения воевод российских земель между собой, сбора людей, вооружения, денег, разработки стратегии действий и т.п. И эту, конкретную работу кто-то же

---

¹ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М, 1999. С. 81

² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1889. С. 486-487

³ Отчет о заседании Казанского экспертного клуба Российского института стратегических исследований см.: Сулейманов Р.Р. Смутное время // Звезда Поволжья. 2012. 8-14 ноября.

⁴ Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. М, 1837. С. 43

организовал. И этот кто-то проглядывает уже даже в «Рукописи Филарета»: с чего бы иначе всероссийскому пастырю обращать свои мольбы о помощи в далекий от Москвы Переславль Рязанский, к его воеводе и властителю думному дворянину Прокофью Петровичу Ляпунову, который отнюдь не отвечал в Московском государстве за его охрану? В-третьих, центральные памятники общерусского летописания первой трети XVII в. – «Новый Летописец» и «Летопись о мятежах...», хронологически рисующие картину событий Смутного времени, показывают Гермогена, как защитника православной веры, но не как поднимающего народ на военный отпор интервентам.

Так, в августе 1610 г. пришли к Гермогену московские бояре и возвестили ему, что избрали на Московское государство польского королевича Владислава. Патриарх же Гермоген им говорил: «аще будет креститься и будет в православной христианской вере, и аз вас благословляю; аще будет не креститься... да не буди на вас наше благословление»⁵.

Материалы летописей подтверждаются и дополняются Государственными грамотами времен Междоусобия.

В последних числах декабря в грамоте от Российских духовных и светских людей Польскому королю Сигизмунду III сообщалось, что «...смирный Ермоген патриарх Московский и всеа Руси и... весь освященный собор ... отпустили к вам Великому государю бити челом и молити (послов – С.С.) ...чтобы вы... дали на все великие и преславные Государства Российского Царствия сына своего... королевича Владислава Жигимонтовича...И мы, богомольцы ваши,... сына вашего, Государя нашего,... на Российские государства ожидаем со мною радостью и с сердечным желаньем»⁶.

Итак, в 1610 г. патриарх не агитировал массы против интервентов. Как видим, отнюдь не «решительно воспротивился Патриарх Гермоген» возведению на русский престол польского королевича, как в этом уверяет и Официальный сайт Московского

---

⁵ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 100-101.

⁶ Грамота № 217 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 479-480.

Патриархата⁷. Даже сам польский король в грамоте именуется еще и как «Король Московского государства».

Но уже в ноябре-декабре против польских оккупантов начал подниматься народ. О ключевой роли в начавшемся движении не патриарха Гермогена, а именно рязанца Ляпунова, который успел связаться со многими северскими, замосковными и поволжскими городами, - так или иначе, сообщают современники.

Так, Управляющие бояре в январе 1611 г. доносят Сигизмунду III и его сыну Владиславу - новому Всеа Русии Самодержцу: «А ныне, Государи, Прокофей Ляпунов, по вражью действию, не хотя видеть в Московском Государстве успокоения, и своим злохитрым умыслом Резанцев... прельстил, а иных своим заговором устратил...и со всею Резанью от вас... отложился, и вашего Государского Повеления сам ни в чем не слушает и слушати не велит и в города, которые были вам... послушны, воевод и голов с ратными людьми от себя посылает, и города и места заседает, и в городах дворян и детей боярских прельщает, а простых людей устрачивает и своею смутою от вашей Государской милости их отводит, а ваши Государские денежные доходы и хлеб всякой збирает к себе»⁸.

Впоследствии Пожарский, изъясняя в июньской грамоте в Великороссийские города положение дел в стране, скажет о том же⁹.

Практически то же самое сообщает и симпатизирующий Гермогену автор «Нового Летописца»: «На Резани ж Прокофей Ляпунов, слышав про такое утеснение Московскому государству, и нача ссылатись со всеми городами Московского государства, чтобы им стать заодно, как бы помочь Московскому государству. Бог же положи всем людям [эту] мысль (а не Гермоген! – С.С.), и начаша присылати к Прокофью [людей] и во всех городах збиратися. В

---

⁷ Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/547832.html>, свободный. Дата обращения: 20.03.2013.

⁸ Грамота № 223 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 489.

⁹ Грамота № 281 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 594.

Колуге собрася князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Иван Заруцкой, на Резани Прокофей Ляпунов, в Володимере князь Василей Масальской, Ортемей Измайлов, в Суздале - Ондрей Просовецкой, на Костроме - князь Федор Волконской, в Ярославле - Иван Вольтинской, на Романове - князь Федор Козловской з братьею. И все соединися в едину мысль, что всем померети за православную христианскую веру»¹⁰. То есть – сами провинциальные ополченцы!

Окупанты и московские изменники заволновались. Стали просить Управляющих бояр «к Прокофью послати, чтобы он к Москве не збирался»¹¹. То есть и здесь – без патриарха, прямой контакт с Ляпуновым. Бояре, однако, пошли к патриарху. А он им: «А к Прокофью Ляпунову стану писати: [если] будет королевич на Московское государство и креститься в православную христианскую веру, благословляю ево служить, а будет королевич не крестится в православную христианскую веру и Литвы из Московского государства не выведет, и я их благословляю и разрешаю, кои крест целовали королевичю, итти под Московское государство и померети всем за православную христианскую веру»¹². То есть Гермоген ставит условие, он все еще верит хорошему Царю всеа Руси из Польши!

Наконец в марте Ляпунов и всех городов воеводы собрались и пришли под Москву. Захватчики испугались и послали Управляющих бояр к Гермогену уговаривать остановить Ляпунова. «Бояре же приидоша к патриарху. Той же Михайло Салтыков нача ему говорити: «что де ты писал еси к ним, чтоб они шли под Москву, а ныне ты ж к ним пиши, чтоб они воротились вспять». Патриарх же им рече: «яз де к ним не писывал, а ныне к ним стану писати; будет ты, изменник Михайло Салтыков, с Литовскими людьми из Москвы выдешь вон, и я им не велю ходити к Москве, а будет вам сидеть в Москве, и я их всех благословлю помереть за православную веру»¹³.

Таким образом, сам Гермоген отрицает наличие своих грамот с призывом военного ополчения на Москву. Интересно, что автору «Нового Летописца» Ляпунов явно не симпатичен: «Сие же

¹⁰ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 105.

¹¹ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 106.

¹² Там же.

¹³ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 107.

Прокофей Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взя... Приходящу бо к нему на поклонение и стояху у него у избы многое время, [он] никакова человека к себе не пущаше и многокоризными словесами многих поношаше, х казаком жесточь имяеше»¹⁴. И, однако, он, в отличие от уймы историков, традиционно вырезающих слова Гермогена («Я де к ним не писал»)¹⁵, привел их.

В повести «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» писатель князь Иван Хворостинин, расточая всяческие похвалы патриарху, приводит следующие слова ему Гермогена: «Рассказывают про меня смутьяны наши, что я призываю воинов и воодушевляю их противоборствовать этому враждебному и иноверному войску, которое, нарушив клятву, владеет нами вопреки словам своим. Но я ничего такого никогда вам не говорил, ведь вы свидетели моих слов. И одно я только вам повторял: «Облачитесь в оружие божье, в пост и в молитвы. Кто научен грамоте, псалмами пусть вооружается...»¹⁶. Далее в том же духе.

В «Новой повести о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках», составленной в самый разгар событий, московские патриоты «предупреждали, что не следует ждать от патриарха прямого наказа о выступлении. «Что стали, что оплошали? - писали они. - Али того ждете, чтобы вам сам великий тот столп (Гермоген. - С.С.) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути». Приведенное воззвание московских патриотов подтверждает, что Гермоген не был инициатором восстания против семибоярщины и не только не рассылал грамот, но и на словах не призывал к оружию и кровопролитию»¹⁷.

¹⁴ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 112.

¹⁵ См. напр.: Широкоград А.Б. Бояре Романовы в Великой смуте. М, 2009; Хронос (Всемирная история в Интернете) [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/germogen_ermolay.php, свободный. Дата обращения: 24.05.2013.

¹⁶ Хворостинин И.А. «Словесах дней и царей и святителей московских, еже есть в России». – ок. 1619-24. На современном русском в изложении А. Петрова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old-ru.ru/08-49.html>, свободный. Дата обращения: 23.05.2013.

¹⁷ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 158.

Есть свидетельство и архиепископа Архангельского собора Кремля Арсения, современника Гермогена: «Некоторые говорили восстание городов и народа произошло по совету патриарха Гермогена, хотя истину ведает господь, потому что сам он отрицал это»¹⁸.

При всем этом надо понимать, что хоть Гермоген и не был искрой 1-го Ополчения, но, конечно же, был его флагом. И если мы не имеем непосредственно его грамот к народу этого времени, то в грамотах городов друг к другу его имя используется. Иногда лукаво. Так, еще в январе в Москве послам нижегородским «сказывали, что приказывал с ними в Нижний к вам Святейший Гермоген Патриарх Московский и всея Руси речью; а письма... не привезли, что де у него писати некому, дяки и подьячие и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь разграблен»¹⁹. И это еще до того, как к нему приставили приставов (в марте). А, вот, в августе, будучи уже даже в заточении (с июня), Гермоген как-то умудрился выпустить грамоту. Но не на тему защиты Государства, а «с повелением написать в Казань и другие города, чтоб отнюдь не упрочивали Царства сыну Маринкиному; а стояли б все за веру, не щадя живота своего ...да и к Казанскому войску, чтоб они стояли крепко о вере»²⁰. То есть для патриарха и тогда главное – защита Крестьянской веры.

О ведущей роли Ляпунова в организации отпора «латинянам» без упоминания при этом Гермогена говорят и сами интервенты в своих воспоминаниях²¹. И, конечно же, обращает на себя внимание и тот факт, что командир гарнизона Московского кремля полковник Гонсевский организовал убийство не Гермогена, а Ляпунова.

---

¹⁸ Там же С. 163

¹⁹ Грамота № 228 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 497

²⁰ Грамота № 268 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 567

²¹ Мархоцкий Н. История Московской войны. М, 2000; Жолкевский С. «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». СПб., 1871; Пясецкий П. Смутное время и Московско-Польская война // Памятники древней письменности и искусства. Т. 68. СПб, 1887.

Впрочем, Гонсевский пытался устранить и Гермогена. Он предъявил Боярской Думе подложную «смутную грамоту» патриарха. Однако «улики же, предъявленные Гонсевским, никого не могли убедить. Гермоген категорически отверг обвинения. Все это предопределило исход разбирательства в Боярской думе»²².

Изложенное показывает, что авторитет Гермогена в поднятии народа на защиту державы явно преувеличен. Организаторская роль в этой борьбе принадлежала не ему, а Ляпунову, который не только воссоединил возникшие местные ополчения во всеобщее национальное войско, но и возглавил государственную деятельность созданного тогда «Совета всей Земли». Представляется очень веской и, главное, - непредвзятой вражеская характеристика Ляпунова: «Прокопий Ляпунов, муж отличавшийся телесной красотой, заботливостью в делах, заслуживший в народе славу человека искусного и опытного в войне»²³.

Все это дает нам право поставить Прокофья Петровича Ляпунова в передний ряд забытых героев нашего Отечества. Российские историки настолько постарались, что Ляпунова «забыли» даже в родной Рязани: нет там ни памятника ему, ни – хотя бы как в Москве - улицы его имени.

2) Восстание в Казани 9 января 1611 г.

В «Татарской энциклопедии» есть статья «Казанское ополчение». Но только об ополчении 1812 г. Об ополчении более драматичного периода нашей страны – Смутного времени специальной статьи нет. По частям, однако, события 400-летней давности можно собрать в отдельных статьях («Смутное время», «Гермоген», «Морозов», «Шульгин»). Может быть, из-за этой разобщенности в них есть странности и недосказанности.

Статья «Смутное время»: «Выступившие против присяги самозванцу Б.Бельский и его сторонники в ходе восстания 9 января 1611 года были убиты»²⁴.

²² Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 160.

²³ Кoberжицкий С. История Владислава I, владетеля Польши и Швеции (Текст воспроизведен по изданию: Сказания польского историка Кoberжицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава) // Сын отечества. 1842. № 3. С. 8.

²⁴ Татарская энциклопедия: В 6 томах. Т.5: Р-Т. Казань, 2010. С. 358.

Откуда стало известно об этом казанском восстании и его дате? Из четырех казанских «больших краеведов» (М. Рыбушкин, Н. Баженов, М. Пинегин, Н. Загоскин), написавших свои истории Казани, трое первых осторожно обошли молчанием Смутное время. Загоскин же решился, заметив, однако, что «много загадочного... представляют в себе только что описанные нами казанские события»²⁵.

Несмотря на отмеченную «загадочность», именно Загоскин стал «автором» «взрыва в Казани жестокой смуты и сумятицы»²⁶. Он сообщил, что казанцы разделились на две враждебные партии: одной руководил дьяк казанского воеводского управления Никанор Шульгин, другой - второй казанский воевода боярин Богд. Яковл. Бельский. Разногласия состояли в том: целовать или нет крест «царю Дмитрию Ивановичу» (Лжедмитрию II). Но так ли все это, и что говорят источники?

А источники ничего не говорят о январской усобице или восстании. Из статьи № 249 Нового Летописца «О крестном целовании Вору в Казани и об убиении Богдана Бельского» нам известно лишь об убийстве второго воеводы:

«Во граде ж в Казани слышаху, что Литовские люди в Москву вошли, и не похотеша быти под Литвою и начаша крест целовати тому убьенному Колужскому Вору... Воевода ж Богдан Яковлевич Бельской нача им говорити и крепити [их], чтоб Вору креста не целовати, а целовати б крест, хто будет государь на Московском государстве. Дьяк же Никонор Шульгин, умысли с теми ворами, повеле Богдана убити. Они ж Богдана, поймав, и возведоша ево на башню и скинуша з башни и убиша до смерти»²⁷. На основании этого короткого сообщения Загоскин делает Шульгина антигероем, а Бельского невинной жертвой, да еще во время «жестокой смуты и сумятицы».

Тут возникает вопрос, а куда смотрел на стычки своих подчиненных их начальник – 1-й казанский воевода боярин Василий Петрович Морозов? На чьей стороне он был и был ли вообще?

---

²⁵ Загоскин Н.П. Казанский край в Смутное время». Казань, 1891. С. 181.

²⁶ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 442.

²⁷ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, пер. пол. СПб., 1910. С. 105.

По Загоскину Морозова, как бы, и нет. Точнее он был, но «лишь орудием в руках своих дьяков, в особенности хитрого... Н.Шульгина»²⁸. Что он делал во время январского взрыва - Загоскин не знает. Но потом, «в течение лета того же года мало помалу исчезает с Казанского горизонта и оставшийся воевода, молодой карьерист В.П. Морозов – и с конца лета 1611 года мы видим Никанора Шульгина в положении близком к роли диктатора Казани»²⁹. Итак, по версии Загоскина глава огромной и сложнейшей в управлении части страны под названием Казанского царства – карьерист и слабачек, постепенно куда-то исчезнувший летом.

Источники, однако, рисуют Василия Морозова, как авторитетного военачальника, - причем и до и после воеводства в Казани. С 1603 г. он воевода в Тобольске, затем в Кашире. В 1605 г. он не просто воевода, каких немало в государстве, а главный воевода левой руки царя Бориса Годунова, а затем - главный воевода сторожевого полка царя Федора Годунова. После освобождения Москвы от поляков выдвигался даже кандидатом на царский престол. При венчании царским венцом Михаила Романова Юрьева в числе пятерке самых избранных бояр был в чине: нес яблоко (державу), а затем сан (царскую одежду). А в 1615 г. Морозов послан царем в Псков, где отбил осаду города шведским королем Густавом II Адольфом. За «Псковское сидение» был особо награжден царем.

Что же произошло в Казани в январе 1611 г.? Из грамоты, отправленной после 15 января из Казани в Хлынов, следует, что «Генваря в 9 день, целовали мы и вся земля Казанскаго Государства крест Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Руси на том, что нам ему Государю своему служитьи и прямити во всем»³⁰. Грамоту подписали воеводы Василей Морозов, Богдан Бельской (еще живой!) и дьяки Никонор Шульгин и Степан Дий(ч)ков. Причем, целование креста сопровождалось Записями³¹, по

²⁸ Загоскин Н.П. Казанский край в Смутное время... С. 85

²⁹ Там же. С. 185.

³⁰ Грамота №224 // // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2). М., 1819. С. 490.

³¹ Грамота №225 // // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2 (доп. к Ч. 2).

которым приведены были к присяге жители Казани. А это как-то не вяжется с восстанием, причем, - того же 9 января.

И что интересно. Несмотря на убийство 2-го Казанского воеводы Бельского, дьяк Никанор Михайлович Шульгин остается в руководстве Казанским Государством совместно с Морозовым и Дий(ч)ковым³². Напрашивается предположение: а не был ли причиной своей гибели Бельской сам, а не «хитрый» Шульгин? Ведь, что происходит: почти полстраны присягнуло Лжедмитрию II, присягнули и казанцы. По справедливому мнению Загоскина «Бельский, в свое время признавший за истинного царевича Дмитрия человека, названного современниками Гришкой Отрепьевым, конечно уж не мог признать за такового же Тушинского вора»³³. К тому же Бельской был близок с князем Федором Мстиславским - главой Семибоярщины. А для Семибоярщины врагом был Лжедмитрий II, а не Польша, которую она и призвала на помощь от самозванца, и впустила в Москву. Вероятнее всего, казанцы, узнав о свержении царя Шуйского (1610) и занятии поляками Москвы и не желая подчиняться иноземцам, тут же присягнули на верность Лжедмитрию II – единственной антипольской силе на тот момент. Бельской же - профессиональный смутьян при всех властях³⁴ - пытался отговорить их от этого акта, но лишь навлек на себя гнев.

Наконец, был ли Богдан Бельской убит 9 января 1611 г.?

М., 1819. С. 492-493

³² А сам – вплоть до действительного переворота в Казани и до своего ареста в марте 1613 г.

³³ Загоскин Н.П. Казанский край в Смутное время... С. 184.

³⁴ Богдан Бельский начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и немало преуспел в борьбе с боярской крамолой. В 1584 г. царь Федор Иоаннович обвинил его в измене и отправил в почётную ссылку - воеводой в Нижний Новгород. После смерти царя Фёдора Ивановича в 1598 г. Бельский выступил одним из лидеров антигодуновской оппозиции, созвал в Москву из своих вотчин вооружённых людей, дабы посадить на престол Симеона Бекбулатовича. За это его подвергли суду (1602 г.) и сослали, по одним сведениям, в Сибирь, по другим — «на Низ в тюрьму». В 1605 г. - амнистирован царем Федором Годуновым. С приближением Лжедмитрия I к Москве Бельский подтвердил, что тот — истинный царевич Дмитрий, и стал активным участником этой самозваннической авантюры. После свержения самозванца (1606 г.) сослан царём Василием Шуйским в Казань

Оказывается – нет. Убийство произошло, но два месяца спустя: «119-го [1611 н.с.] марта в седьмой день, пятая неделя великого поста в четверг воевода в Казани Андрей Богдан Бельской убиен и наутрие погребен внутрь града каменного в монастыре Живоначальные троица Ефремом митрополитом казанским и священным собором. И во 122-м году [1614 н.с.] положен в Ярославле в монастыре у Святого спаса»³⁵. Факт погребения Бельского в кремлевском монастыре и самим митрополитом позволяют сделать три вывода:

- Бельский похоронен не как преступник;
- Если действительно заказчиком убийства был Шульгин, оставшийся после убийства во власти, значит, заказ был тайным;
- причиной убийства не мог быть Лжедмитрий II, о смерти которого в Казани уже было известно.

3) Безучастность Казани в начале борьбы с поляками

Казанцы, изучающие историю Казани по популярнейшему «Спутнику по Казани» Загоскина вправе досадовать на своих земляков, будто бы проигнорировавших всеобщую защиту Отечества от интервентов в 1611 г. Загоскин писал, что «...когда под Москвою уже стояли земские ополчения под предводительством Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого...блистало, однако, своим отсутствием казанское ополчение»³⁶; что «никакие доводы, никакие угрозы Божьею карою не в состоянии были пробить кору индифферентизма Казанского царства к земскому патриотическому движению 1611 года»³⁷; что «начинается бесплодная переписка Казани с соседними городами, которой, в сущности, и ограничивалось дело посылки под Москву казанского ополчения»³⁸. Еще более обличителен Загоскин в работе «Казанский край в смутное время»: «Казанский край... совершенно отсутствует в знаменательном земском движении 1611-1612 годов»³⁹.

Все это, однако, совершенно не так и говорит об опрометчивом довольствовании Загоскиным лишь летописными источниками. «Татарская энциклопедия» исправила эту грубую оплошность

³⁵ Библиотека Академии Наук России. Рукопись 24.5.32. Л. 227 об

³⁶ Загоскин Н.П. Спутник по Казани... С. 496-497

³⁷ Там же. С. 499.

³⁸ Там же. С. 500.

³⁹ Загоскин Н.П. Казанский край в Смутное время... С. 183.

Загоскина. Но как-то осторожно, сообщив, что в Казани всего лишь был «снаряжен отряд из дворян, стрельцов и служилых татар, который выступил на подмогу 12 июня, взяв с собой список с Казанской иконы Божией Матери»⁴⁰.

Действительную картину, возвращающую гордость за наших земляков, рисует памятник русской историографии XVII века «Хронограф Столяров»: *«Того же 119 году летом в месяце июле из Казани пришел под Москву боярин Василей Петрович Морозов, а с ним пришли Казанцы и Свяжженя и Казанских пригородов дворяне и дети боярские и головы стрелецкие с приказами с стрелцами и служилые князи и Мурзы и Татаровя, и пришед под Москву Казанские люди советався с атаманы и казаки, которые стоят под Москвою, и пошли приступать к Новодевичью. А в Новодевичье монастыре сидели Литва и гайдуки, а с ними с Москвы от Гасевского Александра сидел воевода Лев Афонасьев сын Плещеев и к монастырю приступы были большие, и у приступа многих людей переранили, а побито не много, а монастырь взяли, а которья Литва и гайдуки сидели и тех многих побили, а достольных живых взяли»*⁴¹.

Этим лаконичным и ценным для нас сообщением «Хронограф Столяров» показывает и куда летом исчез (по Загоскину) Морозов, и что собой представлял морозовский «отряд», в котором мы видим не только большую воинскую рать, собранную из множества мест (казанское войско – по выражению Гермогена), но и приказы - казну и канцелярию.

Да, казанцы откликнулись на призывы Ляпунова не сразу, с опозданием от всеобщего сбора под Москвой на 4 месяца. Думается, что вот тут-то большую роль сыграл Бельский, который, как проясняется, был убит не в январе, а в марте. Ведь еще в 1584 году братья Ляпуновы принимали активное участие в борьбе против Бельского, о котором носился слух, что он хочет царя Федора Ивановича и царский род изгубити.

С казанским войском прибыл список с явленной в Казани иконы Пречистые Богородицы, который, надо полагать, сопровождал

⁴⁰ Татарская энциклопедия: В 6 томах. Т. 5: Р-Т. Казань, 2010. С. 358.

⁴¹ Цит. по: Попов А. Изборник Славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 352.

протопоп Казанского Богородицкого девичьего монастыря. Казанцы не застали под Москвой Ляпунова (зарублен 22 июня), но вместе с казаками Заруцкого взяли приступом Новодевичий монастырь и оставались, видимо, там до зимы («и был той образ Ея в таборах под Москвою до зимы»⁴²). Затем в феврале 1612 г. Морозов ушел, надо полагать с войском, в Ярославль, где вступил во 2-е Ополчение (Минина и Пожарского). Любопытно, что вместе с князем Дмитрием Пожарским Морозов рассылал ополченские грамоты в разные города, призывая их жителей встать против общих врагов польских и литовских и немецких людей и русских воров, на которых как знатнейший подписывался первым.

4) Занижение роли 1-го Ополчения, временной интервал между 1 и 2 Ополчениями и идеологический произвол историков

Это – пожалуй, самый несправедливый момент в официальной истории возвращения независимости Московскому государству в 1611-12 гг.

Крупнейшие отечественные историки смогли бесосновательно внушить, что после убийства вождя 1-го Ополчения Прокофья Ляпунова с августа 1611 г. вокруг Москвы не осталось земского стана, а были только казачьи таборы. Как будто казаки не люди, не наши соотечественники! По сложившейся царской и советской исторической традиции казаки - или враги, или воровы, или просто подозрительная братия: как же можно показывать их героями? Презрение к казакам и умаление их роли – аналогичное презрению и умалению роли штрафных батальонов в Отечественной войне 1941-45 гг. Оно столь высоко, что полуторогодовая непрерывная осада и борьба за Москву 1-го Ополчения, закончившаяся взятием - по большей части казаками! - московской цитадели старательно запрятана за тоже героическое, но кратковременное совместно с казаками участие в битвах с поляками ополчения Минина и Пожарского. В котором тоже было множество казаков.

Дошло до того, что при учреждении нового государственного праздника - «Дня народного единства» даже Госдума РФ, принявшая поправки в Федеральный закон «О днях воинской славы (Победных

---

⁴² Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, изд. по списку Кн. Оболенского. М, 1853. С. 164.

дней России)», была введена в заблуждение. Она доверилась пояснительной записке к проекту закона, в которой утверждалось: «4 ноября 1612 года воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе»⁴³. Это – жестокая несправедливость перед другими истинно героическими персонажами возвращения независимости нашей стране 400 лет назад – перед воеводами Дмитрием Трубецким, Прокофьем Ляпуновым, Троицко-Сергиевского монастыря архимандритом Дионисием и келарем Авраамием Палицыным⁴⁴.

Потому что факты - таковы:

1) 1-е Ополчение (Ляпунова, Трубецкого, Заруцкого) вело непрерывную войну⁴⁵ как с засевшими внутри Москвы интервентами, так и с пришедшими снаружи на помощь осажденным польско-литовско-немецко-венгерско-украинскими войсками – с 4

---

⁴³ День воинской славы – День народного единства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/94/>, свободный. Дата обращения: 23.05.2013.

⁴⁴ Не включая в этот ряд одного из вождей 1-го Ополчения атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, следует, однако, указать на снятие с него пятна в замысле убийства Ляпунова, поставленного историографом Карамзиным, пользовавшимся отечественными источниками. Современник событий поляк Кобержицкий, знавший весь ход дел и не могущий быть в данном случае пристрастным, приписывал злодейство только одному Гонсевскому, своему соотечественнику. См.: Кобержицкий С. История Владислава I, владетеля Польши и Швеции (Текст воспроизведен по изданию: Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава) // Сын отечества. 1842. № 3. С. 7.

⁴⁵ Кобержицкий С. История Владислава I, владетеля Польши и Швеции (Текст воспроизведен по изданию: Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава) // Сын отечества. 1842. № 3. С. 7: «В продолжение шести месяцев со времени отъезда короля в Польшу, то есть, с июля по декабрь [1611], обе стороны сражались храбро; но, не смотря на мужество поляков, неприятель беспрестанно нападал живее и живее»

апреля 1611 г. по 26 октября 1612 г. (19 месяцев). И до прихода 2-го Ополчения были уже взяты Девичий монастырь, Земляной город, Белый город, а оккупанты заперты в Китай-городе и Кремле. Видя невозможность победить ополченцев уже в течении полугода, Сигизмунд III послал в сентябре 1611 г. к Москве новое войско литовского гетмана Яна-Карла Ходкевича. Октябрьские сражения вынудили отступить и войско умершего Сапеги, и войско Ходкевича. Зимой ополченцы отбивали попытки внешних врагов доставить продовольствие своим в Москву, отбивали и вылазки осажденных. 2-е Ополчение (Минина, Пожарского) вело войну с августа 1612 г. по 26 октября 1612 г. – (2,5 месяца).

2) Численность 1-го ополчения составляла 100 000 человек по Мархоцкому⁴⁶ или 145 000 (15 000 Андрея Просовецкого, 80 000 Прокофья Ляпунова, 50 000 Ивана Заруцкого) по Маскевичу⁴⁷. Затем, с побегом Заруцкого, численность еще уменьшилась. Считается, что к приходу 2-го Ополчения у Трубецкого оставалось 2500 человек. Это сомнительно. На момент освобождения Москвы у Трубецкого оставалось, вероятно, около 50 тысяч человек. Такое число можно вывести из «Повести о Земском соборе 1613 года», где рассказывается, что Трубецкой кормил и поил своих 40 тысяч своих казаков (а 1-е Ополчение – не только казаки), агитируя их за избрания его царем России.

Численность 2-го Ополчения была 7000-8000 человек. По сообщению одного из командиров польско-литовского гарнизона, запертого в Кремле, полковника Будилы численность только конницы составляла «несколько десятков тысяч»⁴⁸.

3) Распада 1-го Ополчения и «дыры» между двумя ополчениями не было. Убийство Ляпунова 22 июля 1612 г. нанесло огромный удар 1-му Ополчению. Его покинула большая часть ратников. Но блокада Москвы и бои продолжались вплоть до прихода 2-го Ополчения. За

⁴⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны. М, 2000. С. 91.

⁴⁷ Цит. по: Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб, 1859. С. 66.

⁴⁸ Будило И. (?), Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603-1613 гг.), известный под именем Истории ложного Дмитрия (Historia Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. С. 318.

это время ополченцы, в частности, сожгли Китай-город (сентябрь), отбили атаки первого прихода литовского войска гетмана Ходкевича (октябрь). Последняя битва фиксируется 25 июля⁴⁹, то есть – за 8 дней до прихода к Москве передового отряда Михаила Самсонова (2-го Ополчения). Поэтому, временной интервал между обоими ополчениями – бессовестная фальсификация!

4) Вожди обоих ополчений Трубецкой и Пожарский еще с марта 1612 г. находились в конфронтации. Огромные неоднократные усилия по их воссоединению проявили архимандрит Троице-Сергиевого монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын, и незадолго до решающей битвы войска князей Пожарского и Трубецкого принесли взаимные присяги.

Осажденный Ходкевичем Трубецкой молил архимандрита Троицкого монастыря Дионисия прислать свинца с зелием и посылать письма по городам с просьбой о помощи. В отличие от Гермогена, разродившегося в августе грамотой к земщине всего лишь с озабоченностью склонением соотечественников к Воренку и без малейшего упоминания в ней поляков и отношения к ним, Дионисий занял выраженную прагматичную позицию. Поняв, что подмосковные таборы – единственная сила, на которую можно опереться, он отправил Трубецкому свинец с зелием, а по городам послал грамоты и послов для сбора ратных людей и казны на борьбу с ляхами и изменниками, сидевшими в Кремле. Причем, в грамотах призывал не просто к Москве, а на помощь таборам, на соединение с подмосковным 1-м Ополчением – на «единый с ними подвиг».

Именно Троицкие воззвания подтолкнули Козму Минина сына Захарьина к сбору 2-го Ополчения в сентябре 1611 г. И в начале марта 1612 г 2-е ополчение выступило, но не к Москве, а в Ярославль собирать ратников с разных городов и формировать правительство. Видя безнадежность воззваний, 28 июня в Ярославль из монастыря был послан келарь Авраамий уговаривать Пожарского идти к Москве. Тогда Пожарский выслал к Москве передовые отряды Михаила Самсонова и Дмитрия Пожарского-Лопаты. 14 августа подошло к Москве и главное 7-8-ми тысячное ополчение Минина и Пожарского. Трубецкой снова просил быстрого соединения, боясь,

---

⁴⁹ Будило И. Указ. соч. С. 303.

что его казаки могут разбежаться. И вновь уладили ситуацию монахи.

5) Историки XIX и XX вв. вознесли до предела заслуги ополчения Минина и Пожарского и до предела запрятали героизм и даже участие ополчения Трубецкого с его казаками в битве с гетманом Ходкевичем 21-24 августа 1612 года, в освобождении Москвы. Дошло даже до именованя армия Трубецкого «дворянским резервом Пожарского, отданным под командование Трубецкого»⁵⁰. Однако огромная роль казаков – причем, на самом прорывном участке – в Замоскворечье, отражена в источниках. Особенно ее подчеркивал Авраамий Палицын: казаки — «мало бе их (казаков – С.С.) числом, — и тако возвращеся и устремившася единодушно ко острогу приступили, и взявше его, литовских людей всех острию меча предаша и запасы их поимаша. Прочие же литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася: овии во град Москву, инии же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их...». «Приуспевшим же всем казаком к обозу у великомученицы христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападоша казаки на войско литовское: ови убо боси, инии же нази, токмо оружие имущие в руках своих и побивающие их немилостивно. И обоз у литовских людей розорвали»⁵¹.

Факт ключевой роли армии Трубецкого в последнем решающем сражении просматривается в дневнике противника-очевидца: «...гетман, одушевленный великою заботливостию об осажденных, напрягал все свои силы, чтобы выручить их. Он сдвинул весь свой обоз и хотя его войско было небольшое, но он должен был **разделить его на две части, потому что и у русских было две армии; одна — Пожарского наступавшая на гетмана из своего лагеря, а другая Трубецкого, нападавшая на него из своего табора. Одна часть** войска гетмана, обратившись к Пожарскому, долго билась с ним, наконец сломала русских, вогнала в реку и овладела полем битвы. Удалившись за реку, русские опустили руки и смотрели, скоро ли гетман введет в крепость продовольствие. Другая часть войска гетмана делала тоже свое дело... Далее, так как нашим

⁵⁰ Родина. 2005. № 11.

⁵¹ Сказание Авраамия Палицына. Гл. 68 // Русская Историческая Библиотека, т. XIII. - СПб, 1909, стб. 322, 326

мешал еще один городок⁵², то гетман послал ... и наши взяли этот городок и вырубili в нем русских; но так как они отошли от него, не оставив в нем людей для защиты, то русские, как только это увидели, сейчас же пришли и заняли его своими людьми. ... Между тем, русские, выбив силою из таборов всех своих, кто только был в таборах, и спешив конницу в садах на пожарище, всею силою стали налегать на табор гетмана. Гетман, как человек чрезвычайно храбрый, не убоился их, и долго с ними перестреливался; затем, видя беду, принимая также во внимание, что у него мало людей и что многие ранены и изнурены, так как сражались с неприятелем целый день, приказал обозу потихоньку отступить назад, а сам с войском сдерживал русских больше часу, пока возы не вышли на открытое место, куда гетман вывел и своих людей. Русские дальше своих ям не вышли; они там торжествовали свою победу...»⁵³.

После совместной победы 24 августа было официально заключено (предположительно 22 сентября) «единачество» между обоими Дмитриями и учреждено на Трубной площади единое правительство - «Розряд и всякие Приказы».

22 октября совершен штурм Китай-города, и защищавшихся оккупантов в Кремль вогнали. Кто же участвовал в этом последнем перед капитуляцией бою?

Ответ сообщает «Пискаревский летописец»: «И в ту пору некой смотрением Божиим крикнув **казаки князя Дмитриева полку Трубецково** с десницами на город-Китай с Кулишек от Всех Святых с Бѣванова лушку. **И город взяли** октября в 22 день, в четверг перед Дмитриевского суботою. И литву и немец многих побили, и казну поймали»⁵⁴ и вогнали поляков в Кремль. То есть первыми, кто захватил Китай-город были казаки князя Трубецкого, не вытерпевшие умышленного затягивания переговоров о капитуляции.

То же подтверждает и Будило: «...в полдень с великою силою пошли на приступ из батарей Трубецкого на Китай-город и с *великою* потерей для несчастных осажденных втоптали их в Китай-город»⁵⁵.

---

⁵² Имеется в виду Климентовский острожек – один из опорных пунктов Трубецкого

⁵³ Будило И. (?) Дневник..., с. 321-324

⁵⁴ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. – М, 1978, с. 218

⁵⁵ Будило И. (?) Дневник..., с. 351

26 октября поляки сдались и покинули Кремль. 27 октября был назначен торжественный вход в Кремль войск князей Пожарского и Трубецкого.

В отличие от историков XIX и XX вв. современники событий высоко оценивали роль лидера обеих стадий освободительной борьбы 1611-1612 гг. – воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Начиная с дней освобождения Москвы от поляков и вплоть до избрания на Земском соборе царем Михаила Федоровича Романова Юрьева (с октября 1612 до конца февраля 1613 г.) Трубецкой был, хотя и временным, – главным и единственным правителем Российского государства. Он же был одним из претендентов на царский престол. Именно у Трубецкого был особый титул – «Спаситель Отечества».

Со временем, однако, российскими историками превозносился все более Пожарский («высокоидейный, честный патриот, пр.»), а Трубецкой все более унижался («крайне тщеславный, упрямый и в то же время ничтожный человек, ...бездарный боярин» и т.п.)⁵⁶. Мнение же о Трубецком врагов иное («осторожный, искусно умевший пользоваться случаями к нападениям»)⁵⁷.

И все же, Трубецкому повезло больше, чем Ляпунову. В усадьбе Гребневе Щелковского района Московской области в 2012 г., в память о его бывшем владельце установлена памятная доска и заложен памятник казакам Трубецкого.

Будем надеяться, что всех истинных героев Смутного времени нашей Родины вспомнят и достойно отблагодарят будущие поколения.

---

⁵⁶ Бибиков Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т.32. М., 1950. С. 179-180.

⁵⁷ Кобержицкий С. Указ. соч. С. 8.

Семёнова А.Л.

Война 1812 г. в интерпретации А.И. Герцена: ценностный анализ

Война 1812 г. сыграла в судьбе русского писателя, публициста, философа, общественного деятеля, издателя А.И. Герцена определяющую роль. С описания этого эпического события начинается повествование в мемуарном произведении Герцена «Былое и думы». По мнению И. Берлина, А.И. Герцен «оставил по себе несравненный памятник, литературный шедевр и лучшее свое творение – «Былое и думы», произведение, достойное быть в одном ряду с романами его соотечественников и современников – Толстого, Тургенева, Достоевского»¹.

Герцен родился в Москве 25 марта (6 апреля) 1812 г. В сентябре 1812 г. Наполеон вошел в Москву во главе французских войск. Пожар Москвы, ставший угрозой не только для завоевателей-французов, но и оставшихся в городе москвичей, был событием лично пережитым младенцем Герценом. Спустя годы, слушая рассказы няни, он «с гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне»². Его отец Иван Алексеевич Яковлев оказался в эпицентре военно-дипломатических событий: ему довелось стать посредником между двумя великими фигурами европейской истории начала XIX в. – Наполеоном Бонапартом и Александром I. Эти биографические факты ставили в эпицентр европейских событий и самого Александра Герцена, который рассказывал в мемуарах об этом эпизоде из жизни отца.

Начиная работу над мемуарами в 1852 г., Герцен осмысливает события Отечественной войны 1812 г. и свои детские впечатления о ней через призму прожитых лет и приобретенного опыта.

---

¹ Берлин И. Александр Герцен и его мемуары / Вст. статья и перевод с англ. В. Сапова // Вопросы литературы. 2000. Март-апрель. С. 111-142. С. 114.

² Здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию: Герцен А.И. Сочинения в 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 25-37.

Исследователь герценовского творчества В.А. Туниманов писал: «Думы – длительные и мучительные размышления, бесконечные возвращения к одним и тем же фактам, событиям, лицам, дорогим и ненавистным. Они сгусток житейской мудрости, философско-лирическое резюме...»³. Сорокалетний автор «Былого и дум» неизбежно делает акцент на самом важном и значимом не только для него, но и для русского общества XIX в. Поэтому большой интерес представляет ценностный анализ фрагмента о войне 1812 г. из «Былого и дум».

Роль ценностей в личностном самоопределении весьма высока: «Система ценностей представляет собой мир значений, благодаря которым человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем собственное эмпирическое существование. Именно благодаря приобщению к ценностям жизнь отдельного человека приобретает смысл»⁴.

Само понятие ценности, как его определяет В.А. Сидоров, – это «специфически социальное определение объекта окружающего мира, выявляющее их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное), заключенное в явлениях общественной жизни и природы». По утверждению ученого, «в качестве философской категории ценность – это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым из всего и во имя чего проживается жизнь»⁵.

В тексте «Былого и дум» война 1812 г. представлена исключительно «московскими событиями», что определялось, с одной стороны, биографическими реалиями семьи А.И. Герцена, с другой стороны, тем, что именно эти события стали кульминационными в истории Отечественной войны 1812 г. Проследим, какие ценности представлены в мемуарах Герцена, как

---

³ Туниманов В.А. А.И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX века. СПб., 1994. С. 88.

⁴ Чудинова И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. С. 3.

⁵ Сидоров В.А. Политическая публицистика: ценностный отчет // Публицистика в кризисный период. Великий Новгород, 2010. С. 198.

они раскрываются в тексте.

Участие в войне. Эта ценность раскрывается в повествовании как общенациональная: младенец Герцен, его семья, слуги – все оказываются участниками происходящих трагических событий. При этом «участие» раскрывается в двух взаимосвязанных аспектах:

– **Сопrotивление.** В сцене, описывающей схватку крепостного слуги – «нашего Платона» – и французского драгуна из-за лошади, присутствуют и патриотический пафос – «повязал себе саблю», и приземленные реалистические детали: Платон любил выпить, был в этот день «очень в кураже». Однако в целом этот эпизод подчеркивает уже сложившееся и укоренившееся в русском обществе представление о народном характере войны 1812 г.

Платон «повязал себе саблю»

«граф Ростопчин всем раздавал в арсенале за день до вступления неприятеля всякое оружие»

Сцена с лошадью: «Лошадь наша, я тебе ее не дам» (Платон)

Барин: «Оставь лошадь, не твое дело»

Платон «выхватил саблю да как хватит его (драгуна – А.С.) по голове... еще да еще»

– **Страдание.** Это основной эмоциональный мотив в воспоминаниях о войне. При этом в описании переживаний героев прослеживается градация – нарастание чувства катастрофичности всего происходящего.

«сердце опустилось»

«сила крестная с нами»

«переполошились»

«суетились да ахали»

«тщедушный да слабый» (о А.И. Герцене – А. С.)

«дом загорелся»

«а уж и деревья начинают гореть»

«сели пригорюнившись на скамеечках»

«пожар-то все страшнее и страшнее»

«измученные, не евши»

«тут я взяла кусок от равендюка (холста – А.С.) с бильярда и завернула вас от ночного ветра»

«сели мы так просто на улице»

«а вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко

пропало, ни у кого ни куска хлеба»

«пожар достиг в эти дни страшных размеров: накалившийся воздух, непрозрачный от дыма, становился невыносимым от жара»

Единение. В условиях войны стираются сословные различия, проявляется общность участия в трагических событиях и переживании общих страданий: голод, отсутствие жилья, пожар.

«пошли мы, и господа и люди, все вместе, тут не было разбора»

После сцены с драгуном – «пришла наша смерть, как увидят его товарищи, тут нам и конец»

*«взошли мы в какой-то уцелевший дом и бросились отдохнуть»
всех мужчин забрали «тушить окольные дома»*

В описании поведения французских солдат можно также выявить два ценностных аспекта, которые раскрывают логику развития событий: почему Наполеон был вынужден покинуть Москву. Если первые дни в Москве французы представляют собой дисциплинированную армию и Герцен описывает их **воинское благородство**:

«а по улице скачут драгуны в таких касках и с лошадиными хвостами»,

«взойдут два-три солдата и показывают, нет ли выпить; поднесем им по рюмочке... они и уйдут да еще сделают под козырек»; –

то затем все больше сцен, в которых проявляется антиценность – **мародерство**, демонстрировавшее моральное разложение французской армии и обреченность Наполеона на поражение:

«как пошли пожары, ... сделалась такая неурядица, грабеж пошел и всякие ужасы»

«ватага солдат препьяных»

«драгун верхом въехал во двор»

*«драгун погрозил ему пистолетом, да, видно, он не был заряжен»
дорожный тулупчик стали с Павла Ивановича снимать:
«старик не дает, солдат выхватил тесак да по лицу его и хватъ,
...до кончины шрам и остался»*

«один солдат вырвал вас у кормилицы, развернул пеленки, нет ли де каких ассигнаций или бриллиантов, видит, что ничего нет, так нарочно, азарник, изодрал пеленки, да и бросил»

«десять раз ватаги солдат придирались к несчастной кучке»

женщин и людей...»

При этом слово «ватага» встречается в тексте дважды. Этот образ неслучаен. По Далю, ватага – «дружная толпа, шайка, артель; временное или случайное товарищество...»⁶. А значит, французские солдаты, пренебрегшие воинской дисциплиной, ставшие по сути преступниками, не могли в принципе рассчитывать на победу в этой военной компании.

В таких условиях понятна растерянность Наполеона, непонимание замысла противника, который отступил за Москву, но не признал себя при этом побежденным. Наполеон, по словам Герцена, чувствует, что «опаленные лавры его скоро замерзнут», что план войны нелеп. Сцена встречи И. А. Яковлева с Наполеоном Бонапартом описывается Герценом откровенно иронично. Автор называет все произошедшее комедией. При этом смешон не русский аристократ, вынужденный пренебречь этикетом и предстать перед императором в поношенном охотничьем полуфраке, в нечищенных сапогах, без парика и небритый, а смешон французский император – победитель, – сетующий на сложившуюся ситуацию и молчание со стороны русского императора.

Этикет. Безусловная ценность аристократического общества перестает быть таковою в условиях войны. Этим Герцен подчеркивает относительность некоторых ценностных установок аристократии. Неэтикетный внешний вид не мешает отцу Герцена оказаться в чрезвычайно важной роли – посредника между двумя императорами. Эта историческая миссия не зависит от внешних приличий и правил этикета в условиях войны.

«поклонник приличий и строжайшего этикета» (о И.А. Яковлеве – А.С.)

И.А. Яковлев явился к императору Франции «в синем поношенном полуфраке с бронзовыми пуговицами, назначенном для охоты, без парика, в сапогах, несколько дней не чистенных, в черном белье и с небритой бородой»

Сострадание. Эта ценность показана в мемуарах Герцена как общечеловеческая. Французские солдаты и офицеры проявляют

---

⁶ Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/>, свободный. Дата обращения: 21.03.2013.

участие к судьбе несчастного семейства; генерал Иловайский берет на себя хлопоты о том, чтобы семью И. А. Яковлева отправить в Ярославскую губернию.

Наталья Константиновна – «бой-девка», – которая потребовала у французов еды для младенца: «солдаты ничего не поняли, а таки вспрыснули со смеха и дали ей для вас хлеба моченого с водой и ей дали краюшку»

итальянский офицер, узнав о том, что все голодны, «повел всех в разбитую лавку»

он же поставил часового «в предупреждение диких сцен»;

часовой «оказался чрезвычайно полезен»: ватаги солдат уходили по приказу часового

О казацком генерале Иловайском: «достал какую-то старую колымагу и отправил до ближнего города..., снабдил деньгами»

Слово чести. Эта ценность безусловна и для русских аристократов, и для французского императора. И.А. Яковлев, рискуя вызвать недовольство Александра I, выполняет свое обещание, данное французскому императору, и отдает письмо Аракчееву под расписку. Генерал Иловайский для семейства И.А. Яковлева «сделал все, что мог, в суеде и тревоге военного времени».

Диалог Наполеона и И. А. Яковлева:

- Даете ли вы честное слово, что употребите все средства лично доставить письмо?

- Je m'engage sur mon honneur, Sire. (Ручаюсь честью, государь)

- Этого довольно.

Иловайский говорит И.А. Яковлеву: «Я даю вам слово их отправить».

Свободное владение иностранным языком. Для русской аристократии в этой ценности проявлялась сословная идентичность, это было признаком подлинной аристократичности. К тому же владение иностранным языком вписывало русского аристократа в общеевропейское культурное пространство. Свободное владение итальянским и французским языками делает отца Герцена человеком близким и французскому императору (неслучайно ответ Яковлева приведен Герценом по-французски, в то время как французская речь Бонапарта дана в русском переводе), и итальянскому офицеру, встреча с которым оказалась в высшей степени судьбоносной.

Ценностный анализ эпизода из «Былого и дум» о том, «как французы приходили в Москву», позволяет понять, почему именно с этих событий, о которых не мог помнить сам Герцен, начинаются его воспоминания о собственной личной жизни. По мнению исследователей, «чрезвычайно рано пробудились у юного Герцена политические интересы», при этом «высокие патриотические стремления» ученые связывают «с традициями Отечественной войны 1812 года»⁷.

В завершение анализа обратимся к тому аспекту, который автор постоянно подчеркивает – **эпичность** пережитых событий. Эта черта выявляет национальный масштаб событий, вписанность частной, личной судьбы в общеевропейскую историю. Неслучаен эпизод с графом Кенсоном, французом, воевавшим в русской армии против Наполеона. Герцен признается, что «этого не понимал», так как в то время им владело «исключительное чувство национальности».

Эпический характер повествования прослеживается в повторении слова «рассказ»:

«любимый рассказ» нянюшки;

«позвольте мне сменить старушку и продолжить ее рассказ».

Служивцы И. А. Яковлева, участники войны, «отдыхали от своих трудов и дел, рассказывая их».

Герцен пишет: «Тут я еще больше наслушался о войне», он вспоминает, что «очень любил рассказы графа Милорадовича».

Так формируется эпическое повествование об Отечественной войне 1812 г. Юный Герцен узнает об этих событиях от непосредственных участников, свидетелей тех трагических дней, когда французская армия вступила в пределы России. Этот национальный эпос Герцен воспринимал как свой личный. Он писал в «Былом и дум», что «рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о взятии Парижа были моей колыбельной песней,

---

⁷ Путинцев В.А., Эльсберг Я.Е. Герцен // История русской литературы: В 10 т. – М.-Л., 1941-1956. Т. VII: Литература 1840-х годов. 1955. С. 407-508. // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ir1/i10/i17/i17-407-.htm?cmd=2>, свободный. Дата обращения: 18.10.2012.

детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей».

В.К. Кантор считает, что «для становления юношеского самосознания Герцена... был важен этот эпизод, не случаен рассказ о нем на первых страницах «Былого и дум». Получалось, что с самого рождения он оказался в центре исторических событий. И темы, и мотивы этих событий протянулись через все его творчество»⁸. И с этим утверждением необходимо согласиться, так как «ценности составляют ядро менталитета», «являются стержнем жизнедеятельности отдельной личности, придавая ей устойчивость и перспективу»⁹.

---

⁸ Кантор В.К. Александр Иванович Герцен // Герцен А.И. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст., коммент. В.К. Кантор. М., 2010. С. 8.

⁹ Чудинова И.М. Социально-политические ценности.... С. 15.

Смирнова Л.В.

***История Бородинского поля: подготовка к 200-летию
Бородинского сражения***

Название «Бородинское поле» появилось на карте России после генерального сражения российских войск под командованием генерала от инфантерии светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова с Великой армией императора французов Наполеона Бонапарта. Оно произошло в 120 километрах западнее Москвы 26 августа (по старому стилю) 1812 г. в понедельник, в день праздника Владимирской иконы Божией Матери.

В начале XIX в. эта местность состояла из 57 земельных дач, включая 4 села, 15 селец и 4 деревни, связанных сетью проселочных дорог. В 13 населенных пунктах имелись одноэтажные господские деревянные дома. Около 70% бородинского поля составляли открытые пространства. Крестьяне занимались хлебопашеством – возделывали озимую рожь, яровой ячмень, овес, пшеницу и т.д. Женщины, кроме полевых работ, занимались прядением льна и шерсти, ткачеством и вязанием «для своего употребления».

Никакие великие события здесь не происходили, а поля, леса, холмы, овраги и реки, упомянутые Ф.Н. Глинкой (участником Бородинского сражения) являлись частью природных элементов ландшафта, особое сочетание которых, оказавшееся выгодным для обороняющейся стороны, позволило выбрать позицию для генерального сражения именно у села Бородина. Перед решающей битвой обычный сельский пейзаж превратился, далее я цитирую, в «город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его дома – шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами ружей и штыков; его площади уставлены молчаливо-грозною артиллериею».

После сражения «убранство поля Бородинского» стало иным: (вновь звучат строки из воспоминаний Ф.Н. Глинки) «Остовы лошадей с обнаженными ребрами, искрошенное оружие, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутые фуры без колес, колеса без осей, оледенелые пятна крови и примерзлые к земле разноцветные

лохмотья мундиров разных войск, разных народов». Захоронить зимой десятки тысяч тел было невозможно, поэтому их в основном сжигали на гигантских кострах в ямах, открытых неподалеку от мест гибели. Часть тел была засыпана во рвах укреплений. С 18 октября 1812 г. по 27 апреля 1813 г. на Бородинском поле было захоронено 16543 и сожжено 33171 останков павших воинов обеих армий, а также более 39 тысяч голов «конской падали».

Военно-оборонительный потенциал Бородинского поля был использован вновь в 1941 г. для строительства военно-инженерных сооружений 36-го укрепрайона Можайской линии обороны. После окружения советских войск под Вязьмой эти недостроенные доты, противотанковые рвы, окопы и ходы сообщений стали рубежом, за которым до самой Москвы войск не было. Как и в 1812 г., остановить врага здесь не удалось, но его продвижение к Москве войсками 5-й армии было задержано на шесть дней. После трех месяцев оккупации 21 января 1942 г. поле было освобождено.

Что осталось на поле после столь масштабных разрушительных событий? Какие свидетельства «битвы гигантов» можно увидеть ныне?

В первую очередь – земляные артиллерийские укрепления: Шевардинский редут, Багратионовы и Масловские флеши, батарея Раевского, французские батареи генералов Фуше, Сорбье, Богарне. Разрушенные в ходе боев, они в разное время реставрировались и сохраняются в виде заросших травой валов со рвами.

Сама земля на поле битвы хранит в себе многочисленные свидетельства сражения: ядра, пули, осколки гранат, обломки оружия, пуговицы, образующие археологический культурный горизонт.

Из множества братских могил участников сражения ныне известны только три. Места других захоронений музей-заповедник пытается обнаружить с помощью геофизиков и археологов. Останки четырехсот воинов обеих армий, найденные при реставрации укреплений, захоронены у Спасо-Бородинского монастыря. В общей могиле нашли вечный покой офицеры лейб-гвардии Семеновского полка С.Н. Татищев и Н.А. Оленин, убитые одним неприятельским ядром.

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник – старейший в мире среди музеев, основанных на полях

сражений. Начало ему было положено в 1839 г., когда по указу императора Николая I в центре Бородинского поля была построена сторожка для инвалидов (ветеранов) Отечественной войны 1812 г., которые должны были ухаживать за монументом героям Бородина и могилой генерала от инфантерии П.И. Багратиона на батарее Раевского. Развернутая в этом домике скромная экспозиция и стала прообразом будущего музея, а первым ее экспонатом – составленный генерал-квартирмейстером русской армии К.Ф. Толем план Бородинского сражения, о котором в указе императора Николая I от 23 марта 1839 г. сказано: «...хранить за стеклом в домике инвалидов один экземпляр плана Бородинского сражения из Военно-топографического депо, покрыв план этот лаком для большей прочности». Здесь же хранились находки с поля битвы (ядра, осколки гранат, картечные и свинцовые пули), молоток и лопатка, которыми цесаревич Александр Николаевич заложил монумент на батарее Раевского, а также футляр от закладного камня. Тогда же была заведена и книга посетителей.

Для размещения прибывавших на Бородинское поле царственных особ и свиты к 1839 г. в селе Бородине был построен двухэтажный деревянный дворец, интерьеры которого украсили портретами генералов – участников наполеоновских войн, мебелью и предметами быта, привезенными из Санкт-Петербурга. Нашлось в нем место и для реликвий, связанных со сражением, книг и военных карт.

В 1852 г. после кончины основательницы Спасо-Бородинского монастыря игуменьи Марии (М.М. Тучковой) ее дом, по желанию митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), стал музеем; в нем находились мемориальные вещи, связанные с семьей Тучковых-Нарышкиных.

В 1902 г. по инициативе начальника железнодорожной станции Бородино П.П. Богдановича в одной из комнат вокзала был создан «Музей 1812 года», где экспонировались живописные и графические портреты, батальные композиции, оружие и снаряжение обеих армий, предметы декоративно-прикладного искусства, книги, документы.

Интерес к Бородину не ослабевал все годы. Поле посещали члены царской семьи, высокопоставленные чиновники,

военачальники, православные паломники, потомки героев 1812 г.

Для подготовки к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 г., главным местом которого стало Бородинское поле, император Николай II создал Межведомственную комиссию. Ее председатель генерал В.Г. Глазов в мае 1910 г. поставил вопрос о том, что «на Бородинском поле возможно допустить постановку памятников частям войск на местах их участия в бою» на их средства. Задача увековечить память каждого воинского формирования при этом не ставилась. Не все воспользовались этим правом – надо было успеть собрать достаточное количество денег, выкупить у крестьян участки земли, разработать и представить на утверждение проект. Проекты и расположение монументов должна была утверждать Межведомственная комиссия с учетом того, чтобы они «своим местоположением не мешали движению по полю и не заслоняли друг друга». Список проектируемых памятников неоднократно изменялся. В результате на Бородинском поле было установлено 33 монумента в стилях неоклассицизма и модерна, с различной по содержанию и полноте информацией на каждом из них: названия сражавшихся частей и их потомков, численность, потери, иногда с фамилиями, слова о нравственном значении подвига предков. Их авторами были как профессиональные архитекторы, так и военные инженеры, предложившие различные архитектурные формы для памятников-монументов: колонны,obelisks, глыбы с двуглавыми орлами и крестами, часовни.

Монументы, установленные на командных пунктах М.И. Кутузова и Наполеона, зафиксировали их расположение на поле битвы.

Так же к 100-летию Бородинского сражения на месте сторожки инвалидов у батареи Раевского по проекту архитектора В.В. Воейкова было построено здание в традициях русского усадебного дома. В его залах открылась юбилейная экспозиция: привезенные из Санкт-Петербурга и Москвы произведения живописи, графики и скульптуры, памятные венки с лентами, юбилейные адреса, подарки от депутатов различных сословий и губерний России, принимавших участие в Бородинских торжествах 1912 г. Таким образом, к 1912 г. на Бородинском поле сложился целый музейный комплекс, состоявший из экспозиций у батареи Раевского, на станции

Бородино, в Спасо-Бородинском монастыре и Императорском дворце в селе Бородине, куда допускалась «прилично одетая публика». Все они просуществовали до революции 1917 г.

В начале 1920-х гг. Бородинский дворец и музей на станции Бородино были закрыты и разграблены, но, по счастливой случайности, отдельные предметы попали в музей у батареи Раевского. Сначала Бородинский музей считался филиалом Военно-исторического музея, затем – Российского исторического музея, а в сентябре 1925 г. его передали в ведение Московского областного отдела народного образования.

В 1930-е гг. пополнение коллекций происходило в основном за счет поступлений из Государственного музейного фонда. Осенью 1941 г., перед началом боев на Бородинском поле, экспонаты музея были эвакуированы в Алма-Ату. В октябре 1944 г. реликвии 1812 г. вновь заняли свое место на выставке, открывшейся после капитального ремонта здания музея, сожженного фашистами при отступлении в 1942 г. Перед отступлением фашисты сожгли все дома в селе Бородине, включая здание дворца. К 200-летию Бородинского сражения императорский дворцово-парковый ансамбль в селе Бородине планируется воссоздать. Сгоревший в том же 1942 г. дом игуменьи Марии был воссоздан лишь в 1994 г.; в нем расположена мемориальная экспозиция, посвященная основательнице Спасо-Бородинского монастыря.

В 1961 г., в канун 150-летия Отечественной войны 1812 г., Указом Совета Министров РСФСР поле Бородинского сражения было объявлено музеем-заповедником «с включением в него памятных мест, исторических памятников Бородинского поля и Государственного Бородинского военно-исторического музея».

В 1995 г. музей-заповедник «Бородинское поле» был включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Подготовку к 200-летию юбилею, музей начал заранее. Были отреставрированы памятники, продолжаются работы по восстановлению императорского дворцово-паркового ансамбля в селе Бородине. В здании дворца разместится экспозиция, посвященная истории Бородинского поля с древнейших времен, в специально оборудованном выставочном зале предполагается принимать

выставки из других музейных собраний; в одном из кавалерских корпусов будет устроена постоянная выставка «Бородино в отечественной культуре». Там же разместится и новое фондохранилище с современным немецким оборудованием.

В настоящее время в музее открыто пять экспозиций, посвященных героям и событиям двух отечественных войн. К 200-летию Бородинского сражения, в отреставрированном здании музея, открылась экспозиция «Славься ввек Бородино!...». Посетителю демонстрируется коллекция живописи и графики, прежде всего, произведения батального жанра и военные портреты. Украшение экспозиции музея являются произведения художников начала XIX в. круга Г.Г. Левицкого и В.Л. Боровиковского, портреты кисти В.А. Тропинина, А.Г. Варнека и Дж. Доу, а также батальные полотна А.Е. Коцебу, Н.С. Самокиша, Ф.А. Рубо.

Коллекция военного костюма, считающаяся одной из лучших в России, состоит преимущественно из мундиров и амуниции рядового состава русской армии и армий западноевропейских стран первой четверти XIX в. Наиболее ценный раздел собрания – военные регалии 1812 г.: батальонные знамена пехотных полков, кавалерийские штандарты и флюгера, а также награды, среди которых навершия знамен, георгиевские серебряные трубы, ордена и медали. В собрании музея имеются также коллекции декоративно-прикладного искусства, редкой книги, документов, нумизматики. Самая многочисленная коллекция – археологическая, состоящая из находок с Бородинского поля сражения. На сегодняшний день коллекция музея составляет более 40 тысяч единиц хранения.

Гордостью музея являются личные вещи императора Александра I, фельдмаршала М.И. Кутузова, императора Наполеона, участников Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, автографы Екатерины II, Александра I, М.Б. Баркляя де Толли, П.И. Багратиона, и других героев 1812 г.

В день празднования юбилея, 2 сентября, Бородинское поле посетил президент Российской Федерации В.В. Путин. Он возлагал цветы и венки к подножию Главного монумента на батарее Раевского. На плац-театре была показана реконструкция эпизодов Бородинского сражения, в которой приняли участие военные клубы из разных городов России и зарубежных стран. В этот день

Бородинское поле посетили более 250 тыс. зрителей.

С 3 по 7 сентября прошла Международная научная конференция «Сей день пребудет вечным памятником...», которую ежегодно проводит музей. На конференции прозвучало более шестидесяти докладов, связанных с героической эпохой 1812 г.

8 сентября на Бородинском поле вновь прошли торжества. В Спасо-Бородинский монастырь из Смоленска была привезена икона Смоленской Божией матери, та самая перед которой молился М.И. Кутузов и русское войско в канун генеральным сражением. Службу отслужил Патриарх Кирилл.

В народном сознании Бородино неразрывно связано с историей России. Все, кто приезжает на Бородинское поле, хотят и ожидают увидеть его местом особенным, хранящим зримые следы великой битвы, оказаться в атмосфере, отличающейся от повседневной. В настоящее время историко-культурный ландшафт Бородинского поля, включающий в себя памятники-свидетельства событий 1812 и 1941 гг., памятные места и памятные знаки, сохраняют свою по длине и целостность. Убедительным подтверждением этого стало присуждение Бородинскому музею-заповеднику в 2007 г. Международной премии ЮНЕСКО имени Мелины Меркури за сохранение и организацию использования культурных ландшафтов. Бородинское поле стало первым в России пространственным объектом наследия, состояние которого получило столь высокую оценку мирового сообщества.

Терешкина Д.Б.

**Концепт «смута» как выражение
«государственного неустроения» в русской агиографии¹**

Термин «смута» по отношению к событиям на Руси начала XVII в. был впервые применен, как полагают, подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным, «который в 1664 году бежал из России и написал в Швеции сочинения о порядках и обстановке в Русском государстве»². Однако лексема «смута» и слова, входящие в лексико-семантическую группу этого значения, в древнерусском языке существовали с первых веков письменности. «Смятение» – ‘замешательство, волнение; раздор, смута, мятеж’ (в «Житии Феодосия Печерского» Нестора: «Бысть в то время съмятение нѣ како от вселукаваго врага въ трѣхъ княжяхъ... якоже двѣма брань сътворити на единого старѣйшаго си брата» (XI – XIII вв.), позже – в Псковской летописной повести о смутном времени, «Сказании Авраамия Палицына», а также в устойчивом выражении «смятение ума». «Смятися» – ‘сбиться’, «смятный – ‘смутный, характеризующийся смутой’ («было смятное время» - 1615 год). «Смятня» – ‘волнение, смута’ – зафиксировано с 1593 года. «Смятеный» – ‘встревоженный, взволнованный’, «смятися» – ‘всколебать’, «смясти» – ‘встревожить, привести в смятение’ (с XIV в.), ‘взбудоражить, взбаламутить’, «смутение» – ‘волнение’ (конец XVII в.), «смутитель» – ‘тот, кто смущает, соблазняет кого-либо’, «смущатель», «смутникъ» – ‘смутьян, подстрекатель’ (XIII в., слово Ефрема Сирина), «смущение» – ‘хаос, смятение’ (с XI в.), ‘мятеж, смута’ (с XIV в.), ‘подстрекательство, наущение, наговор’ (с XIV в.), «смутня» – ‘интриги, мятеж, беспорядки’ (с 1626 г.). Наконец, само слово «смута» в значении ‘волнение, смута, мятеж’ впервые зафиксировано в 1606 г., второе значение – ‘превратное изложение событий, чтобы вызвать раздор, ссору’ – в 1620; ‘раздор,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-14-53000.

² Морозова Л.Е. История России. Смутное время. М., 2011. С. 3.

распря, вражда' – с 1625 г.; 'беспорядок, неразбериха', – с 1587 г., наконец, в значении 'замешательство, беспокойство', – в 1594 г., затем уже у Котошихина как определение целого периода в жизни русского государства. Устойчивое выражение «Смутное время» зафиксировано в нехудожественных текстах 1610, 1614, 1615 гг.³

Можем констатировать, что лексико-семантическая группа концепта «смута» в древнерусской письменности была очень широкой и разветвленной, со множеством оттенков значений. Языковое выражение концепта принадлежало в основном деловой сфере. В агиографии положение было иным.

Как такового термина «смута» в произведениях русской агиографии XVII в. практически нет – по крайней мере, в известных нам текстах (а это жития Никандра Псковского, Галактиона Вологодского, Арсения Новгородского, Елеазара Анзерского, Зосимы и Савватия Соловецких и др. О житии Прокопия Устюжского и отражении в нем эпохи Смуты писала в свое время московская исследовательница Н.И.Воскобойник). Примечательно, что в агиографических произведениях, современных смутному времени, сама тема государственных потрясений отражена минимально и весьма специфично.

В «Повести о житии Феодора Иоанновича», написанной в идеализирующем стиле, читаем о том, как Бог утверждал в Феодоре истинное благочестие, «от всяческой еретических смущений (смут – *Д.Т.*) невредимо сохраняя»⁴. В рассказе о погребении Феодора: «Борись Феодорович сугубу печаль в сердцѣ своемъ имущи, ово о отшествии к Богу благочестиваго царя сѣтуя ... ово же и земнаго правительства тишину и мир со опасением устрояя (т.е. «опасался, что в управлении страной трудно будет сохранить покой и мир»)»⁵. Тишина как антоним смуты актуализирован во многих текстах и вообще в литературной традиции – вплоть до Ломоносова. Уступая по публицистичности и злободневности прочим жанрам словесности, агиографическая литература словно избегала рассказа о современных

³ Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 2000. Вып. 25. С. 206 – 207, 218 – 225, 236 – 240.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. К. XVI – нач. XVII вв. М., 1987. С. 112.

⁵ Там же, с. 124.

неустроениях, описывая лишь беды, явленные человеку в их простой, бытийной стороне – голоде, эпидемиях, нашествиях врагов. И виделось во всем этом лишь Божье испытание и наказание «по грехом нашим». Способствовало подобному описанию событий и трансформировавшаяся в XVII в. система жанров, когда в агиографический круг произведений включались не свойственные литературе ранее синкретические жанры видений, сказаний. «<...> литература Смуты не выходила за традиционные для Древней Руси жанровые рамки – публицистического послания, исторической повести («летописной книги»), сказания или «истории» <...> к которым примыкает также агиография», поскольку «жизнеописания святых, сказания о явлении чудотворных икон, об основании монастырей и т.п. с древнейших времен воспринимались именно как историческое повествование <...> Венцом объединения истории и агиографии, несомненно, является создание Степенной книги»⁶.

Подобным произведением «промежуточного типа» является статья «О гладех», написанная монахом Псково-Печерского монастыря Григорием о голоде в Пскове в 1602 году и включенная, в виде добавочной статьи, в цикл агиографических произведений о князе Всеволоде⁷. Собранное «от летописцов новгородских», повествование относится к одному из наиболее жутких испытаний времени Смуты – страшном голоде, постигшем русское население в результате трехлетнего неурожая и нустроений в самом начале XVII столетия. Григорий пишет о жесточайших испытаниях, постигших Псков, Новгород, Москву и другие русские города, когда от голода «где кто шол, ту и повалился», когда Русь была наполнена нищими, бродягами, разбойниками «от боярьских людей, которые отпущены хлеба ради скудости», когда «ядяху же людие не имущии хлеба, илем, уш, кору березову, траву лебеду, папорть, киселицу и кто что замыслит. Еще же и конину, и плоти человеческия», а трупы умерших «по улицам, и по торгу, и по путем всюду» лежали, «и начаяша возити мертвых из града, понеже бысть смрад зол, нельзе исходити из

⁶ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994. С. 12 – 13.

⁷ Исследование текста и публикация: Охотникова В.И. Псковская агиография XIV – XVII вв. Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. I. С. 139 – 140, 197 – 200.

дворов». Все это усугублялось нашествием врагов: «Такоже и скоту падеж велик от наведения ливонския и лифляньския земли чюди и латышей от войны польския...» При этом Григорий не переходит на полемические или публицистические темы, не ищет виноватых происходящего, а по-житийному констатирует беды, принимая их как наказание Господа: «еже содеяся за грехи наша, яко согрешихом и беззаконовахом пред Господем нашим, заповедей Его не послушахом, ни соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповеда нам, да благо нам будет. Понеже бо время благочестивых царей и великих князей наших бываем ко вскому греху безстрашни и немилостивы и к беззаконию и обидам и друг другу насилованием дерзвы». Борис Годунов, бывший тогда царем, прислал в Псков ржи, овса, денежной милостыни, показав, по словам Григория, «человеколюбие свое». Во всех неустроениях виноват сам человек, забывший Бога – такова главная мысль книжника⁸.

Так же – в отстраненно-агиографическом тоне – написана в конце XVI в. похвала псковскому святому Савве Крыпецкому: иноверцы, приходившие на русскую землю с войной, получали искренней вере помощь в Псково-Печерской обители Богородицы: «Но понеже и невернии языцы латынстии с верою прихожаху во обитель ... честнаго и славнаго Ея Успения, недужнии, яцам же недугом кто одержим бываше, такоже вси исцелевахуся ото образа Матери Господня ... яко един есть Господь наш Иисус Христос...»⁹. Чуть более поздние редакции житий святых, описывающие события, близкие Смутному времени, даже в чудесах, т.е. в наиболее событийной части жития, обходят стороной эпизоды, связанные со

---

⁸ Р.Г. Скрынников, описывая отражение в источниках голода в начале XVII в., отмечает разные взгляды современников на действия властей: «Недоброжелатели Бориса считали, будто раздача милостыни лишь усилила голод в Москве, куда потянулся люд со всей округи. Однако очевидцы менее пристрастные иначе оценивали меры Годунова. «На Москве и в пределах ея, - писал летописец, - ели конину, и псы, и кошки, и людей ели, но царскою милостынею еще держахуся убогие.» (Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 281). Агиографическая литература во многом отражала именно беспристрастный взгляд на испытания Смуты.

⁹ Охотникова В.И. Псковская агиография XIV – XVII вв. Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. II. С. 495.

Смутой. Чудеса святого остаются в рамках традиционных агиографических повествований об исцелениях грехов частного человека, а не страны в целом.

Отдельно следует сказать о житиях, тематически связанных с событиями эпохи Смуты, но повествующих о событиях давно прошедших. Таковым является житие псковского князя Всеволода-Гавриила, чье княжение в Новгороде в первой трети XII в. было отмечено бурными народными волнениями, в результате которых образовалась новгородская республика, отказавшаяся от прямой княжеской власти. В XVI веке псковским агиографом Василием-Варлаамом было создано официальное, в духе второго монументализма, житие Всеволода, где волнения новгородцев были описаны трафаретными и в целом отстраненными выражениями, лишь обозначающими факт как одно из испытаний князя-будущего святого. В самом начале XVII в. уже известный нам псковский книжник печерянин Григорий создает совершенно новую редакцию жития Всеволода, в которой автор словно выразил то, что думал о современных ему событиях, но на основе событий, происходивших почти пятьсот лет назад. События, связанные с буйством новгородцев, изгнавшим Всеволода, занимают в житии центральное место и звучат в высшей степени злободневно.

Акт изгнания новгородцами князя описывается как действие безумного, одержимого дьяволом народа. Концепт «смута» актуализирован не в самой лексеме-ядре, еще не получившей на начало XVII в. осмысленного терминологического наполнения, а в однокоренных словах «мятеж», «смятенье», а также в обширной лексико-семантической группе, включающей большое число коннотативной лексики, с яркой отрицательной семантикой: «востание», «безумие», «злоба», «похотение», «самовластие», «оскорбление», «брань междоусобная», «лукавство», «завидение» (зависть), «раздражатися», «разъярившеся», новгородцы называются «неистовыми», «буйными», «зломысленными», «самовольным народом», «буйством наполнившимся», «ругающиеся нелепотными укоризны» на князя, сравниваются с «дивими зверями», с «волками тяжкими». Центральным ядром семантического поля «мятеж, смута» становится отказ мятежникам в человеческом разуме и добросердечия. Все волнения происходят от неразумия и от того, что

«дьявол ожесточи сердца их, яко камень». Скорые на суд, новгородцы не дают себе время подумать, постоянно то прогоняя, то возвращая князя. Поступают они «гордящися» и без благословения пастыря, зывающего к ним словом увещевания. Не надеясь уже на их доверие к своим словам, владыка (тогда епископом Новгорода и Пскова был Нифонт) ссылается на авторитет пророков: «И аще не хотите послушати мене, якоже богогласный Исая рече: «Оружие вы пояст, уста бо Господня глаголаша сия»»¹⁰. Отказ от разумного отношения к событиям делает непокорный народ не только не послушным владыке, но и легко относящимся к кровопролитиям, «скоры бо ноги их пролияти кровь», «аки воду». Пролить кровь по отношению к виновному – грех, а ведь «досягоша же и невиноватых», с горечью пишет агиограф. В человеческой смуте всегда гибнут невиновные.

Еще один порок, являющийся причиной всех бед, - жадность. Книжник зывает к разуму восставшего народа, возжелавшего владеть землей, стараясь напомнить вековой обычай наследования землями: «...в разделении прадеда нашего, великого князя Ярослава Владимировича, урядившу... при кончине живота своего с великим духовным запрещением никому же не преступати в предел брата своего, ... а не вам, простым мужем». И не потому, что агиограф не думает о социальных противоречиях, а потому, что нарушение людьми заведенного порядка, тем более – предсмертного завещания князя-отца, – величайший грех.

Тяжелым пороком считает агиограф неблагодарность. Несколько раз он говорит об этом, перечисляя, что сделал князь для родной земли, ибо о добрых делах стоит прежде думать, чем о своих обидах и тем более – неправедных желаниях. Предательство своего князя Григорий сравнивает с поруганием Хамом своего отца: «якоже Хам древле, ...отцу ругатель», и, глубже, - с неистовством иудеев, предавшим Христа на распятие.

Автор жития Всеволода описывает события далекого XII века, словно они происходят в его время, в начале XVIII-го. Такую высокую эмоциональность, горячую сопричастность всему, что происходило при народных неустроениях прошлых веков, можно объяснить только

---

¹⁰ Охотникова В.И. Псковская агиография XIV – XVII вв. Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. I. С. 180. Здесь и далее текст цитируется по настоящему изданию.

тем, что с точностью и усугубленностью эти события стали приметой времени, в которой жил инок Григорий. И не столько применительно к прошлым событиям, сколько по отношению к современности агиограф взывает к своим соотечественникам: «Брани же межуусобныя и завидения в сродницех, еже друг у друга отимати правые части во уделех и кровопролитися на бранех християном – сего всего ошаятися, да видевше, поганстии язщцы не бы возсмеялися, рекуще на Бога неправду, укаряя нас сице: «Где есть Бог их и вера християнская?»». Предание христианской веры оказывается самым страшным последствием, да и первопричиной народных смутений, когда «раздрася вся земля Руская, якоже пророк глаголет: «Очи безумных на краих земли»».

Произведения поздней агиографии отражают события эпохи смуты гораздо более прямо. К таким текстам относится «Житие Иринарха Ростовского». Написанное учеником Иринарха Александром по завещанию учителя вскоре после кончины Иринарха в 1616 году¹¹, Житие описывает подвиги Иринарха в Ростовском Борисоглебском монастыре и его прямые контакты с участниками событий Смуты. Иринарх сподобливается видения о разорении Москвы литвой, о чем спешит сообщить Василию Иоанновичу (Шуйскому), благословляет царя и царицу, молится о спасении Москвы. Во время встречи с повстанческим воеводой Микулинским Иринарх твердо отвечает о верности законному царю, в то время как предводитель изменников называет святого изменником якобы истинной царской власти. Несокрушимого духом Иринарха почитает даже пан Сапега, называющий Иринарха на малороссийский манер «батшкой», а в очередное литовское нашествие на Ростовскую землю польские паны испрашивают благословение Иринарха, которое святой дает с условием, чтобы уходили те миром в дома свои. Смута в житии описана в официальном ключе, где внутригосударственные проблемы неустроения, шатания, разброда вытеснены мыслью о нашествии на Русь литовцев и изменников. Все беды списываются на внешних врагов, которые выжигали города, убивали жителей, разоряли храмы, «ниспровергали престолы святыя». Брожение и

---

¹¹ Соколова Л.В. Александр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. С. 62.

шатание передано обтекаемо: «Многие из русских, боясь посечения, признавали их власть, давали дань и кормы. Им покорилось много городов». А смена царей политкорректно показана как появление одного из вожаков в стане врагов: «Это было время, когда при царе Василии Иоанновиче Шуйском враги наши выставили второго Лжедмитрия и требовали покорности ему или его покровителю, польскому королю», а действие народа по смещению очередного законного царя трактуется как «влияние лести врагов». Топос концепта «смута» «изменничество» сохраняется в Житии Иринарха Ростовского согласно агиографической традиции, однако трансформируется в устойчивую характеристику внутренней сущности предателя отечества, избегая трактовки сомнения, брожения умов вследствие неустойчивости самой власти, а также исторических фактов приглашения иноземцев русскими верхами для попытки разрешить ситуацию внутри страны. Таким образом, с государства как будто снимается ответственность за неутроение в обществе, а вина за события Смуты возлагается на внешних врагов и своих изменников. Плоскостное представление событий не столько агиографично, сколько официально.

Одним из наиболее ярких и трагичных произведений о смутном времени является знаменитое «Сказание Авраамия Палицына». Посвященное локальному участку великой государственной смуты на Руси – обороне Троице-Сергиева монастыря, – Сказание, продолжающее в том числе агиографические традиции, как будто в миниатюре представило все беды, постигшие русскую землю, с общими и частными тяготами граждан, с бранным переживанием лишений и вечными раздумьями о судьбах отечества. Русских, воюющих на стороне литовцев и поляков, Авраамий называет «изменниками», «обманщиками», «льстецами», «ворами». Смутьяны одержимы зачастую даже не жаждой власти, как утверждает Авраамий, а жадностью («Повсюду же в России слух о нем (Григории Отрепьеве – *Д.Т.*), и потому все воры к нему собрались: не на царский престол его возвести, но все древние царские сокровища расхитить»¹². Воины умирали во иноческом образе, порой сами идя

---

¹² Сказание Авраамия Палицына // Памятники литературы Древней Руси. XVI – нач. XVII вв. М., 1987. С. 167 (перевод Г.М. Прохорова).

на верную смерть – подобно Даниле Селевину, искупившего смертью изменничество своего брата, Оськи Селевина (с. 206). Одна из глав Сказания прямо повествует об изменнике и каре на него (с. 219 – 221). Страшным оказывается изображение внутренней смуты – пьянства, блуда, воровства и прочего зла (с. 229). Как во время феодальной раздробленности, каждый думал о своем уделе: царь не посылал помощи Троицкому монастырю, потому что не до обители ему было: Москва вся в беде прозябала. Потому и звучит мотив «О потере надежды на помощь человеческую» (с. 259). В целом Сказание воспринимается как житие-мartyрий – но не одного мученика за веру в стенах монастыря, а целого народа – вернее, его замкнутой части, являющей модель народного сознания – беды, отваги, отчаяния, беспримерной храбрости и веры. «Народ в обители стал к мукам готовиться. Чаша смертная всем наливалась» (с. 171), – пишет Авраамий Палицын, используя общее место воинской повести: образ смертной чаши на «пиру смерти». Топос житий святых – «адамант твердейший»¹³, – применяемый в агиографии чаще всего применительно к одному подвижнику, распространяется на целый народ, и в этом – главная мысль Сказания: «твердым адамантом» может быть только народ в целом, а не его разрозненные части и заплутавшие в сомнениях души. «Божий промысел проявляется в общенародной воле, – пишет Я.Г. Солодкин в статье о Сказании Авраамия Палицына, – и последняя приобретает значение главного фактора истории»¹⁴.

Итак, концепт «смута» в рассматриваемых нами агиографических текстах включает богатый спектр понятий. Главные из них – Божье наказание, бедствия народа, образ врага – внешнего и внутреннего, который становится в какой-то момент внешним, «инородным», который гораздо более страшен, поскольку, как изменник, непредсказуем. Смута – это прежде всего государственное неустроение, где мучается каждый и где страдают все, неся наказание за грехи свои и чужие – против веры и Отечества, пока в

¹³ Руди Т.Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т.55. С. 220-222.

¹⁴ Солодкин Я.Г. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 40.

этом Отечестве забыли о необходимости единства, при котором и сильные враги не страшны. Изменничество родине и законному царю есть предательство Христа – и потому наказание за «смятение» в душе и «смуту» в народе так страшно, потому так прославляемы люди, положившие конец смуте, – такова главная мысль агиографической литературы позднего древнерусского периода.

Токарева Т.Ю.

Организация обороны Троице-Сергиева монастыря во время осады 1608-1610 гг.

Героическая оборона Троице-Сергиева монастыря – одна из наиболее известных страниц истории Смуты¹. Тем не менее, многое в ней еще не выяснено. К малоизученным вопросам относятся, в частности, особенности вооружения защитников Троицы и оснащенность крепости во время осады. Недостаточно показаны и повседневная жизнь сидельцев, и та роль, которую играли монастырская администрация и осадные воеводы в организации обороны обители². Остановимся на некоторых из них.

---

¹ Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 355-386; Державина О.А., Колосова Е.В. Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л.В. Черепнина. М.-Л., 1955. С. 283-332; Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608-1610 гг. Пятигорск, 1957. С.302-522; [Голохвастов Д.П.] Замечания об осаде Троице-Сергиева монастыря 1608-1610 гг. и описания оной историками XVII, XVIII и XIX вв. // Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. С. 267-324; Ч. IV. № 7. С. 125-206; *Его же*. Ответ на рецензии и критику «Замечаний об осаде Троице-Сергиевой лавры...» // Москвитянин. 1844. Ч. III. № 6. С. 275-369; № 7 С. 65-166; [Горский А.В.] Возражения против замечаний об осаде Троице-Сергиева монастыря // Москвитянин. 1842. Ч. VI. № 12. С. 405-444; Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры в 1608-1610 гг.: учебное пособие. Волгоград, 1995; *Его же*. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; *Его же*. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. М., 2007.

² Некоторые аспекты темы изложены автором настоящего сообщения в: Токарева Т.Ю. Осада монастыря 1608-1610 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Тезисы докладов VI международной конференции. Сергиев посад, 2008. С. 54-58; *Ее же*. Осада монастыря в документах и воспоминаниях очевидцев // Сергиев посад. Взгляд сквозь века. Сергиев посад, 2009. С. 102-113; *Ее же*. Реалии быта «троицких сидельцев» по свидетельствам очевидцев и официальной традиции // Смутное время: итоги и уроки. Сборник материалов второй

Документальная реконструкция военного оснащения крепости строится нами на основе Описи Троицкого монастыря 1641 г. и перечней лаврского оружия XVIII-XIX вв. Анализ их предметных наименований позволил автору настоящего сообщения вычленить осадное снаряжение крепости. Ценные известия по арсеналу монастыря и особенностям подготовки его к обороне содержатся и в документах очевидцев осады, в актовом материале и в Сказании Авраамия Палицына³.

Боевая цитадель монастыря относится к типу регулярных, отстроенных по полигональному плану с учетом рельефа местности. Она имеет прямые прясла стен и равномерно расставленные башни -

---

Всероссийской научной конференции. Иваново-Кохма-Шуя. 20-22 апреля 2012 г. Иваново, 2012. С. 359-362; *Ее же*. Военное оснащение крепости Троице-Сергиева монастыря в период осады 1608-1610 гг. // Церковь и общество в России на переломных этапах истории. Тезисы всероссийской научной исторической конференции. Сергиев Посад, 2012. С. 37-38.

³ Критическое отношение к сочинению келаря Авраамия Палицына по некоторым вопросам организации обороны крепости во время осады высказывали: Голохвастов Д.П., Забелин И.Е., Соловьев С.М., Державина О.А., Тюменцев И.О. и др. Поэтому на книгу Палицына при рассказе об осаде монастыря можно опираться при выявлении подтверждающих его сочинение известий, содержащихся в документальных или археологических источниках. В этом заключается одна из самых серьезных проблем в изучении осады монастыря, преодолеть которую не всегда возможно. По вопросам собственно военной истории осады в этом направлении большую работу провел И.О. Тюменцев: Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. М., 2007. С. 10-11, 18-19, 20, 22 и др. Документальные источники истории осады опубликованы в: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1843. Т. II. №№ 181. 1-3, 240, 241, 242.1-3; Сборник князя Григория Хилкова. СПб., 1879. №№ 14, 18, 34, 35, 37-39, 42; Подлинники хранятся в: Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, (далее Архив СПб ИИ РАН). Колл.124 (С.М. Соловьева) №№ 277, 278, 346, 348, 349, 357, 358, 359; Колл.145. (Г.Д. Хилкова) Оп. 1. Ед. хр. №№ 83, 87, 103, 104, 106, 107, 108, 111. Также осадные источники опубликованы в: Флоря Б.Н. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря. // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982; Мир Православия. Вып. 5. Волгоград, 2004. С. 214-259; Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012.

плоские на ровных участках и «круглые» на углах. Оборона таких крепостей определялась военной техникой, на широкое использование которой была рассчитана.

Цитадель построена в середине XVI в. Она состояла из двухъярусной городской стены высотой до 6 м. и 12 трехъярусных башен, высота которых к настоящему времени не выяснена⁴.

Нижний ярус крепостной стены назывался подошвенным, он представлял собой галерею со сводчатыми камерами и предназначался для воинов с огнестрельным оружием. О конфигурации нижнего яруса можно судить по описанию крепостной стены, приведенному Авраамием Палицыным, упоминавшему «киоты стенные», ниши для размещения оружия и воинов. Точное же их устройство на период осады остается неизвестным.

Верхний ярус стены был в виде крытого хода, внешняя сторона которого завершалась зубцами. Между ними имелись узкие бойницы для лучников с развернутыми внутрь «щеками». Стену прорезали и навесные машикули для обстреливания «мертвой» зоны под ней⁵.

На башнях, в воротах и во рву под въездным мостом с восточной стороны обители размещалась вся артиллерия, хотя и ранее и теперь некоторые исследователи говорят о том, что пушки стояли и на

---

⁴ Трофимов И.В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследования и реставрация. М., 1961. С. 30-46; Зубов В.П. Крепостные стены и башни Троице-Сергиевой лавры. СПГИХМЗ. № НА-59. Коробков Н.М. Крепостная стена Троице-Сергиевой лавры // Историко-археологический сборник научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948; Балдин В.И. Загорск. М., 1989. С. 43; Описание Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // СПГИХМЗ. Инв. 289-рук. Лл. 522-536 об.

⁵ И.В. Трофимовым в 1938 г. были впервые раскрыты небольшие участки второго яруса первоначальной стены на южном прясле между Луковой башней и Водяными воротами со следами зубцов, заложенные в кладке новой, ныне существующей стены середины XVII в., а позднее В.И. Балдиным раскрыт фрагмент второго яруса старой стены с зубчатым краем в западном прясле у Келарской башни. Характер раскрытых бойниц не оставляет сомнений в их предназначении для воинов, вооруженных луками. Новая стена в верхнем ярусе (теперь третьем), по мнению В.И. Балдина, повторяет в общих чертах прежнюю схему.

стенах⁶.

Отметим, что боевая цитадель монастыря была изначально оснащена «нарядом», что явствует из источников конца XVI в.⁷ Артиллерия была расставлена только по башням. Ее размещение

---

⁶Пушки не могли размещаться на стенах крепости Троице-Сергиева монастыря почти на всем их протяжении во время сады и после нее, вплоть до перестройки крепости в середине XVII в. Данное заблуждение происходит, вероятно, из текста Путешествия Антиохийского патриарха Макария Павла Алеппского, который описывает перестроенную в середине XVII в. стену и башни, сильно увеличенные в размерах. (Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898. С. 36). О том же, что пушек не было во время осады на крепостных стенах, видно из описания цитадели монастыря и ее «наряда» по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г., фиксирующей крепость до ее перестройки в середине XVII в. Однако небольшой участок крепостной стены обители, а именно «отводные» прясла западной стороны (около Пивного двора в направлении поля) имели, согласно той же Описи, несколько небольших артиллерийских орудий. Так как в этом месте существовал особый уклон местности, то пушки нижних ярусов башен на этой стороне не смогли бы «достать» противника на уровне «подошвы», так как находились значительно выше из-за рельефа. Поэтому дополнительный фортификационный рубеж, то есть «отводное» полукольцо укреплений от основного многоугольника крепостных стен вокруг Пивного двора с пушечными боями в подошвенном ярусе были возведены, возможно, уже после завершения строительства каменного ожерелья обители в середине XVI в. Можно предположить, что это было сделано при ремонте этого участка стены в конце XVI в., когда в 1593 г. было зафиксировано аварийное состояние стен и сводов каменной ограды западной стены. Этот факт позволяет утверждать, что на данном участке стены (точная конфигурация несохранившихся отводных прясел к настоящему времени остается неизвестной) также размещались артиллерийские орудия малого калибра и во время осады. Это подтверждается упоминанием Авраамием Палицыным о наличии «наряда» в подошвенном ярусе крепостных стен, по нашему мнению, только этих, западных «отводных» прясел.

⁷ Монастырь «построен в роде крепости, обнесен вокруг стеною, на которой поставлены огнестрельные орудия...»: Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1906. С. 100. Данный текст относится, очевидно, ко всему военному оснащению крепости: к огнестрельному оружию стен и к артиллерии башен.

было осуществлено, вероятно, вскоре после завершения строительства крепости, а именно - во второй половине XVI в. Для нашей темы важно отметить, что боевого применения «наряда» Троицкой крепости до осады не было. Поэтому можно уверенно считать, что почти все артиллерийские орудия, находившиеся на крепости к моменту осады со второй половины XVI в., использовались для ее обороны. Часть их сохранялась на башнях и в хранилищах и после нее. Благодаря этому они оказались зафиксированными и монастырской Описи 1461 г. среди годного и ломанного, уже убранного с тому времени со стен «наряда». Проведя сравнительный анализ описаний старых и новых пушек Троице-Сергиева монастыря, указанных в ней, можно уверенно вычленил до-осадный «наряд».

Во время осады имелась на крепости размещенная по определенному принципу, следующая артиллерия. Наиболее крупный «наряд» находился на верхних, третьих ярусах башен. Это были 23 полуторные и полковые пищали по одной - три на каждой из башен в зависимости от расположения башни. Полуторные, как наиболее мощные артиллерийские орудия крепости, находились только на угловых башнях, тогда как полковые стояли и на плоских и на угловых башнях.

Данные наблюдения свидетельствуют о продуманной расстановке орудий. Маловероятно, что она была осуществлена троицкими воеводами, хотя и присланными царем Василием Шуйским непосредственно перед осадой (но без «наряда»). Характер бойниц, по нашему мнению, не позволил бы троицким воеводам принципиально менять систему огневой защиты крепости, заданной еще при строительстве и сохранявшейся вплоть до ее перестройки в середине XVII в. Очевидно, что они были изначально расставлены таким образом. В этой связи высказывание Палицына о расстановке «наряда» на стенах и башнях троицкими осадными воеводами Г.Б. Долгоруковым и А.И. Голохвастовым, вероятно, следует относить к боевой подготовке артиллерии к обороне.

Итак, крупная артиллерия предназначалась для ведения настильной прицельной стрельбы, поэтому она находилась на самых высоких точках крепости – особо значимых угловых башнях. Полуторные и полковые пищали формировали подступы к крепости.

Палицын повествует о том, как троицкие орудия будто бы «достали» крупную осадную пушку врага, стоявшую на горе к югу от монастыря в Терентьевой роще⁸. В это сложно поверить, так как враг свои орудия, находившиеся гораздо ближе к обителю (до 500 м.), прикрывал от троицкой артиллерии земляными валами, о которых сообщают и Дневник Сапеги⁹ и сам Авраамий. При этом, во второй половине осады, 17 июля 1609 г. (ст. стиль) Сапега решился передвинуть свой лагерь ближе к стенам монастыря, вероятно потому, что крупные троицкие пушки уже «молчали»¹⁰. Если о ранах троицких сидельцев от пушек противника имеются указания в источниках, а также находки застрявших в стенах ядер разного калибра, то о каких-либо повреждениях врага от троицкой артиллерии упоминаний в источниках не имеется. Однако находки пушечных ядер на территории Сергиева Посада на расстоянии от троицкой крепости в пределах 100-500 м. на север и восток от крепости на характерной глубине (где не было артиллерии врага), являются археологическим подтверждением применения разнокалиберной артиллерии во время осады¹¹.

Тем не менее, стрелковая оборона со стен продолжалась до последних дней осады. Здесь сыграли свою роль и тактические приемы осадных воевод, отказавшихся от стрельбы из крупных орудий, учитывая надежную защиту вражеских батарей, и, главное, острый дефицит пушечного пороха.

На средних ярусах башен находились затинные пищали, стрельба из которых была наиболее «продуктивной» во время осады. Крепостные тяжелые «долгие» ружья с фитильными замками

---

⁸ Державина О.А., Колосова Е.В. Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л.В. Черепнина. М.-Л., 1955. С.151.

⁹ Токарева Т.Ю., Омельчук П. Дневник Яна Петра Сапеги: сведения по осаде Троице-Сергиева монастыря в 1608-1609 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VII международной конференции. Сергиев посад, 2012. С. 32-50.

¹⁰ Там же. С. 46

¹¹ Обобщенные сведения о снарядах из коллекции СПГИХМЗ, найденных в XX в. на территории Сергиева Посада и ТСЛ, содержатся в каталожных описаниях Памятников материальной культуры музея XVII в., составляемых автором настоящего сообщения.

применялись и для отражения штурмовых атак: один из врагов, например, получил рану «из затинной в правую ногу» во время приступа к монастырю 28-29 июня 1609 г.

На нижних, подошвенных ярусах башен находилась преимущественно дробовая артиллерия, предназначенная для стрельбы «в лет». Стрелявшие дробом (картечью) «тюфяки» и «волконеи» (от фальконет-соколик) были направлены как в поле, так и на фланги. Так как они обороняли «подошву» крепости, то именно они оказали действенное сопротивление противнику во время штурмовых атак. Как и затинные, они широко применялись во время осады вплоть до лета 1609 г., - осенью же и зимой 1609 г. штурмов крепости не предпринималось.

Троицкая артиллерия, оказавшая действенное сопротивление врагу в первой половине осады, с конца лета 1609 г. почти не использовалась. Запасы пороха подошли к концу, зелье берегли для ручного оружия.

Огнестрельным ручным оружием, использовавшимся защитниками во время осады были: ручные пищали, самопалы и мушкеты, как русского, так и западно-европейского производства.

Если мушкеты были широко распространенным оружием стрельцов, то самопалы – более совершенное оружие, которым могли владеть в те годы наиболее привилегированные категории ратных людей - дворяне и дети боярские, а также и монастырские слуги. «Ранен из *самопала* по лицу и по носу по правой стороне» - записано в отписке одного из военачальников Сапеги, докладывавшего о потерях противника после июньского штурма¹².

Оружием для контактного боя дворян, детей боярских и троицких слуг служили сабли, бердыши, копья и «скорды», - так назывались боевые топоры.

Особенно активной была стрельба из луков, наиболее распространенного среди русских ратников оружия XVI в., пока не сократился, если не иссяк, запас стрел. О ранении Лисовского (прострелена рука) сообщает Дневник Сапеги, а Палицын уточняет –

---

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. № 237. С. 279; Архив СПб. ИИ РАН. Колл.124. № 343. Л. 2 «...Немчинъ Кашпиръ Липа ранень и(с) самопала по лицу и по носу по правой стороне...».

стрелой из лука во время боя у стен монастыря.

Для отражения приступных атак широко применялись бревна, кирпичи и камни. «Голова с «города» прошибена бревном», голова разбита «каменем» - отписывались военачальники Сапеги¹³. Для того же во время штурмов применялся и вар «с калом», сбрасывавшийся на врага с помощью коз осадных, находившихся на крепости, очевидно, как и артиллерийский «наряд», изначально. Это типичное средневековое средство борьбы с противников во время приступов, учитывая упоминания в источниках о железных козах осадных, было в Троице и во время осады (Палицын) и после нее (Опись 1641 г.).

Сидельцы использовали также и доступные в хозяйстве большого монастыря подручные средства для борьбы с врагом, учитывая необходимость экономии запасов снарядов и «зелья». Это были, по словам Авраамия Палицына, известь, песок, сера, сыпавшиеся в «скверные очеса» противника.

Таким образом, во время осады широко применялось как артиллерия, так и самое разное огнестрельное ручное и холодное (белое) оружие и доступные подручные средства. Защитного же вооружения у ратников обители было очень мало. Об этом свидетельствует келарь Авраамий Палицын («немного конных и не во бронях»). Это подтверждается и данными источников. Всего несколько рваных и ржавых кольчужных рубах числилось на хранении оружейного старца Исидора Нармацкого в середине XVII в.¹⁴, причем некоторые из них сохранились¹⁵.

¹³ Там же. Лл. 1-1 об.

¹⁴ Опись ТСМ 1641 г. Л. 476 об. СПГИХМЗ. Инв.289-рук.: «В кади шесть лоскутов кольчужных, изоржавели и ветхи..., два бахтерца избиты...».

¹⁵ ОР ПГФ Музеев Московского Кремля. Ф.1 Д.19. Опись Московской Оружейной палаты. 1861-1865(рукописная). Знамена, трубы, броня. Ч. III. Кн.1. Раздел. Панцыри. №№ 3931-3936 (4553-4558). Л. 358 об.: «Эти шесть пансырей поступили в Московскую Оружейную палату в 1830 г. по высочайшему повелению из Свято-Троицкой Сергиевой лавры при отношении Экспедиции Кремлевского строения от 2 апреля 1830 г. № 836 вместе с 58 ружьями, 250 бердышами и 1 локотником от лат». Всего в Оружейную палату Московского Кремля передано 7 панцырей (один планировалось передать в 1830 г. его имп. высочеству вел. кн. Михаилу Павловичу в Арсенал Петербургского Михайловского Дворца). ОР ПГФ

Итак, артиллерия и, возможно, некоторые виды огнестрельного и белого оружия (ручные пищали собственного производства и закупавшиеся келарями обители¹⁶), сабли и бердыши¹⁷, как принадлежавшие Дому чудотворца Сергия, а также запасы свинца, пороха и стрел, представляли собой комплекты вооружения, специально собиравшегося для ратников ТСМ. Личное же оружие воинов, которые присланы в крепость для ее обороны из Москвы, вероятно, было типологически единообразным, но имело существенные индивидуальные различия. Следы его просматриваются в документах учета собственности обители XVII-XVIII вв. и во Вкладных книгах 1639 г. и 1674 г. Обобщить данные по конкретной комплектности и составу вооружения, брони и боезапасов присланных из Москвы перед осадой ратных людей не представляется возможным к настоящему времени¹⁸.

Итак, один из главных вопросов в организации обороны крепости - распределение имеющегося арсенала цитадели с учетом менявшейся по мере «сидения» ситуации, также как выбор

Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. III. Кн. 2. Броня. М., 1884. С. 79-81. Панцыри (№№ ОР, 4554, 4555 4556 и 4558 (ОР-4726, ОР-4729, ОР-4756 и ОР- 4758) имеют очень мелкое уплощенное кольцо, крепленное на шип. Изготовлены, по предположению И.А. Комарова, в Москве в XVI в. (?)

Из поступивших из ТСМ в Оружейную палату 250 бердышей также были переданы: ОР-5318 04.07.1929 г. в Музей революции, ОР-5525 02.09.1931 г. музеем г. Владимира. ОР ПГФ Музеев Московского Кремля. Ф.1. Оп. Д/Р. Д.7. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн.3. М.1885. С.48. Ныне хранится в Оружейной палате 238 бердышей.

¹⁶ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954.

¹⁷ Сабли и бердыши хранились в Оружейной палате Троице-Сергиева монастыря и в казне крупными партиями, что позволяет считать большую их часть, указанную в ведомостях оружия Лавры XVII – первой четверти XVIII вв., собственностью обители.

¹⁸ Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. Вып. XI. Сергиев Посад, 2010. С. 68-69.

тактических приемов борьбы с врагом, лежало на плечах первых двух троицких осадных воевод - Григория Борисовича Долгорукова-Роши и Алексея Ивановича Голохвастова. В этой связи представляет интерес данное Палицыным подробное описание воеводской службы: «Князь Григорей, да Алексей (приговорили)..., чтобы покрепить град осадю, разделить градские стены, и башни, и ворота, и наряд устроить по башням и в подошевных боях, да всяк кождо их ведает и хранит свою страну и место и вся, яже на бранную потребу устроят, и с приступными людьми бьются с стены, а из града и на иную ни на которую службу да не исходят. А на выласку и в прибавку к приступным местом людей особь устроят...».

Несомненно, на наш взгляд и то, что при принятии тех или иных решений при обороне крепости принимали участие руководители крупных воинских подразделений: голов и сотников. Роль дворян и детей боярских в подлинных документах участников осады проследить почти не удастся: они упоминаются либо как направляемые воеводами на определенные участки обороны, за которые несли ответственность, либо их имена называются в источниках среди потерь. Однако наличие ранения, полученного ратником в бою, всегда особо отмечалось в документах, так как напрямую связывалось с «учетом» боевых заслуг. В этой связи любопытно отметить, что ни одного боевого ранения не зафиксировано в источниках у троицких военачальников - осадных воевод, тогда как их личное участие в боях не подлежит сомнению по свидетельству документов. Об Алексее Ивановиче Голохвастове прямо сказано, что к лету он уже перестал выходить на вылазки, ибо «ноги у него отнелися цынгою». Участие же в боях князя Долгорукова упоминается при рассказе о преследовании сидельцами противника, (после удачного отражения атаки на Пивной двор), когда Григорий Борисович Долгорукий, вместе с остальными воинами, «вылезчи за город», погнал врага «всугон»¹⁹.

В одном месте Палицын пишет, что во время кровопролитной вылазки первого периода осады на западном, самом сложном участке обороны, отрядами защитников руководили «в воеводское место»

---

¹⁹ Отписка царю Василию Шуйскому троицких старцев от 3 июля 1609 г. // АИ. Т. 2 СПб., 1841. № 241

дворяне и дети боярские, называя их поименно. Почему *вместо* воевод руководили боем военачальники «среднего» звена на сложном месте не слишком понятно. Возможно, этим Палицын стремится подчеркнуть значение заслуг дворян и детей боярских, а не осадных воевод²⁰. Рассказывая о вылазке на подкоп в ноябре 1608 г. он пишет: *«Воеводы же, князь Григорей Борисович Долгорукой и Алексей, урядивше полки вылазных людей»*, и, совершив молебен в храме Живоначальной Троицы, отправились к тайному вылазу от Сушильной башни, (из-под восточной стены в ров),- и *«повелеши выходить по малу и во рву укрыватися»*, тогда как *«с Пивново двора вышли головы в воеводское место туляне: Иван Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриков переславец с своими сотнями и с даточными людьми на Луковой огород и по плотине Красного пруда. Так же ис Конюшенных ворот вышли ... головы дворяне: Иван Ходырев олексинец, Иван Болоховской (володимерец), переславцы Борис Зубов. Афанасий Редриков и иные сотники с сотнями...»*. Все названные Палицыным дворяне были реальными лицами, защищавшими обитель Преподобного чудотворца Сергия. В подлинных документах участников осады отмечены боевые ранения и гибель многих из них²¹. Поэтому о реальных боевых заслугах первых двух осадных воевод, в отличие от голов и сотников, за недостатком сведений в документах, говорить не представляется возможным.

В правильно построенной обороне крепости особую роль играет распределение ратных людей. Они были разделены воеводами на две большие группы. Первая – это боевые отряды *«мужественных и ратному делу искусных»* воинов, которые участвовали в открытых боях с врагов, отправляемые *«уряженными»* на вылазки. К ним относились дворяне и дети боярские, монастырские слуги, стрельцы и казаки. В первые месяцы осады они выходили на вылазки почти ежедневно²². Эти бои носили характер открытых столкновений с

²⁰ Сказание Авраамия Палицына. 1955. С.152.

²¹ Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря во время осады 1608-1610 гг. // АИ. Т. 2 СПб., 1841. № 181.3

²² Основные этапы обороны крепости с характеристикой особенностей боевых операций показаны автором настоящего сообщения в Токарева Т.Ю. Осада Троице-Сергиева монастыря 1608-1610 в документах и воспоминаниях очевидцев // Сергиев Посад. Взгляд сквозь века. Сергиев

врагом «в поле». Они строились по законам военного искусства тех лет, для которого характерна линейная тактика боя с участием как конных, так и пеших воинов.

Также применялась и другая тактика, особенно во второй половине осады, когда осталось уже очень мало людей. Это изматывающие врага вылазки небольших групп ратников, которые не вступали в открытую битву, а предпочитали, пользуясь прикрытием ям и рвов, прицельно действовать из мушкетов «подпуская врага на расстояние выстрела». Участник осады из вражеского лагеря писал об этом: «...выезжали мы охотно верхом на дело, но от выездов очень мало было пользы, ибо они вероломно сразу в окопы удирали, откуда из мушкетов часто наносили урон нашим...»²³.

Борьба большими силами с врагом «в поле» с весны 1609 г. почти не проводилась – людей для этого не осталось. Решение о запрете выходить на вылазки под давлением обстоятельств в этот период приняли воеводы, что позволило им спасти людей и саму крепость. Она возобновилась только после прихода новых больших отрядов в октябре и в ноябре 1609 г.

Вылазки из крепости осуществлялись не только для ведения открытой борьбы с противником. Ратные люди крепости направлялись в разведку, для добычи языков, для диверсий (поджогов). В их задачи входило и обеспечение прикрытия отрядам «заводных» людей, завлекавших противника в засаду. Этот прием, описанный у Палицына, сообщает о данной тактике как об ответном ходе на аналогичную «хитрость» противника.

Зимой 1608-1609 г. дворяне направлялись воеводами охранять простых сидельцев, выходивших за крепость и за разными бытовыми «нуждами»: когда потребовалось носить в крепость воду, когда возник острый дефицит дров. Летом же и осенью 1609 г., когда «кулак» блокады был ослаблен, все простые сидельцы, по свидетельству Палицына, свободно выходили за стены обители и «прохладитися» и «для измытия порт», и для вывоза мусора, и для добычи «веников», и для «изрытия корней» и сбора трав, но без ведома воевод²⁴.

Посад, 2009.

²³ Дневник Марины Мнишек / Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 128

²⁴ В документальных источниках сведения о свободном выходе

Большая, но менее организованная часть защитников крепости, а именно дачные крестьяне и монахи, несли в основном караульную службу. Они назначались в стенные сторожа, задача которых была безусловно «блустись приступу», по сменам.

Они же, вместе со всеми осадными людьми боролись с врагом и во время трех больших штурмов (1 ноября 1608 г., 28 июня 1609 г. и 7 августа 1609 г. (?)) всеми подручными средствами, под руководством «искусных ратному делу» людей.

Воеводы вместе с администрацией обители обеспечивали также принятие присяги всеми служилыми людьми, которым было «сказано» назначенное царем жалование. Также они укрепляли людей «всякими словесы» перед выходом на бой, поддерживая моральный дух сидельцев, дабы «не боялись воровского вопля кричания»²⁵.

Несли ответственность воеводы и за распределение продовольствия и «потешений» между воинскими людьми, которые находились в осаде с семьями. Остальные «сидельцы», не участвовавшие в сражениях, были на попечении монастырского начальства. Многие из этих последних не получали от властей ни жалования, ни полноценного питания (когда оно еще имелось в обители), кроме каш и хлеба.

Бытовые потребности воинских людей без участия властей обители решить было невозможно²⁶. В руках администрации монастыря были сосредоточены нити распределения припасами, которых, как показало ранее проведенное автором настоящего сообщения исследование, в монастыре было много даже и сразу после осады, о чем не преминул сообщить келарь Авраамий. При этом он жалуется на «насилиево ратных» по поводу изъятия из рук

сидельцев из крепости летом-осенью 1609 г. отсутствуют, так как документов этого периода нет, за исключением одной Отписки старцев царю с оправданием на жалобы воинских людей ноября 1609 г., в которой об этом не говорится.

²⁵ Отписка царю Василию Шуйскому троицких старцев от 3 июля 1609 г. // АИ. Т. 2 СПб., 1841. № 241. С. 285

²⁶ Токарева Т.Ю. Реалии быта «троицких сидельцев» по свидетельствам очевидцев и официальной традиции // Смутное время. Итоги и уроки. Иваново, 2012. С. 351-352

монастырского начальства вновь пришедшим воеводой Жеребцовым ключей от житниц и счетных памятей продовольствия²⁷.

Документы свидетельствуют, что по обеспечению людей питанием между администрацией обители и воеводами не было согласия. Воины, кровь проливающие, видя раздачи «потешений» инокам во всю первую половину осады, просили власти о них же, но не получили. Из-за разногласий по вопросам питания возникали «смуты великие», вплоть до открытого мятежа. Впоследствии, с приходом воеводы Давыда Жеребцова, ситуация была исправлена. В последний период осады, с октября 1609 г., вероятно, уже все ратные люди в обители получали равные порции продовольствия.

Непростой была и ситуация с выдачей воинам жалования. «Неимущие серебра» не могли купить «не водок житных, ни пряных зелий, ни корений», дабы защититься от цинги²⁸. Монастырь выдавал ратным обещанное царем жалование из собственной казны «в займы в кабалы», что также послужило поводом предъявлять претензии к администрации обители. Возникшие разногласия были также разрешены воеводой Жеребцовым, фактически взявшим руководство обороной на себя, включая и вопросы обеспечения людей всем необходимым. В отписке старцев царю от ноября 1609 г. явно слышна их жалоба на скудное питание этого периода (с началом Рождественского поста для оставшихся в живых иноков - только сухари и вода). Можно считать, сличая повествование Палицына, осуждающее поведение Жеребцова, со сведениями ноябрьской отписки старцев, что именно он осуществил перераспределение троюцких запасов в пользу воинов. Однако произошло это только в самый последний период осады, когда погибло большинство сидельцев, и воинов и иноков. Взять на себя подобные полномочия по собственной инициативе Давыд Жеребцов не мог, вероятно, он выполнял распоряжение направившего его в крепость М.В. Скопина-Шуйского, поскольку челобитные с разными жалобами из осажденного монастыря, в том числе и на власти обители, посылались царю Василию Шуйскому неоднократно²⁹.

Однако, несмотря на все осадные нужды и беды, защитники

---

²⁷ Сказание Авраамия Палицына. 1955. С.190-191

²⁸ Там же. С.167

²⁹ АИ. Т.2 №№ 240, 241, 242.

обитатели смогли продержаться и выстоять, страдая не только от вражеского натиска, но и от внутренних противоречий.

Троицкая осада - поистине героическая страница прошлого Сергиево-Посадского края - в истории которой, тем не менее, остается еще много невыясненных вопросов.

Туркин А.В.

Казанцы в войне 1812 г.

Отечественная война 1812 г. на протяжении более чем столетия после ее окончания являлась для современников и потомков одной из важнейших вех и истории Российского государства. Для многих историков именно этот год пробуждения национального самосознания русского народа, год, когда от исхода тяжелейшей борьбы зависело: быть или не быть России, стал водоразделом между двумя такими разными столетиями. Наиболее сильно эпоха Отечественной войны, включавшая в себя не только наполеоновское нашествие, но и заграничные освободительные походы русской армии 1813-14 гг., повлияла на духовное развитие страны. Современник и участник этих событий – будущий декабрист М. Муравьев-Апостол восклицал от имени всего поколения: «Мы все были дети 1812 года. Жертвовать всем, даже жизнью, для блага отечества было влечением сердца». В эпоху войны и первые последующие годы, число только поэтических откликов на события 1812-14 гг. достигло примерно 600 произведений. И хотя в последующие времена Россию потрясли бури несколько заслонившую от нас «Грозу 12-го года», деяния ее участников и сейчас остаются символами мужества, патриотизма, самопожертвования.

Вечером 23 июня 1812 г. между 8 и 9 часами три роты легкой пехоты армии Наполеона на лодках переправились через пограничную реку Неман и без выстрелов направилась для занятия Ковно. В течении ночи с 23 на 24 июня по трем понтонным мостам, 1-я дивизия французской армии перешла через Неман и утвердилась на правом берегу реки. Началась Отечественная война 1812 г.

«Великая армия» Наполеона Бонапарта сосредоточенная у границ Российской империи насчитывала 450 тысяч солдат и около 1200 орудий. Синих французских мундиров в ней было менее половины, остальные пестротой своих формы представляли чуть ли не всю карту Европы. «Великая армия» являла собой грозную силу. Она вдвое превосходила стоявшие против нее русские армии

Баркляя-де-Толли и Багратиона.

Война началась для России в крайне невыгодной стратегической обстановке.

Столкнувшись с огромной мощью наполеоновской империи, России необходимо было напрячь все силы, чтобы выйти из борьбы победительницей. Для увеличения численности армии и сохранения порядка во внутренних губерниях император Александр I принимает решение о созыве ополчения. 6 июля в лагере русской армии близ Полоцка издается манифест следующего содержания: «Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы.

При всей твердой надежде на храброе НАШЕ воинство, полагаем МЫ за необходимонужное собрать внутри Государства новая силы, которыя, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Да найдет неприятель на каждом шаге, верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая ни каким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицина, каждом гражданине Минина... Народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров, соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие нас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил во всех Губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя Начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет Главный над всеми Предводитель»¹.

В Казани манифест был получен 18 июля 1812 г. о чем казанский гражданский губернатор Мансуров доносил Министру Полиции. В тот же день Мансуров отправил два экземпляра манифеста Казанскому Архиепископу. Так же директору казанской императорской гимназии профессору Яковкину было поручено перевести манифест на татарский язык, что и было исполнено

¹ НА РТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 293 об.

учителем татарского языка Казанской гимназии Хальфиным в тот же день². В короткое время было напечатано 200 экземпляров и разослано татарам города Казани и всей губернии. Мансуров отмечал, что: «сие средство сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее поревнование к пользам отечества». На следующий день манифесты были разостланы в думы и ратуши, но, к сожалению, все крупное купечество отправилось на Макарьевскую ярмарку.

Не смотря на всеобщий патриотический порыв Казанский гражданский губернатор Мансуров опасался как несанкционированного вооружения крестьян, так и антиправительственных выступлений татарского населения. 19 июля 1812 г. он предписал начальникам городских и земских полиций, городничим и дворянским заседателям Земских судов в сопровождении казаков или чинов внутренней стражи совершать дневные и ночные разъезды по тем населенным пунктам, где это необходимо. Однако делать это рекомендовалось «самым неприметным для жителей образом, и если где случится что либо важное, то не приступая ни к каким тротиву того мерам», докладывать губернатору. Об этих опасениях Мансурова рассказывает в своих записках и знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова с которым она встречалась в Казани по пути в Елабугу. Губернатор спрашивал ее о том, правдивы ли слухи об оставлении Москвы. «Прошу вас не скрывать от меня истины. Мне надобно знать об участи Москвы и для того, чтобы взять свои меры в рассуждении города; буйные татары собираются толпами и выжидают случая наделать неистовств. Я должен это предупредить»³. Других свидетельств таких настроений казанских татар нет. Более того к этому времени тысячи татар храбро сражались против французов в составе регулярной армии.

По высочайшему рескрипту от 17 июля 1812 г. Казанская губерния вошла в 3 округ ополчений наряду с Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Костромской и Вятской. Командующим 3-го округа был назначен генерал-лейтенант граф Петр Александрович

---

² НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8788.

³ Дурова Н. Записки кавалерист-девицы, Казань, 1960.

Толстой. Начальником Казанского ополчения был избран артиллерийский генерал-майор Дмитрий Александрович Булыгин, который сам вызвался служить в его составе. Булыгин был начальником ополчения только при его формировании, потом командование пешим и конным Казанскими полками перешло к генерал-лейтенанту Муромцеву и наконец к генерал-майору Гурьеву⁴.

Прием ратников в ополчение начался 1 сентября 1812 г. Основную массу ополченцев составили помещичьи (крепостные крестьяне), которые поступали в ополчение от лица помещика как его пожертвование, тогда как самостоятельная попытка крестьянина записаться в ратники приравнивалась к побегу. Кандидаты отбирались либо самим помещиком, либо по жребию деревенской общиной. После войны ратник подлежал обращению «в первобытное состояние и к прежним своим обязанностям, то есть снова возвращался в помещичье владение. Если ратник погибал или умирал на службе помещик получал рекрутскую квитанцию в зачет будущих наборов. Возраст ратников определялся от 18 до 50 лет. Каждый воин поступал с 25 душ помещичьих крестьян. Однако нередко даже помещики владевшие только 12-ю душами, отдавали ратника, нередко самого лучшего крестьянина своего имения. Офицерами стали 90 человек дворян и чиновников, штаб и обер-офицеров, приняли должности батальонных командиров, сотенных начальников и пятидесятников. Полковым командиром пешего полка был избран подполковник Чичагов, конного майор Григорович⁵.

Несмотря на общий патриотический порыв сбор ратников проходил недостаточно быстро. Об этом говорит приказ посланный окружным начальником Толстым Булыгину от 15 ноября о скорейшем окончании формирования Казанского ополчения и строгом контроле за тем, чтобы присланные воины были способны к службе «дабы в противном случае не составить вместо ополчения лазарета». Булыгину предписывалось лично осматривать прибывающих ратников и через Земские суды взыскивать вместо неспособных других в как можно поспешнее. Видимо некоторые помещики намеренно отдавали на службу ратников слабых

⁴ Апухтин В.Р. Казанское дворянское ополчение 1812-1813-1814 гг.: Очерк и материалы. М., 1912. С.6-7.

⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 165. Л. 13.

здоровьем. Да и качество медицинского освидетельствования ратников в описываемое время оставляло желать лучшего. Раздевать ратников при приеме запрещалось. Общих указаний по медицинскому отбору и приему ратников не было, требовалось «лишь бы... был не урод и не карла (карлик)»⁶.

Задача осложнялась еще и тем, что у всех на памяти был печальный пример милиции (ополчения) 1807 г. Тогда, вопреки обещаниям распустить ратников по домам после окончания войны, они в подавляющем большинстве были оставлены на службе на долгие годы. Поэтому губернатор Мансуров предписывает местным властям разъяснять всем сословиям, «что составление народного ополчения не есть род службы, изменяющий состояние, но временное вооружение с неперменным сохранением своего звания». Мера эта была прежде всего была направлена для успокоения помещиков, так как обычно крестьянин отправленный на военную службу переставал быть крепостным.

Проблемой было и найти достаточное количество обладавших боевым опытом офицеров. Офицерский состав ополчения набирался почти исключительно из местного дворянства. Командующие и полковые командиры избирались губернскими дворянскими собраниями и «высочайше утверждались» Остальные штаб- и обер-офицеры набирались из числа добровольцев (преимущественно из отставных офицеров)⁷. Если добровольцев было недостаточно, то губернские комитеты назначали на офицерские должности дворян подходящего возраста и здоровья по спискам предводителей дворянства. Если не хватало и их, то приглашали дворян из других губерний, или гражданских чиновников, с сохранением за ними должности и жалования⁸. Многие дворяне поступавшие в ополчение имели слабое представление о военной службе. Вот как описывает офицеров ополчения известный русский писатель и участник

---

⁶ Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 522.

⁷ Обер-офицеры – в российской армии XVIII – начала XX вв. наименование группы младших офицерских чинов от прапорщика до капитана.

⁸ Зотов Р.М. Рассказы о походах 1812-го года // России двинулись сыны: записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 464.

событий 1812 г. Загоскин: «...Старинные наши знакомцы: Ижорский, Ильменев и Ладушкин. Первый в общеармейском сюртуке с штаб-офицерскими эполетами, а оба другие в серых ополченных полукафтанных. Ильменев, туго подтянутый шарфом, в черном галстуке, с нафабриченными усами и вытянутый как струнка, казалось помолодел десятию годами; но несчастный Ладушкин, привыкший ходить в плисовых сапогах и просторном фризвом сюртуке, изнемогал под тяжестью своего воинского наряда: он едва мог пошевелиться и посматривал то на огромную саблю, к которой был прицеплен, то на длинные шпоры которые своим беспрерывным звоном напоминали ему, что он выбран в полковые адъютанты и должен ездить верхом»⁹. Приказ Толстого Булыгину предписывает как можно скорее найти и вернуть в Казань подпоручика Кушникова и городского секретаря Трухина назначенных в ополчение, но уехавших: первый в Симбирск, а второй в Уфимскую губернию¹⁰. Недостаток офицеров вынудил правительство даже принимать на службу чиновников « которые обвинены за маловажные проступки и не должны быть приговорены к лишению чести или чинов, хотя бы и следствие о них не закончилось», о чем был подписан императором специальный указ от 19 ноября 1812 г.¹¹

Несмотря на то, что все губернии 3-го округа сдавали много вооружения (историк Михайловский-Данилевский пишет, что в домах здесь нигде не оставалось никакого оружия – все было отдано на нужды армии и ополчения), сложно было и снабдить средствами боя тысячи людей, оружия не хватало даже регулярным частям. В сентябре граф Толстой обращается к императору с рапортом о присылке хотя бы 10 000 ружей для вооружения 4-х батальонов, «которые, рассыпавшись по всей линии ополчения, прикрывали бы ратников движущихся в колоннах и вооруженных одними пиками. Далее Толстой указывает на отсутствие артиллерии: «столь слабо вооруженное войско не может стоять против артиллерии неприятельской и будет совершенной жертвой без оной». По мнению его и ста орудий было бы достаточно, чтобы хотя немного увеличить

⁹ И славили Отчизну меч и слово: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Беляева. М., 1987. С. 301.

¹⁰ НА РТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 414-414об.

¹¹ НА РТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 416.

силу ополчения. Кроме того он находил, что в ополчении слишком мало кавалерии и просил присоединить к нему хотя бы два казачьих полка следовавших из Оренбурга на Нижний Новгород. В октябре Толстой обращается с той же просьбой к главнокомандующему действующей армией. Он докладывает, что в каждой роте имеется уже по 10 человек обученных приемам заряданию ружей; для этого употреблены были ружья из губернских арсеналов, которые только и годятся для учения. В результате этих усилий Толстого, в ноябре для 3-го округа ополчения из Нижнего Новгорода и Тулы было назначено 10 000 ружей¹².

Всего в ополчение было набрано 3280 ратников с 82 тысяч помещичьих крестьян губернии и оно стало самым малочисленным среди ополчений 1812 г. В дополнение к ним осенью было собрано еще по 2 человека со 100, которые остались в Казани. Это связано с тем, что помещичье землевладение в Казанской губернии было развито слабо. В начале XIX в/ в Российской империи, крестьяне были помещичьими (находившимися в собственности дворян), государственными и удельными или дворцовыми (принадлежавшими царствующей семье Романовых). Государственные крестьяне платили подушную подать в государственную казну. В Казанской губернии их было большинство (около 80%). А ополчение набиралось лишь среди помещичьих крестьян. Государственные и удельные крестьяне по Высочайшему Манифесту от 6 июля 1812 г. подлежали рекрутскому набору в армию и привлекались в ополчение в виде исключения по «мирскому приговору».

Кроме того, на добровольной основе в ополчение вступали представители мещанства (мелкие торговцы и ремесленники – жители городов). Мещане желавшие поступить в ополчение добровольно должны были получить согласие городского (посадского) общества, предварительно уплатить все налоги и оставаться на собственном иждивении на все время пребывания в ополчении. Мещане в основном занимали унтер-офицерские должности. После окончания военных действий мещанам в отличие от крестьян разрешалось оставаться на военной службе.

---

¹² Апухтин В.Р. Казанское дворянское ополчение 1812-1813-1814 гг.: Очерк и материалы. М., 1912. С. 9.

Заявили о своей готовности поступить в ополчение многие из студентов и преподавателей Казанского университета, среди которых был адъюнкт П.С. Кондырев (в будущем известный ученый). 18 июля он подал рапорт на имя ректоры, 22 августа на него последовал отрицательный ответ¹³. 60 студентов Казанской духовной академии также подали заявления на имя архиепископа с просьбами отпустить их на службу и были приняты на должности урядников¹⁴. Некоторые из них за участие в осаде Дрездена получили Георгиевские Серебряные кресты, а двое произведены в офицеры¹⁵. История сохранила имя одного из них Аристарха Пифиева. Он поступил в ополчение урядником, занимался канцелярскими делами в штабе временно управлявшего Саксонским королевством генерал-адъютанта князя Репина и обратил на себя внимание своего начальства прекрасным их выполнением, за что был представлен к гражданскому чину 14 рангу по Табели о рангах и определение на службу в провиантский штат¹⁶. Однако городские сословия не могли дать большого количества ратников в виду своей малочисленности. Кроме того, купцы и мещане подлежали рекрутской повинности, которые в 1812 году тяжким бременем легли на население Российской империи. Только осенний рекрутский набор (83-й в общей нумерации) дал от Казанской губернии 7489 человек, то есть в два раза больше численности всего губернского ополчения.

Немалой проблемой стало и обучение нескольких тысяч новобранцев совершенно незнакомых с военной службой. Несмотря на то, что командующему 3-м округом графу Толстому для успешности формирования ополченческих полков были подчинены все воинские команды, Нижегородской, Казанской, Пензенской, Симбирской, Костромской и Вятской губерний (за исключением 3-го учебного Гренадерского батальона в Казани), Казанский гарнизон, осенью 1812 г. обладал недостаточными возможностями для этого. Он состоял из гарнизонного полка в составе 3-х батальонов и

¹³ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8788. Л. 4.

¹⁴ Урядник – воинское звание (чин) младших командиров казачьих войск в дореволюционной России, а также ополчении 1812-1815 гг.

¹⁵ Апухтин В.Р. Казанское дворянское ополчение 1812-1813-1814 гг.: Очерк и материалы. М., 1912. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 8.

различных инвалидных команд, а также команды донских казаков. Однако в гарнизонные формирования направлялись по большей части рекруты неспособные к полевой службе, но и из них с началом войны значительное число нижних чинов гарнизонного полка было направлено на формирование новой 27-й пехотной дивизии.

Участие 27-ой пехотной дивизии русской армии в Отечественной войне 1812 г. это отдельная тема для исследования. Это подразделение сформированное перед самой войной покрыло себя неуязвимой славой в боях при Красном, Шевардине, Бородине, Малоярославце.

Кроме того в Казани находилось рекрутское депо 2-й линии в котором производилось начальное обучение рекрутов. Оно состояло из 3-х батальонов 4-хротного состава и к нему была причислена рота местного гарнизонного полка, в июле 1812 г. вместе с депо отправившаяся в действующую армию.

Гораздо лучше обстояло дело с обмундированием и провиантом для ратников. Дворяне отдававшие своих крестьян в ополчение, полностью оплачивали их амуницию, трехмесячный паек по солдатским меркам (всего по тогдашним ценам на 22 000 рублей) и по 5 рублей награждения.

Для принятия пожертвований как деньгами, так и натурой в Казани был образован специальный комитет начальником которого стал губернатор, казначеем майор Иван Михайлович Акчурин, а правителем коллежский советник Никита Петрович Петров, заседателем от дворянства флота капитан-лейтенанта 2-го ранга Александра Петровича Косливцева¹⁷. Приемом и распределением провианта и фуража заведовали титулярный советник Михаил Степанович Пивоваров и поручик Андрей Прохорович Бекренев.. Первоначально, дворяне вносили по 1 рублю с каждого крестьянина, но потом еще по 1 рублю 25 копеек, а помещики владевшие менее 12-ю крестьянами, внесли по 5 рублей с каждого. Всего, кроме добровольных пожертвований дворяне собрали 140 000 тысяч рублей. Губернское купечество внесло по 2% от объявленных капиталов (до 80 000 рублей). Мещане города Казани определили собрать со своего общества 10 000 рублей, цеховые сообщества

---

¹⁷ НА РТ. Ф.1. Оп. 2. Д. 165. Л. 118.

2 000, татарское общество 8360 рублей Общества уездных городов губернии пожертвовали более 8 000. Из всех уездов губернии присылались деньги и вещи. Гвардии прапорщик Осокин пожертвовал 100 пудов штыковой меди (из нее делались части фурнитуры огнестрельного и холодного оружия). Православная церковь доставила до двух пудов серебра в вещах (кроме того архиепископ пожертвовал 2 000 рублей лично). В общей сложности от Казанской и Вятской губерний составила 346 000 рублей.

Офицерам ополчения «кто взять не отречется» было назначено жалование: младшим офицерам по 300 рублей в год, ротным и эскадронным начальникам 350-400 рублей, на обмундирование тем и другим по 100 рублей, батальонным командирам по 500 рублей, полковым – 750 рублей, а начальнику ополчения, на разъезды и канцелярские расходы 2250 рублей. Кроме того были назначены деньги на покупку лошадей, кому они полагаются.

Кроме вышеперечисленного казанцы полностью обмундировали один из батальонов 2-го пешего полка Костромского ополчения, укомплектовали его палатками и снарядили половину полкового обоза. В Казани также в течении 1812-13 гг. было изготовлено 3464 седла для армейской кавалерии¹⁸.

По сформировании пеший полк, численностью в 3 000 человек был разделен на шесть батальонов. Каждый батальон, состоящий из 4-х сотен, находился под командованием батальонного командира, имел особого адъютанта и квартирмейстера (кроме того были 1полковой адъютант и полковой квартирмейстер). В сотне находился сотенный начальник, два пятидесятника и одиннадцать урядников, - надлежащее число писарей, барабанщиков и трубачей.

Конные воины, находившиеся при сем полку, разделены были на три сотни, каждая имела сотенного начальника, два пятидесятника и одиннадцать урядников¹⁹.

В середине декабря Казанское ополчение вместе с прочими ополчениями 3-го округа двинулось в поход через Нижний Новгород, Муром, Рязань, Орел и Глухов, далее на Киев и Житомир. Первоначальной их боевой задачей была защита хлебородных

¹⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 935.

¹⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 165. Л. 13.

малороссийских губерний. Но в Малороссии им было приказано не останавливаться, а следовать далее на Волынь к городу Новоградволынский. Таким образом казанские полки не приняли участие в Отечественной войне и начали свою боевую деятельность во время заграничных походов русской армии 1813-14 гг. Пеший и конный полки Казанского ополчения, продолжая состоять в корпусе Толстого, вошли в состав армии генерала от кавалерии барона Беннигсена. Эта армия наименование «Польской» была двинута к Дрездену. Казанский пеший полк вместе с 3-м Нижегородским составил 2-ю бригаду ополчения вошедшую в дивизию генерал-майора Муромцева.

2 августа штаб-квартира Муромцева находилась в Кротошине, 18 августа в Одаленове. 21 августа журнал военных действий польской армии отмечает местоположение ополчения в местечке Дубине. 31 августа Муромцеву предписано форсированным маршем двигаться через Равич и Винциг к Лигницу (по мосту у деревне Кленау через Одер 5-го сентября). После дневки (растага) в этом пункте весь корпус Толстого должен был в течении 6 суток прибыть в Цитау 13 сентября (следуя через Гольдберг, Левенберг и Зейденберг). 1-го октября основная часть войск Беннигсена присоединилась к Богемской армии союзников. Но в поход велено было взять только те полки из ополчения, которые граф Толстой, и специально для этого присланный флигель-адъютант Закревский, признают тому способными, остальные же полки надлежало отправить в состав блокадного корпуса у крепости Глогау.

Казанский пехотный полк был найден на этом смотре недостаточно обученным и устроенным, чтобы быть употребленным против неприятеля. Однако из журнала военных действий, следует, что батальоны Казанского пешего полка совершали дальнейший поход с корпусом Толстого в Богемию и 6 сентября журнал отмечает переход 2-й бригады ополчения из д. Локвица в д. Петерсвальде. 4-го октября 5 эскадронов Казанского конного полка были откомандированы для усиления отряда генерал-майора Дяткова. 2-го октября Казанский пеший полк в составе отряда генерал-майора Репнинского располагался при деревне Лейбниц. 6,7 и 8 октября казанцы участвовали в стычках с французским гарнизоном у деревни Петерсвальде. 11 октября корпус проследовал через Максен,

Рейнгольденгайн 24 версты до местечка Диппольсвальде и оттуда в направлении Дрездена. 15 октября казанский пеший полк в составе отряда действительного статского советника Гурьева был откомандирован на правый берег реки Эльбы для соединения с австрийскими войсками. Дрезден с 30-тысячным гарнизоном и огромными запасами был полностью обложен. 24 числа осажденный гарнизон предпринял вылазку, но был отражен и оттеснен к городским укреплениям. 28 октября командующий французским гарнизоном маршал Сен-Сир начал переговоры о сдаче, а 30-го гарнизон капитулировал. В плен сдалось 2 маршала 32 генерала, 1759 офицеров и 33 744 солдата ?.

О действиях офицеров пешего полка в боях 4, 5, 12, 15, 16, 17 и 25 октября 1813 г. под Дрезденом мы можем подчеркнуть из наградных списков²⁰.

Командир Казанского пехотного полка подполковник Чичагов находился со вверенным ему полком с примерным мужеством во всех сражениях под Дрезденом, но особенно отличился 25 октября 1813 года личной храбростью и благоразумными своими распоряжениями способствовал к успешному окончанию дела, за что и награжден золотой шпагой с надписью «за храбрость». Батальонные командиры подполковник Селиванов и надворный советник Ростовцев награждены орденами св. Анны 2-го класса за отличие во всех сражениях под Дрезденом, а особенно за бой 25 октября. Штабс-капитанам Иванову и Неелову, которые подавали пример подчиненным и весьма содействовали отражению неприятеля, пожалованы орденом св. Анны 3-го класса. Субалтерн-офицеры поручики: Товарищев, Бланк, и Иглин, подпоручики Ларионов, Гаврилов, и Иванов, прапорщики: Селивестров и Иванов с отличным мужеством действовали в «стрелках» (в стрелковой цепи), за что первым трем даны были аннинские 2-го класса кресты; поручикам объявлено было высочайшее благоволение а прапорщиков произвели в следующий чин.

После капитуляции дрезденского гарнизона, Казанский пеший полк составил гарнизон этого города. Здесь оно и оставалось до

---

²⁰ Апухтин В.Р. Казанское дворянское ополчение 1812-1813-1814 гг.: Очерк и материалы. М., 1912. С. 10-11.

возвращения в Россию (ополчение возвратилось в Казань 20 февраля). Конные же сотни, последовали с корпусом Толстого к городу Магдебургу (в Пруссии) и там находились в течении января 1814 г., в составе осаждавших его войск. После этого казанские конники были посланы к Гамбургу, но не дойдя до него были остановлены в Брауншвейге, где пробыли до мая. Отсюда они были возвращены в Россию. В Казань прибыли в конце мая 1815 г.

22 октября 1814 г. последовал императорский указ Сенату о роспуске ополчения.

С началом отступления русской армии вглубь страны в Казань стали прибывать беженцы. Вот как описывает события лета 1812 г. очевидец: «В это самое время вся Россия была в трепете, все уезжали из Смоленской, Калужской и даже из Тульской и Московской губерний, все ехали в дальние деревни и города, больше всего ехали в Нижний или Казань»²¹. После того, как стало известно, что Москва будет оставлена русскими войсками, их количество значительно увеличилось. Всего город принял около 30 000 человек, то есть его население по сравнению с довоенным временем увеличилось вдвое. Кроме того, согласно императорскому указу от 11 ноября в Казань были переведены Московские Департаменты Правительствующего Сената, Межевая Комиссия, открывшие свои заседания в городе 1 декабря²². Сюда же были эвакуированы Опекунский Совет и женские Екатерининский и Александровский Институты, а также Императорский воспитательный дом.

Границы Казанской губернии начала XIX в. не совпадали с границами современного Татарстана. Например Мензелинский и Бугульминский уезды в то время находились в составе Оренбургской губернии и назывались 11-м и 12 башкирскими кантонами. В 1812 г. они приняли участие в формировании 3-го, 4-го, 5-го и 12-го башкирских полков. Кстати, эти полки участвовали в тех же боевых операциях, что и Казанское ополчение.

Наши земляки отважно сражались во многих подразделениях российской армии. Еще осенью 4 роты Казанского гарнизонного полка отправились в Москву на формирование новой -27-й пехотной

---

²¹ Золотухина А.И. «Двенадцатый год в записках А.И. Золотухиной» // Русская старина. 1889. № 11. С. 262.

²² НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8826. Л. 34.

дивизии заслужившей бессмертную славу в боях Отечественной войны. В начале войны эта дивизия под командованием генерал-майора Д.П. Неверовского присоединилась ко 2-й армии П.И. Багратиона. Она состояла из 6-ти полков и насчитывала 10,5 человек. Часть дивизии приняла участие в сражении под Красным, где потеряла 900 человек из 2930. Обстоятельства этого боя таковы.

2 августа, решив воспользоваться неверным движением русских 1-й и 2-й Западных армий и захватить Смоленск, Наполеон перебросил на левый берег Днепра 3 кавалерийских корпуса маршала Мюрата и корпус маршала Нея. Заняв Смоленск, французы в крайне сложное положение главные силы всей русской армии, а единственной преградой у них на пути был семитысячный отряд Неверовского.

Оставив в Красном прикрытие из егерей, Неверовский отошел за Лосминский овраг. Здесь к нему присоединились егеря, выбитые из города превосходящими силами противника. Вскоре, последовала первая атака неприятельской кавалерии. Русская пехота, построенная в каре, встретила французов частым огнем из ружей и штыками. 15-летний офицер Симбирского пехотного полка Д.В. Душенкевич, впоследствии вспоминал: «Неприятель, с двух сторон летящий... С самонадеянием на пехоту торжественно стремившийся, подпущен на ближайший ружейный выстрел; каре, на внимающую окружавшему его бурному смятению сбитых и быстро преследуемых, безмолвно, стройно стояло, как стена, как стена. Загремело повеление «Тревога!», барабаны подхватили ее, батальный прицельный огонь прокатился быстрою дробью – и вмиг надменные враги с их лошадьми вокруг каре устлали землю. Один полковник, сопровождаемый несколькими удалцами, в вихре боя преследуемых, домчались к углу каре и пали на штыках. Атакующие, получившие невероятно славный ружейный отпор, быстро повернули назад и усаkali в великом смятении с изрядною потерей»²³.

Но оставаться на месте было нельзя: в любой момент могла подойти неприятельская пехота и артиллерия, что привело бы к неминуемому поражению отряда. Каре начало отступление по

---

²³ Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812-го года до 1815-го года // 1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1985. С. 110.

дороге; очевидно, именно в этот момент строй нарушился. Плотной забитая пехотой дорога, к тому же обсаженная березами, оказалась непреодолимой преградой для французской кавалерии. Приближение каждого неприятельского эскадрона встречалось перекатами батального огня и гребенкой штыков. «Наша толпа, – писал адъютант 50-го егерского полка Н.А. Андреев, – похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу, и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя...»²⁴.

В районе деревни Ларионово натиск французов был особенно силен. Они начали обстрел отступающего отряда из захваченных у русских пушек. Однако русская пехота медленно отступала, не взирая на картечь.

К вечеру раздались выстрелы малочисленного заслона, выставленного Неверовским у села Мерлино. Французы приняли его за авангард больших сил и прекратили преследование. После небольшого отдыха отряд Неверовского продолжил отступление и к рассвету был уже в 6 верстах от Смоленска, который был спасен.

Весть об этом бое облетела всю армию. П.Х. Грабе восторженно писал: «День 2 августа принадлежит Неверовскому. Он внес его в историю. Атакованный авангардом под начальством Мюрата, за которым следовала вся огромная туча французской армии, не имея за собой до Смоленска ни малейшей опоры, Неверовский, окруженный, отрезанный, совершил свое львиное отступление, самим неприятелем так названное»²⁵. Ему вторит А.Н. Муравьев: «Это отступление покрывает честью Неверовского и количеством слабое, но духом геройское войско его, состоявшее из одной пехоты и все время наступления, защищавшееся густыми кареями (каре), – так что сильный неприятель не мог пробить их, несмотря на совершенное утомление. Таким образом, Неверовский покрыл себя неувядаемой славой как в глазах наших, так и в глазах неприятеля, который отдает ему вполне заслуженную справедливость»²⁶.

---

²⁴ Ульянов И. Русская пехота в бою (1812), М., 2008. С. 135.

²⁵ Граббе П.Х. 1812 // России двинулись сыны: записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 395.

²⁶ России двинулись сыны: записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 284.

4 августа дивизия в полном составе участвовала в обороне Смоленска, потеряв при этом 1430 солдат и офицеров. 4 августа 1-я бригада дивизии защищала Рославльское предместье, Виленский полк был рассыпан на городских стенах, а Симбирский полк прикрывал единственный мост через Днепр. 5 числа части дивизии в Рославльском предместье под жестоким обстрелом и непрерывными атаками отступили под защиту городских стен, но поддержанные свежими частями отбросили врага.

Стрелки Симбирского полка в бою за немецкой кирхой заслужили в этот день похвалу генерала Раевского: «Ай, новички, молодцы, чудо, как с французами ознакомились»²⁷. К концу дня, симбирцы отбив несколько атак заняли позиции на крепостных стенах.

24 августа полки дивизии мужественно защищали Шевардинский редут. Около 2 часов дня французы начали атаки на укрепление. Оттеснив часть русских, сил они двинулись вперед, но наткнулись на 2-ю бригаду дивизии, которая, построившись в линию, открыла сильнейший ружейный огонь. На расстоянии 60 шагов войска стояли на противоположных скатах возвышенности и, прикрытые друг от друга по грудь, перестреливались в течении часа. Все усилия французского генерала Компана сдвинуть с места свои полки не приносили результата, пока он лично не повел в бой резервы, которые и ворвались в редут.

В это время в контратаку на левом фланге был брошен Тарнопольский пехотный полк. «Нашей дивизии Тарнопольский полк пошел колонной в атаку с музыкой и песнями (что я в первый и последний раз видел). Он после бросился в штыки в глазах моих. Резня недолго была, и полкового их командира, ранило в заднюю часть тела навывлет пулею. Его понесли, и полк начал колебаться. Его место заступили, полк остановили, и он опять бросился в штыки и славно работал»²⁸. С подходом подкреплений полки дивизии бросились в атаку и выбили французов из редута.

Бой продолжался до поздней ночи при отсветах горящих деревень и стогов сена. Неверовский, собиравший части дивизии

---

²⁷ Ульянов И. Русская пехота в бою (1812), М., 2008. С. 139.

²⁸ Там же. С. 147.

заметил движение неприятельской колонны и приказал Симбирскому полку атаковать ее в штыки без шума и выстрелов. Полк, внезапно ударив во фланг французам, обратил их в бегство, захватив при этом две пушки. На этом Шевардинский бой закончился.

Перед началом Бородинского сражения в строю находилось 4709 нижних чинов. 26 августа 27-я дивизия занимала позиции позади Багратионовых флешей и приняла на себя главный удар войск Великой армии и стойко защищала позиции. В течении нескольких часов она была перемолота в непрерывных контратаках. Участвовали полки Неверовского и в последней контратаке организованной Багратионом. К концу сражения остатки полков были отведены к югу от д. Семеновское, где они совместно с Литовским полком отражали атаки неприятеля. При Бородине дивизия потеряла свыше 3,3 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести (27 августа в строю осталось 1382 нижних чина, в полках по 150-200 человек).

Следующим крупным делом этой войны в котором приняла участие 27-я пехотная дивизия было сражение при Малоярославце.

Федотова О.В.

**«Славный год сей минул, но не пройдут содеянные
в нем подвиги»: Отечественная война 1812 г. в документах
Национального архива Республики Татарстан**

Вынесенные в заголовок слова, впервые прозвучавшие в манифесте императора Александра I 26 декабря 1812 г., как нельзя лучше подходят к отмечаемому в этом году славному юбилею Отечественной войны. Сохранить память о великих событиях истории основная задача архивов.

К сожалению, документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан и непосредственно относящихся к 1812 г., не так много. Кстати, эта проблема не только нашего времени. Сто лет назад при подготовке юбилейного издания «Казанское дворянское ополчение», автор его – член Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете Всеволод Ростиславович Апухтин вообще столкнулся с полным отсутствием их в тогдашних казанских архивах¹. Объяснением этому явлению служили многочисленные казанские пожары первой половины XIX в. Тем не менее, на сегодняшний день Национальный архив Республики Татарстан располагает комплексом документов в той или иной степени связанных с событиями 200-летней давности

Большинство из них отложилось в фондах 1-й Казанской гимназии и Казанского университета, бывшего в то время центром не только научной, но и культурной и общественной жизни губернии. Интересен тот факт, что еще в феврале 1812 г., за несколько месяцев до войны в университете встал вопрос о необходимости изучения военного дела. В отношении профессора И.Ф. Яковкина попечителю Казанского учебного округа С.Я. Румовскому сообщалось, что некоторые студенты «желают и имеют надобность обучаться артиллерии и фортификации»². Преподавать указанные предметы вызвался адъютант гражданской и военной архитектуры Степан

¹ Казанское дворянское ополчение 1812-1813-1814 гг. М., 1912. С. 3.

² НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 481. Л. 122.

Сергеевич Петровский.

Среди университетских документов можно выделить протоколы заседаний Совета университета, посвященные обсуждению Высочайших манифестов о начале войны с Францией и о формировании ополчений. Реакция на них последовала незамедлительно. Сохранился рапорт адъюнкта Казанского университета Петра Кондырева от 18 июля 1812 г в Совет университета о своем желании вступить в ополчение, в котором он пишет, что «внимая воззванию государя императора к верным сынам отечества о восстании против врага нашего и желая по долгу своему, не щадя и живота, содействовать благу общему, имею честь объявить почтеннейшему Совету мою готовность быть ныне, по востребованию, на поле брани с тем жалованием, каковое получаю и в том чине, каковой имею»³. Среди студентов университета и учащихся гимназии (а университет и гимназия в те годы представляли собой практически единый организм), произошедшие события так же нашли живейший отклик. Об этом говорит коллективное прошение студентов Игнатия Данкова, Януария Ярцова, Петра Климова, Дмитрия Андреева на имя императора от 7 августа 1812 г с просьбой перевести их в кадеты волонтерного корпуса. «По обнародованному от 6 июля высочайшему манифесту, мы горя усердием к любезному Отечеству... держаем... просить... нас... переименовать из студентов в кадеты второго волонтерного корпуса, где бы мы, приуготовив себя нужнейшими воинскими познаниями, могли стать в сонм достопамятного и победоносного Вашего Императорского величества воинства на защиту престола и государства»⁴. О патриотических настроениях, царивших в обществе можно судить и по большому количеству прошений, поданных родителями об исключении их сыновей из университета и гимназии, для поступления в военную службу.

В следующих документах Казань предстает как один из центров эвакуации. Сюда из занятой неприятелем Москвы были переведены московские департаменты Правительствующего Сената⁵. В здании

³ НАРТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8788. Л. 4.

⁴ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8776. Л. 6-6об.

⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 909.

казанской мужской гимназии были размещены учреждения Московского Опекунского Совета, а именно Воспитательный Дом, Александровский и Екатерининский институты благородных девиц. Эвакуированные воспитанники Воспитательного дома получили возможность продолжить свое обучение. Имеется именной список шести студентов медицинского факультета Московского университета, которым было разрешено посещать лекции по медицине в казанском вузе⁶.

Планировалась эвакуация в Казань и Московского университета. Совет университета на своем заседании от 4 октября 1812 г. рассматривал письмо ректора Ивана Гейма, в котором тот сообщал, что московские профессора и студенты находятся сейчас в Нижнем Новгороде и рассматривается вопрос о переводе их в Казань. Единогласным решением Совета было принять и разместить московских коллег во всех свободных помещениях университета. Руководство Министерства Народного Просвещения приняло иное решение, и москвичи в Казань не приехали. Тем не менее, ректор Гейм счел своим долгом поблагодарить за проявленное сочувствие к их положению. Сохранилось его подлинное письмо от 15 ноября 1812 г., в котором значится: «Лестный отзыв почтеннейшего сословия вашего на просьбу мою о помещении московских университетских чиновников и питомцев с казенными вещами в доме Казанского университета и готовность принять нас возлагает на меня обязанность свидетельствовать вам от имени всех моих товарищей искреннюю благодарность. Желание наше было общее присоединиться до времени к святилищу казанских муз,... но министр просвещения предписал нам отправиться в Симбирск, почему и не можем воспользоваться благосклонным странноприимством ученого казанского сословия»⁷.

Помимо учреждений в Казани нашли пристанище и частные лица, сведения об этом мы встречаем в переписке казанского губернатора с министерством полиции.⁸

Отдельная страница истории – это пребывание в Казанской губернии пленных наполеоновской армии. В фонде университета

⁶ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8849. Л. 10.

⁷ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8848. Лл. 1-1об.

⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 867.

хранится отношение казанского губернатора Бориса Александровича Мансурова профессору Илье Федоровичу Яковкину от 13 января 1813 г. с просьбой прислать ему чиновника, знающего французский и немецкий языки, для общения с военнопленными. Об их количестве и составе можно судить по сохранившимся «ведомости о числе пленных, находящихся в Казанской губернии на 5 февраля 1813 г.» и именном списке офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Оба документа составлены преподавателем университета Николаем Упадышевским. Всего в губернии находилось – около 250 военнослужащих. Большинство из них – французы, но были и итальянцы, испанцы, австрийцы, поляки, португальцы, представители германских княжеств⁹.

Большой комплекс документов связан с празднованием 100-летнего юбилея Отечественной войны в 1912 г. Он интересен в первую очередь тем, что позволяет частично восполнить несохранившиеся сведения. И особенно важным среди документов этого направления представляется список потомственных дворян Казанской губернии – участников Отечественной войны. В нем представлены подробные сведения о боевом пути, ранениях и наградах представителей казанского дворянства. Например, подполковник Павел Львович Толстой участвовал в сражениях за Витебск и Смоленск, в Бородинской битве, преследовал неприятеля за границу, в Польше, Шлезии, Богемии, Саксонии, награжден золотой шпагой с надписью за храбрость. Иосиф Иванович Юшков служил в лейб-гвардии гусарском полку, участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях, был ранен под Лейпцигом, брал Париж и т.д.¹⁰ Работа по составлению данного списка (с большей долей вероятности далеко не полного) велась в течение двух лет и вызвала немало трудностей. Сведения о службе не сохранились не только в Дворянском собрании, но и в семейных архивах. Некоторые дворяне неуверенно писали, что их дед или дядя вроде бы воевали или должны были воевать, так как были соответствующего возраста или служили в армии. У кого-то в доме обнаруживалась какая-то награда или трофейная французская шпага. Но все же большинство смогло

⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 71. Лл. 8-13об.

¹⁰ НА РТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 853. Лл. 98-120.

предоставить нужные сведения. В последней графе списка указаны прямые потомки, награжденные памятной светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте, учрежденной специально к празднику.

В начале прошлого века юбилей войны получил статус государственного праздника, преследовавшего несколько очень важных целей. В целом мероприятие с самого начала планировалось как общенародное торжество. В циркуляре Министерства внутренних дел от 31 мая 1912 г. подчеркивалась важность привлечения к празднованию «возможно обширных слоев населения Империи», в том числе и сельского населения губерний и областей. После поражения в русско-японской войне, революционных событий 1905-1907 гг. празднование славного юбилея должно было вновь объединить народ, невзирая на различие сословий и вероисповеданий. Поэтому отчеты о подготовке и проведению праздничных мероприятий отложились в фондах практически всех государственных и сословных учреждений. Особенно полно они представлены в фондах Канцелярии Казанского губернатора и Казанского губернского правления. Главные торжества происходили 26 августа, в день 100-летия Бородинского сражения. Во всех городах губернии прошли богослужения и парады войск, а в селениях – народные гуляния. Активное участие во всех мероприятиях принимало мусульманское население губернии, а также «представители от еврейского населения, чего в прежние годы не было»¹¹. В фонде Канцелярии Казанского губернатора сохранилась копия телеграммы, направленной императору Николаю II от имени мусульман Казани. В ней, в частности, говорится: «мусульмане всех 17 приходов Казани, празднуя 100-летие Отечественной войны, собрались сегодня вместе с русским населением на Арском поле и молились по правилам своей веры... В эту войну предки мусульман, как и всегда, были верными слугами отечества и совместно проливали кровь за Родину и Монарха»¹². Так же имеется ответная телеграмма Николая II с благодарностью мусульманам губернии за верноподданнические чувства.

В фонде Попечителя Казанского учебного округа отложились

¹¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 172об.

¹² НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 153.

отчеты празднования юбилея в учебных заведениях округа. Программа мероприятий в целом была стандартной и состояла из трех частей: религиозной (панихида по императору Александру и погибшим героям войны), исторической (доклада преподавателя истории на тему юбилея) и литературно-музыкальной (выступления учащихся) и ограничивалась двумя днями – 25 и 26 августа. Но в некоторых учебных заведениях рамки мероприятий были расширены. В 1-й Казанской мужской гимназии к юбилею приурочили открытие выставки. В витринах были представлены документы, автографы, гравюры, награды, монеты, редкие издания Александровской эпохи. На отдельной витрине разместились картины и рисунки, выполненные учениками гимназии. Сохранился подробный экспозиционный план выставки и отзывы руководителей других гимназий, посетивших выставку вместе со своими учениками¹³. Во 2-й Казанской женской Ксенинской гимназии в программу праздника была включена экскурсионная поездка в Москву с посещением Бородинского поля и Исторического музея. Особенностью празднования в Елабужской женской гимназии явилось отдание почестей знаменитой кавалерист-девице Надежде Дуровой. Особенностью празднования в училищах духовного ведомства явилось то обстоятельство, что днем основного торжества по определению Святейшего Синода было назначено 11 октября – день оставления неприятелем Москвы.

В заключении хотелось бы остановиться на группе документов, отражающих один немало важный аспект прошедших торжеств. Он связан с благотворительными акциями, приуроченными к славной дате. Заметим, что сам праздник был проведен большей частью на добровольные пожертвования (около 2000 руб.). Обществом «Газ и электричество» была отпущена бесплатная электрическая энергия для освещения световых картин на правительственных и общественных зданиях. Состоятельные граждане выделили средства на иллюминацию и украшение домов и парков, на организацию детских игр в городских садах. Но одним празднованием дело не ограничилось. Казанской городской управой была открыта богадельня для призрения нижних чинов, купечество за свой счет

---

¹³ НА РТ. Ф. 87. Оп.1. Д. 7973. Лл. 61–62об.

учредило богадельню для увечных солдат. Совет Казанского университета возбудил ходатайство об освобождении от платы за обучение ежегодно одного студента первого курса на каждом факультете. памятные стипендии для учащихся гимназии были учреждены Тетюшской и Чистопольской городскими думами. В Арске от городского общественного управления беднейшему населению было выдано по 10 рублей, а учащимся всех трех городских училищ вручены сладкие подарки. И это далеко не полный перечень.

Таким образом, вам была представлена часть документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан, связанных с историей Отечественной войны 1812 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллин Халим Миннуллович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань).

Амерханова Эльмира Исхаковна – канд. ист. наук, заведующая отделом редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ им. Н.И. Лобачевского (Казань).

Бендерский Илья Игоревич – научный сотрудник Государственного музея Л.Н.Толстого (Москва).

Благов Юрий Алексеевич – заслуженный деятель искусств, Музей Казанского академического Большого драматического театра им. В.И. Качалова (Казань).

Бурлакова Тамара Тихоновна – канд. пед. наук, доцент Института языков и культур им.Льва Толстого (Москва).

Валитова Фарида Хакимовна – заслуженный работник культуры Республики Татарстан, директор Музея-усадьбы Н.А.Дуровой Елабужского государственного музея-заповедника (Елабуга, Республика Татарстан).

Галиуллина Руфия Хазибовна – канд. ист. наук, старший преподаватель Казанского юридического института МВД России (Казань).

Гладун Ольга Викторовна – хранитель коллекции мемориальной библиотеки Л.Н. Толстого Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Ясная Поляна, Тульская обл.).

Горелов Анатолий Алексеевич – доктор филос. наук, ведущий сотрудник Института философии РАН (Москва).

Давыдова Марина Александровна – руководитель Музея истории государственности татарского народа и РТ Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» (Казань).

Елдашев Анатолий Михайлович – доцент Казанской Духовной семинарии, лауреат Макариевской премии (2011 г.) (Казань).

Зайцев Виталий Александрович – старший научный сотрудник

отдела истории и культуры Татарстана Национального музея Республики Татарстан (Казань).

Ильина Кира Андреевна – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им.А.В. Полетаева НИУ «Высшая школа экономики» (Москва).

Карташева Елена Ивановна – заслуженный работник культуры Республики Татарстан, заведующая научно-методическим отделом Национального музея Республики Татарстан (Казань).

Кокшарова Ирина Валерьевна – научный сотрудник Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года (Малоярославец, Калужская обл.).

Морозов Николай Андрианович – заведующий историческим отделом Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Владимир, Владимирская обл.)

Муртазина Фарида Гафиуллоевна – директор МБУК «Музей лаишевского края имени Г.Р. Державина» (Лаишево, Республика Татарстан).

Паршикова Елена Александровна – старший научный сотрудник Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Елабуга, Республика Татарстан).

Петрухно Алла Сергеевна – заслуженный работник культуры РФ, директор ГИАХМЗ «Александровская Слобода» (Александров, Владимирская обл.).

Рязанов Александр Михайлович – заслуженный работник культуры РФ, директор Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С.Пушкина (Московская обл.).

Саначин Сергей Павлович – заслуженный архитектор Республики Татарстан, главный архитектор проектов Центра разработок генерального плана Казани, ОАО «Институт «Казгражданпроект» (Казань).

Семёнова Александра Леонидовна – канд. филол. наук, доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Новгородская обл.).

Смирнова Лариса Викторовна – заведующая отделом фондов Бородинского военно-исторического музея-заповедника (Бородино,

Московская обл.).

Терешкина Дарья Борисовна – канд. филол. наук, доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Новгородская обл.).

Токарева Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник Сергиево-Посадского Государственного музея-заповедника (Сергиев Посад, Московская обл.).

Туркин Антон Владимирович – старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (Казань).

Федотова Ольга Викторовна – начальник отдела публикации документов Национального архива Республики Татарстан (Казань).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.

Архив СПб. ИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.

ДР – Дворцовые разряды.

КФУ НБЛ ОРРК – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, Отдел рукописей и редких книг.

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан.

ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

СПГИХМЗ. – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллин Х.М. Отечественная война 1812 г., заграничные походы 1813-1814 гг. и татарский народ.....	3
Амерханова Э.И. Участие «служилого города» в событиях Смутного времени.....	15
Бендерский И.И. Историческая репрезентация Бородинского сражения на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстого: к постановке проблемы	27
Благов Ю.А. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях Казани	35
Бурлакова Т.Т. Причины Отечественной войны 1812 г. на страницах романа «Война и мир» Л.Н. Толстого	41
Валитова Ф.Х. Отражение событий Отечественной войны 1812 г. в экспозиции музея-усадьбы Н.А. Дуровой.....	50
Галиуллина Р.Х. Кавалер Золотой шпаги М.Н. Мусин-Пушкин	57
Гладун О.В. Тема Отечественной войны 1812 г. на примере отдельных книг Н.И. Толстого в яснополянской библиотеке Л.Н. Толстого	69
Горелов А.А. Лев Толстой и чувство патриотизма	85
Давыдова М.А., Абдуллин Х.М. Отечественная война 1812 г. в Музее Пушечного двора	95
Елдашев А.М. Патриарх Гермоген и его время	103
Зайцев В.А. Репрезентация образа Наполеона Бонапарта в фондовых коллекциях Национального музея Республики Татарстан	110
Ильина К.А. 1812 г. в судьбе университетских архивов	118
Карташева Е.И. историческая память и праздничная культура (по материалам празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. в Казани и Казанской губернии)	128
Кокшарова И.В. «Сей день есть один из знаменитейших»: Малоярославец и юбилейные торжества в 1912 и 2012 гг.	136

Морозов Н.А. Отражение событий войны 1812 г. на юбилейной выставке Владимиро-Суздальского музея-заповедника «Недаром помнит вся Россия...»	148
Муртазина Ф.Г. Разработка и реализация гранта «Война и мир Лаишевского дворянства», посвященного 200-летию Отечественной войны	155
Паршикова Е.А. Тема Отечественной войны 1812 г. в искусстве малой печатной графики Елабужской триеннале экслибриса ...	159
Петрухно А.С. Уникальная музейная находка времен Смуты: новая форма экспонирования	163
Рязанов А.М. «Званные и незванные гости»: усадьба Вязёмы в «Смутное время» и в 1812 г., отражение этих событий в экспозиции Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина	167
Саначин С.П. Об укоренившихся ошибках в историографии Казани и Смутного времени	176
Семёнова А.Л. Война 1812 г. в интерпретации А.И. Герцена: ценностный анализ	196
Смирнова Л.В. История Бородинского поля: подготовка к 200-летию Бородинского сражения	204
Терешкина Д.Б. Концепт «смута» как выражение «государственного нестроения» в русской агиографии	211
Токарева Т.Ю. Организация обороны Троице-Сергиева монастыря во время осады 1608-1610 гг.	221
Туркин А.В. Казанцы в войне 1812 г.	236
Федотова О.В. «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги»: Отечественная война 1812 г. в документах Национального архива Республики Татарстан.....	253
Сведения об авторах	260
Список сокращений	262
Содержание.....	263

Пятые Кремлевские чтения*Научное издание*Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Усл. печ. л. 14,75 Тираж 500 экз.

Подписано в печать 15.03.2013 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Отпечатано в множественном центре

Института истории АН РТ

420014 Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09